

Э. С. Ганиева

**КРЫМСКОТАТАРСКАЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
ТЕРМИНОЛОГИЯ:
ДИАХРОНИЯ И СИНХРОНИЯ**

Монография

Симферополь
2017

УДК42/49(038)=943.22(021)

ББК81.2-3(Крмтат)-923

Г12

*Рекомендовано к изданию Учёным советом ГБОУВО РК
«Крымский инженерно-педагогический университет»
(Протокол № 12 от 24 апреля 2017 г.)*

Научный редактор:

— доктор филологических наук, профессор **Эмирова А. М.**

Рецензенты:

— д. ф. н., главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан **Закирова И. Г.**;

— к. ф. н., доцент кафедры английского языка Института иностранной филологии, Таврической академии ФГОУВО КФУ им. В. И. Вернадского **Кубединова Л. Ш.**;

— к. ф. н., ведущий научный сотрудник отдела лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан **Тагирова Ф. И.**

Г12

Ганиева Э. С.

Крымскотатарская лингвистическая терминология: диахрония и синхрония. Монография. — Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2017. — 172 с.

ISBN978-5-906959-24-9

УДК42/49(038)=943.22(021)

ББК81.2-3(Крмтат)-923

Монографическое исследование «Крымскотатарская лингвистическая терминология: диахрония и синхрония» посвящено освещению одной из актуальных проблем современного крымскотатарского языкознания — отраслевому терминоведению.

В монографии описаны динамические процессы в лингвистической терминологии крымскотатарского языка, а также очерчен круг источников, которые могут быть полезны при диахроническом исследовании этой проблемы. Отмечены основные направления, которые следует различать в работе по совершенствованию терминологической системы крымскотатарского языка на современном этапе.

Результаты исследования могут быть полезны учёным и методистам, работающим над учебниками и методическими пособиями по крымскотатарскому языку, будут способствовать совершенствованию научно обоснованных методик, на базе которых должна производиться качественная подготовка специалистов в сфере крымскотатарского языкознания.

ISBN978-5-906959-24-9

© Ганиева Э. С., 2017

© ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Список условных сокращений	5
Предисловие	6
РАЗДЕЛ I. Теоретические основы исследования	11
1.1. Проблема метаязыка и его отношение к терминологии	11
1.2. Термин и его базовые признаки.....	13
1.3. Лингвистическая терминология и лингвистическая номенклатура	18
1.4. Терминология и терминосистема.....	23
1.5. Структурно-генетические признаки крымскотатарского языка	29
Выводы по первому разделу	31
РАЗДЕЛ II. Формирование лингвистической терминологии крымскотатарского языка	33
2.1. Истоки лингвистической терминологии крымскотатарского языка	33
2.2. Лингвистическая терминология в крымскотатарских арабографических грамматиках начала XX в.....	38
2.3. Лингвистическая терминология в трудах Б. Чобан-заде	53
2.4. Состояние лингвистической терминологии крымскотатарского языка в 20—40-е годы XX в.	61
2.5. Языковая политика и совершенствование крымскотатарской лингвистической терминологии во 2-ой половине XX в.	79
Выводы по второму разделу	92
РАЗДЕЛ III. Лингвистическая терминология крымскотатарского языка как система	95
3.1. Генетическая характеристика (источники формирования) лингвистических терминов крымскотатарского языка.....	96

3.2. Грамматическая характеристика лингвистических терминов крымскотатарского языка	102
3.2.1. Структурный анализ лингвистических терминов крымскотатарского языка	103
3.2.2. Частеречный статус и частеречный состав лингвистической терминологии крымскотатарского языка.	107
3.3. Парадигматические отношения в лингвистической терминологии крымскотатарского языка	111
3.4. Эпидигматические (деривационные) отношения в лингвистической терминологии крымскотатарского языка	135
Выводы по третьему разделу.....	144
Заключение	147
Список использованной литературы.....	152

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

a — аффикс

араб. — арабское

г — глагол

ВЯ — журнал «Вопросы языкознания»

крт. — крымскотатарский

лат. — латинское

лингв. — лингвистический

междунар. — международный

греч. — греческое

n — имя прилагательное

прич. — причастие

разд. — раздел

РКБ — Республиканская крымскотатарская библиотека
им. И. Гаспринского

тюрк. — тюркское

с — имя существительное

СТ — журнал «Советская тюркология»

ПРЕДИСЛОВИЕ

В связи с перманентным развитием общества и возрождением интереса к национальным языкам, истории и культуре становится актуальным вопрос об использовании их ресурсов и удовлетворении коммуникативных и познавательных потребностей народов-носителей этих языков. Вследствие этого возникает необходимость исследования языковых подсистем, называемых подъязыками, или языками для специальных целей, которые включают в себя единицы, обозначающие понятия специальных областей знания, — термины, образующие терминологические системы. Исследователи видят в терминах яркого «языкового представителя» той или иной области знания, что обуславливает интерес к терминологии и при решении самых различных прикладных задач лингвистики: при формировании смысловой обработки текста, создании информационно-поисковых языков, при разработке компьютерных систем представления знаний и др. [Шанский, 2017, с. 2].

Терминология, будучи обширным пластом лексического состава языка, неразрывно связана с другими слоями лексики общенародного языка и представляет наиболее чувствительную к внешним воздействиям ее часть. Разработанность терминологии свидетельствует о богатстве языка, о культурном развитии нации: потребность в терминах возникает лишь тогда, когда необходимо выразить какие-либо понятия. Терминологический ярус языка активно реагирует на динамику социальной среды. Именно в сфере терминологии проявляется влияние общества на язык, что позволяет использовать ее при изучении этапов развития и формирования государств, определения их культурного, научного и технического потенциала.

В этом плане весьма показательна крымскотатарская лингвистическая терминология. Она отразила все социолингвистические процессы, оказавшие влияние на язык и культуру крымских татар, а именно: принадлежность на протяжении многих веков к мусульманскому религиозному и культурному пространству, ориентация на арабские (вплоть до середины 20-х годов прошлого столетия), затем на русские и европейские лингвистические традиции, смена арабской графики на латин-

скую, и позже — на кириллическую и др. В настоящее время крымскотатарская научная, в том числе и лингвистическая, терминология испытывает влияние всех социальных процессов, происходящих в обществе.

Проблемы терминологии постоянно находятся в поле внимания различных языковедов. Из работ по данной тематике в первую очередь следует отметить труды Н. Б. Гвишиани, Е. И. Головановой, С. В. Гринев-Гриневич, А. С. Дьякова, Т. Р. Кияка, Р. Ю. Кобрина, З. Б. Куделько, В. М. Лейчика, А. В. Лемова, Г. П. Мельникова, Н. В. Подольской, Л. Э. Пшеничной, А. В. Суперанской, С. Д. Шелова и др. В исследованиях упомянутых авторов рассматриваются общие теоретические проблемы терминологии, закономерности развития, источники пополнения терминосистем и способы образования терминов.

Терминология как обширный пласт лексического состава языка неразрывно связана с единицами общенационального языка. В связи с этим изучение вопросов формирования, развития и упорядочения лингвистической терминологии, являющейся автономным сектором национального языка, — одна из актуальных теоретических и практических задач языкознания на современном этапе его развития. Исследование лингвистической терминологии представляет интерес как с позиции осмысления процессов современного терминообразования, так и с практической точки зрения, так как оно предполагает решение терминографических задач (составление терминологических словарей) и проблем, связанных с унификацией и стандартизацией терминов. Как отмечают исследователи, «обращение к анализу проблем лингвистической терминологии объясняется обеспокоенностью учёных состоянием метаязыка своей науки и стремлением предотвратить процессы искажения информации, связанные с несовершенством научной лексики» [Лемов, 2000, с. 4].

В тюркологии проблемам лингвистической терминологии посвящены научные труды ряда исследователей: Ж. Молдажарова [Молдажаров, 1972], В. Филюшиной [Филюшина, 1975], Ф. Астемировой [Астемирова, 1980], Б. Амансарыева [Амансарыев, 1986], Х. Исхаковой [Исхакова, 1987], В. Н. Пидвойного [Підвойний, 2001], Г. Д. Зайнуллиной [Зайнуллина, 2002],

Махиевой Л. Х. [Махиева, 2003], М. Г. Даниловой [Данилова, 2004] и др. В указанных трудах лингвистические терминосистемы изучаются в историческом аспекте, т.е. авторы рассматривают их в процессе формирования, становления и дальнейшего развития.

Крымскотатарская научная терминология на сегодняшний день не разработана в полном объёме. Существует исследование по юридической терминологии [Рустемов, 2014], создан ряд словарей специальной лексики по отдельным отраслям знаний [Люманов, 2006; 2008 и др.]. Однако, не изучены теоретические проблемы научной терминологии крымскотатарского языка и не получили описания формирование, развитие и динамика отдельных терминосистем большинства отраслей науки и техники.

Принципы формирования крымскотатарской терминологии обсуждались на Всекрымских языковых конференциях 20–30 гг. XX в. [Qrim tatar edebiy tili Butün Qrim III ilmiy konferentsiyasının qararlari, 1935 г.]. Отдельные вопросы затрагивались и освещались в работах Б. Чобан-заде [Чобан-заде, 1925; 1929], а также в трудах современных крымскотатарских учёных А. М. Меметова [Меметов, 2003], А. М. Эмировой [Эмирова, 2002; 2006], К. А. Усеинова [Усеинов и др., 2011, с. 163–166], посвящённых общим вопросам крымскотатарской научной терминологии. Однако закономерности дальнейшего развития и совершенствования данной терминосистемы нуждаются в более глубоком исследовании с учётом современных достижений в науке.

Актуальность данного исследования обусловлена рядом экстра- и интралингвистических причин. Одна из них определяется тем, что после многолетнего перерыва в истории крымскотатарского языка и науки о нем (война, депортация, полувековая ссылка, отсутствие школ и др.) крымскотатарское языкознание переживает один из наиболее бурных периодов в своём развитии. Сегодня в Крыму ведётся активная исследовательская работа по разным направлениям крымскотатарской филологии. Осуществляется школьное, среднее специальное и университетское обучение на данном языке, публикуется научная литература, создаются терминологические базы различных

отраслей науки. Вместе с тем существует целый ряд неисследованных проблем. В кругу задач, связанных с научной разработкой крымскотатарского языка, наиболее актуальными являются вопросы изучения, оптимизации и систематизации лингвистической терминологии. Без качественной, научно обоснованной терминологии невозможно написание монографий, учебников и методических пособий. Как подчёркивает проф. А. М. Эмирова, лингвистическая терминология — обязательный концептуально-языковой инструмент, способствующий адекватному описанию всех уровней языковой системы и оптимизации процессов изучения и преподавания языка. Наличие или отсутствие терминологии — показатель уровня развития соответствующей науки [Эмирова, 2002, с. 75].

В настоящее время в развитии научной терминологии крымскотатарского языка просматриваются две основные тенденции: первая — создание терминов для ранее неисследованных разделов и для новых, современных направлений лингвистики, вторая — унификация и систематизация уже существующих терминов. Обе тенденции предполагают изучение динамических процессов в крымскотатарской лингвистической терминологии, проведение семантического анализа языка науки, создание терминологических словарей и др.

Лингвистическая терминология крымскотатарского языка, как и любая другая терминосистема, является открытой структурой, непрерывно пополняющейся новообразованиями. Это объясняется возникновением новых направлений в лингвистике, новых методов лингвистических исследований, что предполагает необходимость изучения состояния терминологической системы с новых позиций — как в синхронии, так и в диахроническом плане.

Востребованность системного описания лингвистической терминологии обусловлена тем, что в настоящее время эта область крымскотатарского языка находится в стадии формирования и развития. Упорядочение лингвистической терминологии возможно только на базе систематизации понятий и конструирования терминосистемы крымскотатарского языкознания.

Целью исследования является раскрытие сущности динамических процессов в лингвистической терминосистеме крымскотатарского языка, анализ её системных параметров.

Объектом настоящего исследования является лингвистическая терминология, формирующая метаязык крымскотатарской лингвистической науки. Предмет исследования — динамические процессы в лингвистической терминсистеме крымскотатарского языка, особенности данной терминсистемы в семантическом, структурно-грамматическом и словообразовательном аспектах.

Терминология как часть лексической системы языка наблюдается в двух сферах: в сфере фиксации (словари лингвистических терминов) и в сфере функционирования (специальная литература: монографии, статьи, рефераты, аннотации, тезисы, а также учебная литература и др.).

Основными источниками языкового материала в нашем исследовании послужили арабграфические грамматики конца XIX — начала XX вв., учебники, учебные пособия и словари, написанные на основе арабской, латинской и позже кириллической графики, изданные в 20—40-е годы XX в., а также современная учебная и научная литература и терминологические словари. В совокупный объект исследования включены материалы следующих словарей: «Тиль ве тиль бильгиси терминлери лугъаты» (около 1,5 тысяч единиц) [Борковский и др., 1941], «Къырымтатар тили тильшынаслыкъ терминлерининъ лугъаты» (134 термина) [Эмирова, Ганиева, Сейдаметова, 2008].

Теоретическую базу исследования формируют классические терминоведческие труды, посвящённые общим теоретическим и прикладным проблемам терминологии, описанию терминов и их совокупностей (терминологии и терминсистемы), процессам развития терминологической лексики. Были использованы основополагающие труды В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, А. А. Реформатского, Д. С. Лотте, Н. К. Дмитриева, В. П. Даниленко и др., а также работы современных учёных, определивших различные направления в изучении терминологии: О. С. Ахмановой, Н. В. Васильевой, Б. Н. Головина, А. С. Дьякова, Т. Р. Кияка, З. Б. Куделько, Р. Ю. Кобрин, Н. Б. Гвишиани, В. М. Лейчика, А. В. Лемова, Г. П. Мельникова, А. В. Суперанской, Н. В. Подольской, С. Д. Шелова и др.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Проблема метаязыка и его отношение к терминологии

Метаязыком (от греч. *meta* — через, после) называют язык, предназначенный и используемый для описания другого, т.е. язык, объектом которого являются содержание и форма другого языка [Арнольд, 2013, с. 84].

По мнению О. С. Ахмановой, реальный метаязык лингвистики (специальный язык, используемый при обсуждении тех или иных объектов лингвистического исследования) имеет три аспекта: 1) собственно термины, которые или не употребляются в языке-объекте (*фильм* 'глагол', *virгуль* 'запятая', *зарф* 'наречие' и др.), или приобретают, будучи заимствованными из языка-объекта, новое значение (*сыфат* 'имя прилагательное', *исим* 'имя существительное', *зайыфлашма* 'редукция' и др.); 2) своеобразные сочетания слов и их эквиваленты, которые встречаются в актуализированном метаязыке лингвистики (*исимлернинъ мулькиет ялгъамаларынен денъишюви* 'изменение имён существительных аффиксами принадлежности'); 3) определенный социально-лингвистический аспект, когда метаречь отражает специфику того или иного лингвистического направления той или иной эпохи, и т.д. (Например, с 20-х годов прошлого столетия крымскотатарское языкознание стало отходить от прежних лингвистических традиций: началось очищение языка от арабских и персидских элементов в области общеупотребительной лексики и терминологии как подъязыка.) [Ахманова, 2004, с. 3–4].

Следовательно, «понятие метаязыка гораздо шире, чем понятие терминологии, так как метаязык включает в себя лингвистическое словоупотребление в широком смысле этого слова» [Там же. С. 4–5], а терминологические микросистемы включаются в метаречь как её часть.

В настоящее время в научной литературе актуальными являются вопросы установления лингвистического статуса метаязыка лингвистики, выявление его онтологических и других отличительных особенностей, анализ взаимоотношений метаязыка и языка-объекта, определение дальнейших путей развития и перспектив метаязыка.

Анализ существующей научной литературы по данным вопросам свидетельствует о выделении исследователями следующих характерных признаков метаязыка лингвистики: 1) системность, т.е. признание метаязыка как сложной структуры, элементы которой связаны между собой; 2) искусственность — обусловленность необходимостью создавать определённые значения; 3) однозначность элементов структуры — необходимость дать точное определение или описание, приложимое к языковому явлению; 4) ограниченная функциональная направленность — ориентированность на выполнение ограниченных целей; 5) абстрактность, т.е. присущая метаязыку особенность оперировать понятиями, не имеющими в основном денотативного значения; 6) универсальность и достаточность метаязыка в рамках того направления, где он находит своё применение, т.е. максимальная степень разработанности и гибкости метаязыка для удовлетворения требований, предъявляемых к нему как к языку описания; 7) открытость, т.е. метаязык не является закрытой системой, так как имеет возможность постоянно развиваться; 8) детерминированность, которая проявляется в том, что любой феномен естественного языка, способный стать объектом научного анализа, должен быть каким-либо образом описан (в терминах того же метаязыка); 9) преемственность (единообразие, конвенциональность), т.е. опора на используемую в предшествующих работах терминологию в рамках того или иного лингвистического направления, лингвистической школы и т.п.; 10) социальная и национальная ориентированность — реализация метаязыка через общение между собой представителей разных лингвистических школ; 11) психологичность метаязыка, т.е. свойственность метаязыку отражать индивидуальное мировоззрение учёного; 12) фиксированность средствами графики, т.е. необходимость быть закреплённым в письменной форме и др. [Иванов, 2004, с. 292—293].

Проблема метаязыка и его отношения к терминологии и номенклатуре является одной из главных проблем металингвистики.

1.2. Термин и его базовые признаки

Развитие науки, техники и производства расширяет границы современных знаний. Зарождаются новые науки, возникают отдельные отрасли уже существующих наук, новые понятия, которые обозначаются наименованиями особого рода — терминами. С помощью терминологической лексики аккумулируется и передаётся накопленный человечеством опыт. Поэтому терминология является одним из самых интересных и обширных пластов лексики современных языков.

Термины и терминосистемы привлекают внимание многих исследователей. Этому способствует ряд причин.

Факт отсутствия конкретного, однозначного толкования самого понятия «термин» приводит к разночтению дефиниций этого лингвистического явления. Лексема «термин» используется очень широко для обозначения самых разнородных специальных понятий. Это и является препятствием для создания единого логического определения. По мнению исследователей, в настоящее время насчитывается более 3000 определений понятия «термин» [Атанасова]. В. П. Даниленко говорит о существовании рекордного количества значений слова «термин» и приводит в подтверждение 19 дефиниций данного слова [Даниленко, 1977, с. 83—85].

Представители разных дисциплин связывают это слово со своими особыми понятиями и представлениями, наделяя его неравным объемом содержания [Суперанская, 2012, с. 11]. Например, З. И. Комарова намечает несколько подходов к определению термина: «Одни исследователи пытаются дать ему достаточно точное логическое определение; другие — стараются описательно раскрыть содержание термина, приписав ему характерные признаки; третьи — выделяют термин путём его противопоставления какой-либо негативной единице; четвёртые ищут противоречивые процедуры выделения терминов, чтобы прийти затем к строгому определению этого понятия;

пятые пытаются дать пока хотя бы «рабочее» определение» [Комарова, 1991, с. 13]

Дискуссии о сущности термина отражают, в первую очередь, спор о взаимоотношении термина и основной единицы языка — слова. Эта проблема долгое время являлась одной из ключевых в терминоведении (вплоть до 70-х годов прошлого столетия). Дебаты шли по нескольким направлениям. Одни исследователи (Д. С. Лотте, О. С. Ахманова и др.) сходились в том, что термин не принадлежит общелитературному языку. Это особое слово как в плане содержания, так и в плане выражения. Специфичность терминов проявляется в дефинитивности, независимости от контекста, в точности, а также в отсутствии синонимов, омонимов и др. Другие учёные (В. П. Даниленко, В. В. Виноградов, Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин, А. А. Реформатский, С. Д. Шелов и др.) не опровергают принадлежности терминов к общелитературному языку. А. А. Реформатский, например, отмечает: «Однако нельзя думать, что между терминологией и нетерминологией существует непроходимая пропасть, что термины состоят из иных звуков и не подчиняются грамматическим законам данного языка. Если бы это было так, то терминология не принадлежала данному языку и вообще представляла бы собой другой язык. На самом деле это не так. Откуда бы термины ни черпались и какими бы особенностями (фонетическими, грамматическими) ни отличались, они включаются в словарный состав данного языка и подчиняются его фонетическому и грамматическому строю» [Реформатский, 1998, с. 116]. По мнению учёных, отличие термина от слова в том, что он обладает особой функцией выражения специального понятия.

В противовес этим мнениям в современных исследованиях существует оригинальная точка зрения, согласно которой термин сам по себе фикция, потому что «он существует лишь в системе терминов, т.е. наряду с другими терминами, с которыми он связан определенными отношениями» [Ступин, 2000, с. 71]. Тем самым отрицается возможность его самостоятельного функционирования. Учёные, разделяющие данный взгляд, рассматривают термин как неотъемлемую единицу лексико-семантической иерархии любого языка. По их мнению, тер-

мин — это лишь слово какой-либо тематической группы лексики. Как нечто особенное он не существует и изначально не существовал.

Отдельные исследователи, не вступая в дискуссии, дают термину просто рабочее определение. Например, Т. Л. Канделаки определяет термин следующим образом: «Под термином понимается слово или лексикализованное словосочетание, требующее для установления своего значения в соответствующей системе понятий построения дефиниции» [Канделаки, 1977, с. 7].

В словарях также можно найти различное, отражающее многообразие подходов, толкование понятия «термин». Например, в «Словаре ономастических терминов» приводится следующее определение: «...Термин — слово или словосочетание специального (научного, технического и т.п.) языка, непосредственно соотнесённое с научным понятием, служащее для его точного (в идеале) выражения. Функция термина — сигнификативно-номинативно-дефинитивная. <...> Происх. термина: лат. *Terminus* 'бог межи и пограничного камня (у древних римлян), который охранял неприкосновенность земельного участка, устанавливал границы'; *terminus* 'предел, граница'» [Подольская, 1978, с. 132].

«Лингвистический энциклопедический словарь» даёт следующее определение: «Термин — слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности» [Лингвистический энциклопедический словарь, 2002, с. 508].

Таким образом, существуют разные подходы к определению термина, основанные преимущественно на противопоставлении термина как единицы специальной лексики и слова как единицы общеупотребительной лексики.

Разнородность толкований, на наш взгляд, делает невозможным создание единого концептуального определения понятия «термин». Поэтому в нашем исследовании в качестве рабочей мы использовали следующую дефиницию: термин — слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности.

В терминологических работах исследователи по-разному подходят и к определению основных особенностей термина. Например, Г. О. Винокуром впервые была отмечена номина-

тивная направленность термина: «Термины — это не особые слова, а только слова в особой функции. Особая функция, в которой выступает термин — это функция называния. Бытовой термин есть называние вещи. Между тем, научно-технический термин есть непременно называние понятия» [цит. по: Зайнуллина, 2002, с. 5—6]. Эта точка зрения была принята не всеми лингвистами. По мнению А. А. Реформатского, «номинативная функция — это общая функция всех слов, а не только терминов, номенклатура как раз более номинативна, чем терминология. Следовательно, номинативная функция не может быть решающей при определении специфики термина» [Реформатский, 1961, с. 48]. Учёный предлагает при разграничении термина и нетермина придавать первостепенное значение именно сфере употребления слов, т.е. чисто функциональному критерию. Функциональная точка зрения на внутреннюю природу термина поддержана многими современными терминоведами.

Большинство исследователей вслед за академиком В. В. Виноградовым считают основной дефинитивную функцию термина, т.е. полагают, что необходимым условием существования термина является наличие чёткого определения в рамках данной терминосистемы. Объём и содержание отражаемого термином понятия фиксируются в специальной литературе и входят в систему профессиональных знаний в этой области. Следовательно, для того, чтобы слово стало термином, оно должно иметь определение в специальной литературе. Такое определение принято называть дефиницией [Арнольд, 2013, с. 85]. Дефинитивный критерий играет значительную роль в определении базовых понятий той или иной области знания [Попова, 2004, с. 114].

Однако существует немало терминологических определений, и у специалистов нет чёткого представления о том, чем терминологическое определение должно отличаться от всех остальных. Кроме того, как было отмечено, существуют противоречивые точки зрения на определение самого понятия «термин».

С. Д. Шелов считает, что достаточно принять такое понимание определений, «согласно которому к определению относится любое высказывание, которое сам автор высказывания считает

определением и которое непосредственно (без отсылок) раскрывает необходимые и достаточные признаки соответствующего понятия». Следует, однако, отметить, что «определение не является единственным способом фиксации значения термина. Если не существует формального определения, то используются так называемые «остенсивные определения», то есть описание, пояснение, иллюстрирование. Тем не менее, основным способом объяснения специального слова считается именно определение, или дефиниция» [Шелов, 2000, с. 3].

В современных трудах по терминоведению [Гринев-Гриневич; Дьяков, Кияк; Шелов; Ребрушкина и др.] при определении термина исходят из конкретных требований, предъявляемых к нему. Это требования семантические, формальные и прагматические.

Семантические характеристики термина должны быть следующие: дефинитивность, т.е. каждый термин сопоставляется с чётким определением, ориентирующим на соответствующее понятие; полноточность, т.е. отражение в значении термина минимального количества признаков, достаточных для идентификации обозначаемого им понятия; точность (хотя в подъязыках находятся многие «ложноориентирующие» (термин Д. С. Лотте) единицы; независимость от контекста; однозначность в пределах одной терминосферы; отсутствие синонимии [Кияк, 1989, с. 8].

Формальные требования, предъявляемые к термину, заключаются в соответствии его нормам и правилам языка, в системности, краткости (это требование нередко вступает в противоречие с требованием точности) [Кияк, 1989, с. 8], деривационных способностях, инвариантности форм, т.е. отсутствии разноречия в написании, отсутствии эмоциональности и экспрессивности.

К прагматическим характеристикам относятся интернациональность, современность, общеупотребительность, благозвучность и др. Вместе с тем исследователи отмечают, что термины «не являются изолированными, независимыми, «избранными» единицами общеупотребительного языка, обладающими лишь им присущими свойствами, <...> можно говорить о преобладающем характере свойств термина по сравнению с общеупотребительным словом» [Кияк, 1989, с. 9]. Интересна в этом

плане точка зрения С. Д. Шелова, полагающего, что «из пяти свойств, с помощью которых часто характеризуют термины как слова специальные и выделяют их из общезыкового лексикона, четыре (однозначность, точность, номинативность, отсутствие эмоциональности и экспрессивности) не могут считаться, а пятое (системность) остаётся в значительной степени неясным». Учёный предлагает следующие признаки, которые следует учитывать при трактовке термина: а) в значении знака (слова или словосочетания), принадлежащего какой-либо области знаний, заключается то, что делает знак терминологичным; б) терминологичность знака (слова или словосочетания) определяется только относительно некоторой системы объяснения его значения (например, относительно системы определений); в) терминологичность знака тем больше, чем больше сведений требуется для идентификации его значения согласно данной системе объяснений [Шелов, 2001, с. 2].

Таким образом, в современной науке к основным свойствам термина относится его способность обозначать или выражать то или иное научное понятие в определённой системе.

Семантическая структура научного термина представляет собой треугольник, состоящий из следующих элементов, находящихся в определенных отношениях между собой: а) материальная оболочка слова-термина; б) соотнесённая с ней реальия действительности (денотат); в) понятие об этой реальности (сигнификат) [Лемов, 2000, с. 8]. На таком понимании основывается деление терминов на «предметные термины», обозначающие специальные предметы, и «собственно-термины», выражающие научные понятия. У предметных терминов на первом месте в семантике находится денотат, а у «собственно-терминов» — сигнификат.

1.3. Лингвистическая терминология и лингвистическая номенклатура

Терминология лингвистическая — это совокупность слов и словосочетаний, употребляющихся в языкознании для выражения специальных понятий и для называния типичных объектов данной научной области [Ахманова, 2002, с. 509]. Как составная часть метаязыка лингвистики, лингвистическая тер-

минология является объектом внимания ряда исследователей (О. С. Ахманова, Н. В. Васильева, Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин, С. Д. Шелов, С. Е. Никитина, И. С. Куликова и Д. В. Салмина, Х. Ф. Исхакова и др.).

Лингвистическая терминология может быть описана с различных позиций и классифицирована по разным основаниям, которые находятся в отношениях дополнительности. Мы предлагаем классификацию крымскотатарских лингвистических терминов, которая основывается на положениях, выдвинутых Н. В. Васильевой [Васильева, 1997, с. 560–562]:

1) по обозначению общих или специфичных явлений лингвистики выделяются термины универсальные, обозначающие общие категории, характерные для многих языков (*бенъзешме* 'ассимиляция', *тамыр* 'корень', *джумле* 'предложение' и др.), и уникальные, т.е. обозначения явлений, специфичных для какого-либо языка или группы родственных языков (*мулькиет ялгъамасы* 'аффикс принадлежности', *хаберлик ялгъамасы* 'аффикс сказуемости' и др.);

2) по внутренней форме лингвистические термины делятся на мотивированные, в которых существует семантическая и структурная соотнесённость составляющих их морфем с морфемами данного языка (термины *дудакълы* (*сес*) 'губной (звук)' ← *дудакъ+лы*; *манадаш* 'синоним' ← *мана+даш* и др.), и немотивированные, которые представлены в основном заимствованной лексикой (*зарф* < араб. 'наречие', *фииль* > араб. 'глагол' и др.);

3) по генетическому признаку выделяются термины исконно тюркские (*сайы* 'имя числительное', *айырыджы* 'определение', *сёз чешити* 'часть речи' и др.), заимствованные (*имля* > араб. 'орфография', *сонор* > лат. 'сонорный', *графика* > греч. 'графика', *фраза* > греч. 'фраза' и пр.) и термины, созданные на базе греко-латинских элементов (*фонетик* 'фонетический' ← *фонет+ик*, *омошекиль* 'омоформа' ← *омо+шекиль* [Меметов, 2006, с. 81] и др.);

4) по составу различаются термины монологемные, т.е. однословные, в том числе композиты (*исим* 'имя существительное', *ялгъама* 'аффикс', *сыфатфииль* 'причастие' и др.), и полилексемные, т.е. термины, состоящие из двух или нескольких слов (*баш джумле* 'главное предложение', *ог сыра сеси* 'звук

переднего ряда', *кечкен заман фиили* 'глагол прошедшего времени' и пр.);

б) по способу образования выделяются: а) термины, созданные лексико-семантическим способом — путем терминологизации общеупотребительного слова (*тамыр* 'корень', *ал* 'обстоятельство' и др.); б) аффиксации (*бенъзе+ш+ме* 'ассимиляция', *сес+деш* 'омофон' и пр.); в) сложения основ и редупликации (*охиав-кучюльтюв (аффикси)* 'уменьшительно-ласкательный (аффикс)', *дудакъ-дудакъ сеси* 'губно-губной звук'); г) лексико-синтаксическим способом — путём образования терминов по моделям различного типа словосочетаний (*вастасыз кечкен заман фиили* 'очевидное прошедшее время глагола', *айырыджы табили муреккеп джумле* 'сложное предложение с придаточным определительным' и пр.).

Лингвистическая терминология складывается «на протяжении всей истории языкознания и отражает не только смену воззрений на язык, не только разницу лингвистического словоупотребления в различных школах и направлениях языкознания, но и различные национальные языковедческие традиции» [Ахманова, 2002, с. 509]. Исследование лингвистической терминологии крымскотатарского языка разных исторических периодов показывает, что она, отойдя от арабских лингвистических традиций, стала формироваться с учётом достижений европейского и русского языкознания, что проявилось в изменении генетических, словообразовательных и др. характеристик крымскотатарского термина (см. подробно разд. II.).

По мнению некоторых исследователей (О. С. Ахманова, Н. В. Васильева и др.), в языкознании существует проблема упорядочения лингвистической терминологии, так как она является постоянно изменяющейся открытой системой, пополняющейся новыми элементами. Однако она не может быть стандартизирована. Её можно лишь систематизировать и унифицировать [Васильева, 1997, с. 561]. Этим целям должны служить словари лингвистических терминов различного типа. Анализ терминографического материала показывает, что в настоящее время существует только два словаря лингвистических терминов крымскотатарского языка. Один из них, «Тиль ве тиль

бильгиси терминлери» («Русско-татарский терминологический словарь по языку и языкознанию»), издан в довоенный период (1941 г.) и является переводным русско-крымскотатарским словарем [Борковский, Ислямов, 1941]. Другой, «Къырымтатар тили тильшынаслыкъ терминлерининъ лугъаты» («Словарь лингвистических терминов крымскотатарского языка»), опубликован в 2008 году и является словарем-справочником лингвистических терминов [Эмирова, Ганиева, Сейдаметова, 2008]. Так как лингвистическая терминология описываемого языка не является безупречной системой, то одна из задач крымскотатарского языкознания заключается в более полном отборе и описании лингвистических терминов в словарях. Э. Р. Тенишев, анализируя научную и учебную литературу, изданную после 1925 г. на крымскотатарском языке, отмечает, что «ощущается потребность не в одном каком-либо типе словаря: необходимы словари академические, нормативно-литературные, переводные, толковые, языка в целом или литературного языка, или диалектов, или терминологий, или узко специализированных» [Тенишев, 1995, с. 42]. Данная точка зрения актуальна и сегодня.

От терминологии лингвистической следует отличать особую подсистему — номенклатуру. На необходимость различения собственно термина и номена, терминологии и номенклатуры вслед за Г. О. Винокуром указывают многие терминоведы (А. А. Реформатский, О. С. Ахманова, Н. В. Васильева, Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин, Т. Р. Кияк, В. М. Лейчик, А. В. Суперанская, А. В. Лемов и др.). Однако взгляды исследователей на понимание сущности номенклатурного наименования различаются. Одни учёные называют номен «абстрактным и условным символом» (В. Г. Винокур), другие рассматривают их как особый тип терминов, соотносённых с единичными понятиями и актуализирующих предметные связи (Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин). По мнению В. М. Лейчика, номенклатура «является промежуточным, связующим звеном в ряду номенклатурных единиц — между терминами и именами собственными». (Цитируется по: [Кияк, 1989, с. 12].) Как отмечает А. В. Лемов, обобщая мнения по данной проблеме, можно выявить следующее: «Термин обладает преимущественно сигнификативным

значением, номен — денотативным, поскольку связан с более конкретным понятием. Термин выполняет и номинативную, и дефинитивную функцию, номен — только номинативную» [Лемов, 2000, с. 31].

Мы склонны придерживаться взглядов О. С. Ахмановой и Н. В. Васильевой на данный вопрос и принимаем определение, согласно которому номенклатура — «система специфических названий, которые используются для обозначения конкретных языковых объектов» [Ахманова, 2002, с. 509]. Так, Н. В. Васильева разграничивает понятия «лингвистический термин» и «лингвистическая номенклатура» таким образом: *суффикс* — это термин, *уменьшительный суффикс* — видовой термин, уменьшительный суффикс русского языка *-ушк* — это номен [Васильева, 1997, с. 560]. Следовательно, номенклатурные обозначения — названия более конкретных объектов. Применительно к крымскотатарскому языку данное соотношение языковедческих понятий будет выглядеть следующим образом: *ялгъама* 'аффикс' — термин, *сёз япыджы ялгъама* 'словообразовательный аффикс' — видовой термин, *исим япыджы -даш / -деш ялгъамасы* 'аффикс *-даш / -деш*, образующий имя существительное' — номен. Большое количество лингвистических номенов крымскотатарского языка описано в работе Усеина Куркчи «Къырымтатар тили имлясына даир теклифлер» («Предложения по крымскотатарской орфографии») [Куркчи, 1988, № 96; № 137; № 152].

Разграничение между термином и номеном обусловлено их семантикой. Номенклатурным наименованиям не свойственна характерная для терминов дефинитивная функция, их значение «денотативно, предметно, тогда как семантика термина, за которым стоит абстрактное понятие, сигнификативна» [Куликова, 2002, с. 13].

Исследователями также отмечается подвижность границ между номенклатурными единицами и терминами (О. С. Ахманова, Н. В. Васильева и др.). «Любой номенклатурный знак, сколь бы он ни был ограничен в своем использовании, может приобрести более общий характер, если аналогичные явления будут обнаружены в других языках или в первоначально узких названиях обнаружится более общее уни-

версальное содержание», указывает О. С. Ахманова [Ахманова, 2002, с. 509].

Таким образом, мы будем различать лингвистические термины — слова и словосочетания, употребляющиеся в языкознании для выражения специальных понятий, и лингвистическую номенклатуру как специфическое название для обозначения конкретных элементов в системе языка.

В связи с тем, что число номенклатурных обозначений безгранично, объектом нашего внимания будут лингвистические термины.

1.4. Терминология и терминосистема

Языковая система (от греч. *systema* — целое, составленное из частей; соединение) — это «множество языковых элементов любого естественного языка, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определённое единство и целостность» [Ярцева, 2002, с. 452].

Системность в языке является одной из основополагающих принципов лингвистики. Системный характер языка одними из первых в истории мирового языкознания обосновали В. Гумбольдт и А. Шлейхер. Идеи этих учёных развили И. А. Бодуэн де Куртене, Ф. де Соссюр, Н. В. Крушевский и др. [Березин, 1975, с. 158 — 162]. Именно их взгляды предвосхитили системное понимание языка лингвистами второй половины XX века А. А. Реформатским, В. А. Виноградовым, Л. А. Капанадзе и др. В работах этих учёных язык рассматривается как сложная структура, обладающая внутренней организацией.

В современной лингвистике существует несколько определений системы языка и множество подходов к ее изучению. Язык понимается как закономерно организованная система подсистем (фонетической, грамматической, словообразовательной, лексико-семантической и др.) и как упорядоченная совокупность однородных языковых элементов одного уровня, находящихся в отношениях и связях друг с другом, где каждый компонент существует в противопоставлении другим компонентам и характеризуется только ему свойственной функциональной релевантностью. Как отмечают исследователи, большинство

определений языка как системы сводится к тому, «что язык есть семиотическая функциональная система, служащая обмену информацией и хранению информации в человеческом обществе и человеческом сознании, что язык есть система систем, внутри которой различают фонетическую, морфологическую, лексическую, синтаксическую и другие подсистемы» [Арнольд, 2013, с. 19].

В хорошо организованных (жёстко структурированных) системах и подсистемах существенное изменение одного элемента влечёт за собой изменения в других частях системы или даже нарушение равновесия системы в целом.

Термины система и структура, часто интерпретируемые как тождественные, в работах отдельных исследователей строго различаются. По их мнению, указанные понятия находятся в иерархических отношениях: ведущее понятие — система, подчиненное — структура. Таким образом, структура представляется как схема отношений между элементами целого, система включает в себя и элементы (субстанцию), и отношения между ними (структуру) [Лемов, 2000, с. 7].

Терминоведение, отдельная отрасль языкознания, уточняет общее понятие системы применительно к своим целям. В каждой определенной области науки и техники терминология представляет систему. Она является не только менее жёсткой подсистемой языка, но и более подвижной и сложной по своей организации и структуре.

Впервые системный характер терминологии был отмечен Д. С. Лотте, который считал, что системность терминологии требует соблюдения следующих условий:

1. Терминосистема должна основываться на классификации понятий.

2. Необходимо выделять терминируемые признаки и понятия, основываясь на классификационных схемах.

3. Слова должны отражать общность терминируемого понятия с другими и его специфичность [Лотте, 1971, с. 10].

Современные терминоведы (Т. Р. Кияк, А. С. Дяков, З. Б. Куделько, А. В. Суперанская, Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин, Х. Ф. Исахова, И. С. Куликова и др.) считают системность одним из важных свойств термина.

Так, Т. Р. Кияк подчёркивает: «Термин является неотъемлемым элементом системы, если под системой понимать совокупность элементов целого, между которыми существует обязательная и неотъемлемая связь. Совокупность связей внутри такого целого предопределяет его структуру. Следовательно, системность является одним из наиболее важных условий существования терминов» [Кияк, 1989, с. 7]. А. В. Суперанская отмечает, что «...термин в системе обычно недоступен прямому наблюдению. По-видимому, своеобразные искусственные условия, в которых можно наблюдать системность терминов, — тезаурусы. Системно построенный терминологический словарь достаточно узкой научной области содержит одновременно и систему терминов, и поле, в котором они употребляются, и минимальный научный контекст...» [Суперанская, 2012, с. 116]. И. В. Арнольд считает, что «тезаурус является приближенной интерпретацией лексической системы, её усреднённой моделью. Он позволяет представить системные отношения, наблюдать уровневую организацию лексики, т.е. является способом представления семантического пространства» [Арнольд, 2013, с. 29]. Б. Н. Головин и Р. Ю. Кобрин, выделяя основные признаки терминологии, также рассматривают её (терминологию) как систему терминологических единиц [Головин, Кобрин, 1987, с. 76—77].

Является ли любая совокупность терминов терминосистемой? Какое определение можно дать слову «терминология»? В научных кругах этот термин обычно используется в нескольких значениях: а) наука о терминах (в этом отношении всё более популярным становится термин «терминоведение»); б) специальная лексика в составе всех слов определённого языка; в) специальная лексика, обслуживающая отдельную отрасль науки и техники [Кияк, 1989, с. 7].

В лингвистической литературе можно наблюдать и такое разграничение данных понятий: терминология — совокупность терминов, терминосистема — упорядоченная, кодифицированная терминология. Например, Г. П. Мельников считает, что совокупность терминологических единиц может называться терминосистемой лишь после её упорядочения и систематизации [Мельников, 1991, с. 39]. В трудах В. М. Лейчика разграничи-

ваются понятия собственно терминология и терминологическая система (терминосистема). В отличие от собственно терминологии, которая является стихийно сложившейся совокупностью терминов, терминосистема является языковым образованием, конструируемым специалистами из сознательно отбираемых, а иногда специально создаваемых слов и словосочетаний, и появляется тогда, когда определённая область знания или деятельности имеет свою теорию, выявила и осознала все свои понятия и связи между ними. Определяются такие основные признаки терминосистемы, как системность, т.е. термин связан с другими терминами логическими и опосредованными отношениями, полнота охвата понятий какой-либо области знаний и деятельности, относительная устойчивость, открытость (способность включать новые термины) и динамичность, т.е. возможность уточнения дефиниции термина в результате углубления знания [Лейчик, 2002, с. 559].

В противовес данным определениям в трудах отдельных исследователей встречается утверждение, согласно которому «случайного скопления терминов, системно не связанных и не организованных, не имеет ни одна отрасль знания и/или деятельности, потому что системен мир, отдельные участки и стороны которого она, терминология, отображает и обслуживает» [Головин, Кобрин, 1987, с. 78].

В нашем исследовании термины *терминология* и *терминосистема* будут использоваться как синонимы, обозначающие совокупность терминов, связанных друг с другом на понятийном, лексико-семантическом, словообразовательном и грамматическом уровнях.

Основываясь на изложенных положениях, мы предприняли попытку проанализировать лингвистические термины крымскотатарского языка как систему, элементы которой связаны друг с другом на всех языковых уровнях.

История развития и формирования крымскотатарской лингвистической терминологии показывает, что она не является стихийно сложившейся совокупностью терминов. В разные периоды (особенно активно с конца XIX в.) крымскотатарские учёные занимались отбором и созданием научной, в том числе

и лингвистической, терминологии крымскотатарского языка. И. Гаспринский, затем Ш. Бекторе, Б. Чобан-заде, известные языковеды довоенного периода Э. А. Куртмоллаев, А. Ислямов, Я. Байбуртлы и др. формировали крымскотатарскую лингвистическую терминосистему. Создание Б. Чобан-заде ещё в довоенный период «Научной грамматики крымскотатарского языка» (1925 г.) свидетельствует о существовании разработанной теории в области крымскотатарского языкознания. В указанной монографии учёный рассмотрел вопросы звукового строя, словообразования и словоизменения крымскотатарского языка, дал сравнительный анализ и историческую периодизацию тюркских языков [Чобан-заде, 2003, с. 18—29]. Описывая эти области языкознания, Б. Чобан-заде использует большое количество терминов, отражающих феномены крымскотатарского языка. Как отмечают исследователи, при чтении научной грамматики Б. Чобан-заде можно констатировать его обширные знания в области общего языкознания и тюркологии, его стремление применять достижения европейского языкознания к анализу тюркских языков. Как отмечает проф. А. Эмирова, богатый фактический материал, использованный в работе учёного, тонкий анализ языковых явлений, умение разграничивать факты синхронии и диахронии языка — несомненные достоинства его труда [Эмирова, 2003, с. 29].

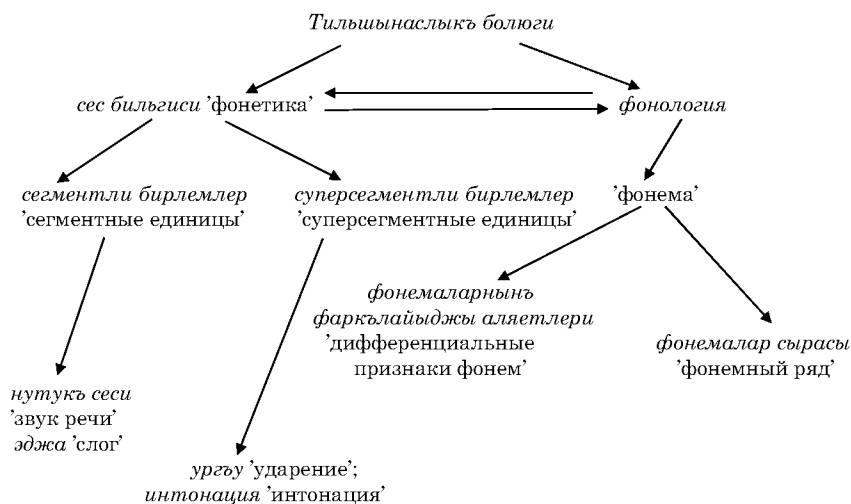
В системе лингвистической терминологии современного крымскотатарского языка могут быть выделены большие и малые по структуре микросистемы, элементы которых связаны на лексико-семантическом, понятийном, словообразовательном и грамматическом уровнях.

Рассмотрим микросистему лингвистических терминов, отражающих звуковой состав крымскотатарского языка, и построим ее логико-понятийную схему. В данной микросистеме объединены следующие термины: *сес бильгиси* 'фонетика', *фонология* 'фонология', *сегментли бирлемлер* 'сегментные единицы', *суперсегментли бирлемлер* 'суперсегментные (просодические) единицы', *ургъу* 'ударение', *интонация* 'интонация', *эджа* 'слог', *нутукъ сеси* 'звук речи', *созукъ сес* 'гласный звук', *тутукъ сес* 'согласный звук', *нутукъ сеслерининъ акустик хусусиетлери* 'акустические особенности звуков речи', *нутукъ*

сеслерининъ артикуляцион хусусиетлери 'артикуляционные особенности звуков речи', *сёйлев аппараты* 'речевой аппарат', *фонема* 'фонема', *фонемаларнынъ фаркълайыджы аляметлери* 'дифференциальные признаки фонем', *фонемалар сырасы* 'фонемный ряд', *аллофон* 'аллофон', *гиперфонема* 'гиперфонема', *архифонема* 'архифонема'.

Рассмотрим фрагмент данной микросистемы (см. схема 1.1.):

Схема 1.1.

Все термины данной группы соотносятся на понятийном уровне. Например, термины *нутукъ сеси* 'звук речи' и *эджа* 'слог' связаны следующим образом: с физиологической точки зрения *слог* — это звук или несколько звуков, произносимых одним толчком выдыхаемого воздуха, т.е. звук и слог являются единицами речевой цепи. Рассмотрим термины *интонация* 'интонация' и *ургъу* 'ударение'. Между указанными единицами также существуют логико-понятийные связи. Интонация — система особых фонетических средств, характеризующих звучащую речь. Компонентами интонации являются ударение (фразовое или логическое) и ритм речи — чередование ударных и безударных слогов.

Некоторые из исследуемой группы терминов находятся в деривационной зависимости: *сес бильгиси* ‘фонетика’, *нутукъ сеси* ‘звук речи’, *нутукъ сеслерининъ артикуляцион хусусиетлери* ‘артикуляционные особенности звуков речи’, *нутукъ сеслерининъ акустик хусусиетлери* ‘акустические особенности звуков речи’, *фонема* ‘фонема’, *фонемаларнынъ фаркълайдыжы аляметлери* ‘дифференциальные признаки фонем’, *фонемалар сырасы* ‘фонемный ряд’, *гиперфонема* ‘гиперфонема’, *архифонема* ‘архифонема’.

Составные термины связаны синтаксическими и логико-семантическими отношениями. Логико-семантические отношения могут быть определительными, обстоятельственными, объектными [Головин, Кобрин, 1987, с. 80]. Как показал анализ, во всех терминах-словосочетаниях анализируемой группы реализованы атрибутивные синтаксические связи.

Рассмотренный фрагмент наглядно показывает, что лингвистическая терминология крымскотатарского языка системно организована, хотя следует отметить, что она не обладает высокой степенью точности и чёткой структурой, в частности, наблюдается многозначность и омонимия терминов.

1.5. Структурно-генетические признаки крымскотатарского языка

Анализ терминосистемы как автономной части языка во многом обусловлен его онтологическими (сущностными) свойствами: его типом, историей формирования, а также наиболее характерными для него языковыми категориями.

Рассмотрим важнейшие особенности крымскотатарского языка.

1. Крымскотатарский язык — один из тюркских языков, родной язык крымских татар, исторической родиной которых является Крым. Он относится к кыпчакско-половецкой подгруппе кыпчакской группы языков.

Генетически крымскотатарский язык неоднороден, значительное влияние на его формирование оказали огузские языки. В связи с этим в крымскотатарском языке сформировались три основных диалекта: северный, средний и южный. Различия

между ними проявляются на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях.

В процессе своего исторического развития крымские татары имели разнообразные связи со многими народами. Результатом этого явились многочисленные арабские, персидские, греческие, итальянские, украинские, русские заимствования в крымскотатарском языке.

2. Типологически крымскотатарский язык, как и все тюркские языки, относится к агглютинативным, или агглютинирующим языкам, т.е. к такому типу языков, в которых слогформы или новые слова образуются путём последовательного присоединения к неизменяемой основе или корню однозначных стандартных аффиксов.

3. Сингармонизм, присущий, главным образом, агглютинирующим языкам, является важнейшей особенностью крымскотатарского языка. В исследуемом языке различаются: а) сингармонизм тембровый — по ряду гласных звуков; б) сингармонизм лабиальный — по огубленности гласных звуков. В связи с этим большинство аффиксов имеют фонетические варианты, выбор которых определён гласным звуком предшествующего слога.

5. Крымскотатарскому языку свойственна категория посесивности, которая выражает принадлежность, свойственность обозначенного предмета одному из трёх лиц.

4. Характерной синтаксической категорией в крымскотатарском языке является изафет, т.е. тип словосочетания, выражающего определительные отношения между двумя именами. Как известно, существуют три типа изафета. В исследуемом языке активно используются все указанные типы.

5. В крымскотатарском предложении соблюдается фиксированный порядок слов: подлежащее предшествует сказуемому, при этом подлежащее занимает преимущественно первое, сказуемое — последнее место в предложении; определение ставится перед определяемым словом, дополнение и обстоятельство — перед сказуемым [Меметов, 2003, с. 21; Усеинов, Миреев, 1991, с. 11].

Все перечисленные выше свойства крымскотатарского языка в той или степени отразились на его терминологической лексике.

Выводы по первому разделу

Обзор научной литературы по теории терминоведения показывает, что существует ряд проблем, связанных с изучением природы терминологического знака, статуса метаязыка, его онтологических признаков, отличий термина от номенклатурных обозначений и др. В разделе рассматривались различные точки зрения на природу терминологического знака.

Анализ научных трудов, посвящённых термину и его базовым признакам, показал, что взгляды исследователей менялись от понимания термина как единицы общеупотребительной лексики до рассмотрения его как особой языковой единицы, назначение которой соотносится с одним понятием в системе научных понятий.

В современной научной литературе основными признаками термина считаются следующие: дефинитивность, системность, номинативность, абстрактность, однозначность, независимость от контекста, однозначность в пределах одной терминосферы, отсутствие синонимии, соответствие нормам и правилам языка, краткость, соответствие деривационным закономерностям языка, инвариантность форм, т.е. отсутствие разнобоя в написании, отсутствие эмоциональности и экспрессивности, интернациональность, современность, благозвучность и др.

В лингвистических трудах функционирует понятие «метаязык» как язык «второго порядка», по отношению к которому естественный язык выступает как предмет языковедческого исследования. Анализ взаимоотношений метаязыка и языка-объекта, определение дальнейших путей развития и перспектив метаязыка является одной из важнейших проблем металингвистики.

Лингвистический термин обладает теми же свойствами, что и научный термин вообще. К основным свойствам термина относится его способность обозначать или выражать то или иное научное понятие в системе языка. Следовательно, для понятия «лингвистический термин» можно принять следующее определение: лингвистический термин — это слово или словосочетание, являющееся наименованием языкового объекта и имеющее дефиницию.

Следует различать лингвистический термин и лингвистическую номенклатуру. Разграничение между термином и номеном обусловлено их семантикой. Номенклатурным наименованием не свойственна характерная для терминов дефинитивная функция. Под лингвистическим номеном мы будем понимать систему специфических названий, которые используются для обозначения конкретных языковых объектов. В нашем исследовании рассматриваются лишь лингвистические термины крымскотатарского языка.

В современных теоретических исследованиях различаются понятия терминологии — стихийно сложившейся совокупности терминов и терминосистемы как языкового образования, конструируемого специалистами из сознательно отбираемых, а иногда специально создаваемых слов и словосочетаний. В нашем исследовании лексемы *терминология* и *терминосистема* будут использоваться как синонимы, обозначающие совокупность терминов, связанных друг с другом на понятийном, лексико-семантическом, и словообразовательном уровнях.

Для понятия «лингвистическая терминология» нами принято следующее определение: лингвистическая терминология — слова и словосочетания, употребляющиеся в языкознании для выражения специальных понятий.

Лингвистическая терминология может классифицироваться по обозначению общих или специфичных явлений лингвистики (универсальные и уникальные термины), по внутренней форме лингвистических терминов (мотивированные и немотивированные термины), по составу (монологемные и полилогемные терминологические единицы), по способам терминообразования (семантический, морфологический, синтаксический).

Поскольку лингвистическая терминология является изменяющейся, открытой системой, она требует постоянной унификации и систематизации. Для системной организации лингвистической терминологии необходимо отбирать и описывать термины в лингвистических словарях различного типа. Этот аспект терминологической работы выразился в создании нами и подготовке к изданию ряда словарей лингвистических терминов [Эмирова, Ганиева, Сейдаметова, 2008; Куркчи, 2008]. Подробно о них см. в разд. II и III.

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

2.1. Истоки лингвистической терминологии крымскотатарского языка

Современное языкознание представляет собой результат многовекового развития науки о языке. Знания о языке накапливались и совершенствовались от поколения к поколению. Следовательно, невозможно дать адекватную характеристику синхронной системе языка без обращения к её истории [Кубрякова, 2002, с. 136]. Принцип историзма в методологии языкознания предполагает преемственность, связь прошлого и настоящего, так как новое в науке никогда не бывает отрицанием прошлого, а лишь существенным изменением, углублением и обобщением в соответствии с современным состоянием науки [Березин, 1975, с. 3]. Именно диахроническое исследование позволяет понять, как сложилась данная языковая система. Поэтому охарактеризовать современное состояние и выявить перспективы развития лингвистической терминологии крымскотатарского языка невозможно без оценки вклада, который внесли языковеды прошлого в развитие данной проблемы, и значения их концепции для науки в целом. Этим объясняется необходимость исторического экскурса — определения и изучения истоков лингвистической терминологии, основных этапов развития терминосистемы, характера языковой политики в тот или иной период.

На протяжении нескольких веков (до начала XX века) в тюркских, в том числе и крымскотатарских, грамматических трудах в основном использовались термины, заимствованные

из трудов, основанных на арабской языковедческой традиции, или типологически близкие методы изложения и трактовки языкового материала.

Следовательно, и лингвистические термины, употреблявшиеся в трудах того периода, являлись арабскими заимствованиями, и разработанными на их основе османскими (турецкими) терминами. Научное наследие этого довольно большого периода в развитии тюркологической лингвистической мысли практически не изучено. Однако отдельные работы, выполненные в этом направлении, позволяют говорить о том, что тюркская, и в частности, крымскотатарская научная терминология имеет давние традиции.

Представляется, что в настоящее время базой для изучения этой проблемы могут служить такие общетюркские памятники письменности, как известный лингвистический труд Махмуда Кашгарского «Дивану Лугъати-т тюрк» («Собрание тюркских наречий») (годы написания — 1072—1083), в котором употребляются первые грамматические термины арабского и персидского происхождения [Амансарыев, 1986, с. 17—18], старейший памятник крымскотатарского языка XIII века «Кодекс Куманикус», а также арабско-кыпчакские памятники мамлюкского Египта XIII — XV веков, в том числе и целый ряд словарей [Баскаков, 1969, с. 72—73]. Среди последних следует особо отметить известное произведение Абу-Хайяна¹, написанное в Каире в начале XIV в., «Китабу'-ль-идрак ли-лисану-ль атрак» («Книга знаний о языке тюрков»), на основе подробного изучения которого турецкая исследовательница Мелек Озбетгин в 2001 г. опубликовала свою работу [Закиев, 2003, с. 71—72]. Необходимо указать, что данные памятники, рассматриваемые в тюркологической литературе как словари, содержали, кроме словарной, самостоятельную грамматическую часть. Так, в указанном труде Абу-Хайяна в таком разделе изложена авторская интерпретация основных положений лингвистики. Учёный выделяет три направления в изучении языка: наука о слове, наука о флектировании, т.е. об изучении особенностей

¹ Полное имя: Абу-Хайян Мухаммед бине, Юсуф бине, Али бине, Юсуф бине, Хайян ал Гарнати (Ал-Андалузи).

отдельных слов до слияния их в словосочетание и наука о связной речи, т.е. об изучении особенностей словосочетаний. Автор обращает внимание и на закономерность зависимости фонетического варианта аффикса от фонетического характера корня слов в тюркском языке [Чайковская, с. 82]. В указанной работе, как и в других арабоязычных грамматиках тюркского языка того времени, исследование шло в одном направлении: от позиций готовой системы арабской грамматики к фактам тюркского языка и далее «к видоизменениям этой системы сообразно особенностям тюркского языка» [Там же. С. 84]. Естественно, что и лингвистические термины, употреблённые в данных грамматиках, являлись арабскими заимствованиями. Например, в труде Абу-Хайяна при описании грамматических особенностей тюркского языка используются такие термины арабско-персидского происхождения, как *'илму-л-луг'āt* 'наука о слове', *'илму-т-тасриф* 'наука о флектировании', *'илму-и-нахф* 'наука о связной речи' и др. [Там же. С. 82].

К сожалению, указанные труды до сих пор не изучены должным образом крымскотатарскими исследователями.

Грамматические термины встречаются и в лингвистических трудах известного учёного и поэта средневековья А. Навои. В его научном наследии представляет особый интерес трактат «Мухакамат ал-луг'атайн» («Суждение о двух языках»), в котором изложены взгляды исследователя на место тюркского языка в литературном творчестве [Насилов, 1981, с. 143—154]. Основная цель труда — показать совершенство тюркского языка, во многом не уступающего персидскому. Учёный даёт сведения о фонетике, лексикологии, словообразовании и морфологии тюркских языков, проводит интересные грамматические сопоставления [Навои, 1970]. В работе в качестве терминов, наряду с арабскими заимствованиями, которые до настоящего времени используются в крымскотатарском языкознании, например, *замир* 'местоимение', *сыфат* 'имя прилагательное', *фииль* 'глагол' и др., встречаются вышедшие из употребления в современных крымскотатарских грамматиках арабские термины: *сарф* 'грамматика', *эда* 'аффикс' и пр. При описании артикуляционных особенностей гласных звуков учёный использовал

и общетюркские слова, например, *вави* ‘губные гласные звуки’ и *ййи* ‘негубные гласные звуки’ [Hulûsi Kilici, с. 175]. Следует отметить, что поэтические и лингвистические труды А. Навои, а также его предшественников и современников, повысили интерес к чагатайскому языку у представителей многих народов тюркоязычного Востока. Появились различные словари, помогающие овладеть данным языком. [Кадыров, с. 72–73]. Использование этих словарей затруднял арабский алфавит, который не отражал особенности фонетической системы тюркских языков. Для этого были введены специальные лингвистические термины, без понимания которых трудно было употреблять восточные словари. Например, для правильной передачи фонетической структуры слова использовались термины *ишба*’ (для характеристики узких и широких гласных), *му’джам* и *мухмал* (для указания на чтение и произношение согласных, различающихся диакритическими знаками при совпадении графической формы). [Там же. С. 71]. Изучение лингвистических терминов, употреблённых в этих трудах, будет способствовать правильному чтению памятников письменности.

Особого внимания заслуживают лингвистические труды крымских учёных периода Крымского ханства. Подтверждением этому служит научный труд известного учёного XVII века Эбуль-Бека Мухибуддин Эйюба Кефеви (1619–1684 гг.) «Эль-Куллият» («Собрание») [Hulûsi Kilici, с. 298], являющийся словарём терминов, которые использовались в мусульманских религиозных науках (хадисоведении, юриспруденции (фикх), богословии (калам), экзегетике (комментарии Корана), а также философии, логике и грамматике.¹

О значимости этого труда и его популярности в научном мире свидетельствуют многократные издания словаря. В XIX–XX веках он был издан в общей сложности 10 раз: трижды — в Египте, (1837; 1839; 1864–1865); дважды — в Стамбуле (1861–1862; 1869–1870); дважды — в Тегеране (1867–1868; 1869–1870); издание с критическими замечаниями осуществ-

¹ Это произведение стало темой докторской исследования турецкого ученого М. Халиль-Чичека, защита которой состоялась в Турции в 1992 г.

лено в Дамаске (1975—1976; 1981—1982) и, наконец, имеется Бейрутское издание 1992—1993 гг. Из авторских комментариев выясняется, что при работе над словарём использовалось более 180 источников — классических произведений по исламским религиозным наукам, грамматике и риторике. И это далеко не единственный труд крымскотатарских авторов, в которых они касались лингвистических вопросов.

Появление таких исследований представляется естественным, поскольку арабская и возникшая на её основе османская (турецкая) грамматики с разработанным терминологическим аппаратом занимали одно из наиболее важных мест в программе мусульманских, в том числе и крымских, медресе.

О значимости филологических наук в области просвещения периода Крымского ханства свидетельствуют многочисленные списки разного рода грамматических сочинений и словарей, сохранившиеся до наших дней, в частности, в собрании старопечатных рукописных книг Ханского дворца-музея. О содержании этой коллекции можно судить по описанию её фрагмента, переданного в 1976 г. в Государственную Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ныне Российская Национальная библиотека, г. Санкт-Петербург) и опубликованному О. В. Васильевой и В. В. Лебедевым в статье «Бахчисарайское собрание восточных рукописей» [Васильева, Лебедев, 1983, с. 133—134]. Как отмечают авторы статьи, из 122 рукописей наибольшее количество (вслед за рукописями по фикху (мусульманское право) — 33 сочинения) относится к трудам по грамматике — 27 рукописей. «Это объясняется, — замечают авторы, — серьёзным вниманием, уделявшимся фикху и грамматике в мусульманских училищах. Многие сочинения этих жанров представлены в собрании несколькими списками, что свидетельствует об их популярности» [Там же. С. 133—134].

В этой же статье даётся описание некоторых произведений, среди которых следует выделить трактат крымского автора XVIII века Мухаммеда ибн Абдур-рахима ибн Ибрахима ал-Кырыми, представляющий собой супракомментарий к комментарию Абд ал-Гафара ал-Лари к учебнику арабской грам-

матики великого таджикского поэта Абдурахмана Джами¹ (год написания — 1748) [Там же. С. 133—134].

Среди филологических трактатов этого периода в 2007 г. крымскотатарскими учёными обнаружен и сборник трудов по грамматике арабского языка («Сарф ве нахив джумлелери»), составленный и откомментированный мудеррисом крымского медресе деревни Озенбаш Сеййид Ханнаном эфенди [Абдульваап, с. 78, 142].

Наличие такого количества лингвистически значимых трудов свидетельствует о существовании сложившихся лингвистических традиций в крымскотатарском языке уже в период Крымского ханства. Значимая часть этих трудов исследователями обнаружена в Рукописном отделе и Отделе литератур стран Азии и Африки Российской Национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург) и опубликована в «Указателе рукописных и старопечатных книг, переданных в 1976 г. из Бахчисарайского историко-археологического музея в Государственную Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина» [Там же. С. 88].

2.2. Лингвистическая терминология в крымскотатарских арабографических грамматиках начала XX в.

Период конца XIX — начала XX веков — один из наиболее важных и интересных для изучения исторического развития тюркского, в том числе крымскотатарского языкознания.

Этот этап отмечен значительными работами в области исследования фонетического и грамматического строя тюркских языков. Появляется ряд учебных пособий по тюркским языкам, среди которых следует выделить изданную в 1809 году в типографии Казанского университета «Граматику татарского языка» (полное название — «Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения, преподаваемые в

¹ Абдурахман Джами (1414—1492) — известный поэт и мыслитель, написавший учебник по синтаксису арабского языка.

Императорской Казанской академии») известного востоковеда И. Хальфина [Ахметгалеева, с. 23—30], «Грамматику турецко-татарского языка» (Казань, 1839) А. К. Казем-бека, которая, как отмечает А. Н. Кононов, надолго стал основным учебным пособием для изучения турецкого языка как в России, так и в Западной Европе [Кононов, 1972, с. 7] и др.

В истории Крыма конец XIX — начала XX в. можно назвать временем бурного развития крымскотатарского языка и культуры после окончания так называемого «кара асыр» (букв. ‘чёрный век’) — периода столетнего застоя. Данный этап совпадает с культурно-просветительской деятельностью газеты «Терджи-ман» («Переводчик») и её редактора, одарённого писателя, новатора-реформатора в области образования И. Гаспринского. Известные просветители и педагоги этого времени (И. Гаспринский, позднее Я. Н. Байбуртлы, М. Абдулькадир, Ш. Бекторе и др.) пытались реформировать литературный крымскотатарский язык, приспособить арабский алфавит к тюркским языкам, сделать его более доступным пониманию широких народных масс.

Более внимательное изучение культурных процессов, происходивших в этот период, важно, на наш взгляд, ещё и потому, что они предшествуют периоду реформирования научной терминологии, графики и орфографии крымскотатарского языка в 20—30 гг. XX в. века.

Именно в это время во всем тюркском мире был широко распространён новый звуковой метод преподавания, который заметно облегчал процесс обучения и потому привлёк внимание многих прогрессивных учёных и методистов других регионов Российской империи. Среди последователей звукового метода был известный татарский журналист и педагог Хади Максуди (Ахмедхади Низамутдинович Максудов). Основываясь на прогрессивной методике, он пишет труд «Первый учебник», ставший популярным пособием для изучения арабского языка во всём тюркском мире и выдержавший свыше 30-ти изданий [Ахунов].

В Крыму лидером и пропагандистом нового метода был горячий сторонник фонетического правописания И. Гасприн-

ский [Ганкевич, с. 240]. Редакцией газеты «Терджиман» был издан ряд грамматик, среди которых можно отметить «Сарф-и тюркий» («Тюркская грамматика») [Сарф-и тюркий, 1907] и «Каваид-уль-лисан-и тюркий» («Правила тюркского языка») М. Абдулькадира [Абдулькадир, 1914].

Просветительская и педагогическая деятельность редколлегии газеты «Терджиман» и его руководителя достаточно полно изучены и описаны в трудах таких учёных, как Л. И. Климович [Климович, 1991], И. Керимов [Керимов, 1999], В. Ганкевич [Ганкевич, 2000] и др. Однако лингвистические труды, напечатанные в этот период в газете «Терджиман», лингвистическое наследие самого И. Гаспринского до сих пор не исследованы в достаточной степени. На наш взгляд, такое исследование необходимо, так как является одним из начальных этапов развития современной лингвистической мысли.

Лингвистические термины в грамматике «Сарф-и тюркий» («Тюркская грамматика»). Грамматика «Сарф-и тюркий» напечатана в 1907 году в Бахчисарае, в издательстве газеты «Терджиман» объёмом в 26 страниц. На титульном листе имеются необходимые выходные данные: название книги, дата и место издания, название издательства, но не указаны автор и адресат данного учебного пособия. В работе В. Ганкевича [Ганкевич, 2000, с. 300] составителем данного пособия назван И. Гаспринский, но указан другой год издания. На наш взгляд, этот вопрос требует дополнительного изучения.

Следует отметить, что «Сарф-и тюркий», как и другие арабо-графические источники этого периода, создавалась под влиянием арабского языка. Как известно, вплоть до начала XX века в тюркских грамматиках использовалась, в основном, заимствованная арабская терминология. К таким грамматикам относится и описываемый труд.

Лингвистические термины, использованные в пособии, в большинстве случаев являются арабизмами. Часть этих терминов, например, названия частей речи: *исим* 'имя существительное', *сыфат* 'имя прилагательное', *замир* 'местоимение', *фииль* 'глагол' и др. и сегодня используются в современном крымскотатарском языке.

тарском языке и не воспринимаются как иноязычные заимствования. Другие термины изъяты в начале 30-х годов, когда все дореволюционные грамматики были признаны устаревшими. В это время активно разрабатывались учебники нового образца, в которых арабизмы заменялись словами общетюркского происхождения или заимствованиями из русского языка и интернационализмами.

Термины, функционирующие в данном труде, по составу делятся на однословные (*сарф* 'грамматика', *муфред* 'единственное число', *мужерред* 'абстрактный' и пр.) и термины-словосочетания (*исм-и ишарет* 'указательное местоимение', *ахвал-и исим* 'падеж' и др.).

Следует отметить попытку автора анализируемого пособия использовать параллельно с арабскими терминами и термины с тюркскими компонентами, например: *заман-ы мазий* — *кечмиш олан заман* 'прошедшее время'; *заман-ы хал* — *шимдики булундыгъымыз заман* 'настоящее время'; *заман-ы мустакъбель* — *келеджек заман* 'будущее время' [Сарф-и тюркий, с. 17].

Используемые автором в качестве терминов некоторые османские словосочетания, построенные по правилам персидского языка, в современной крымскотатарской лингвистической терминологии заменены словосочетаниями, составленными по общетюркским грамматическим правилам: *исм-и хас* 'имя собственное' — *хас исим*; *сыфат-и аслие* 'качественное прилагательное' — *аслий сыфат*; *замир-и шахсий* 'личное местоимение' — *шахыс замири* и др.

Учебное пособие включает сведения по фонетике, графике и грамматике тюркских языков. Теоретические положения сопровождаются иллюстрациями и материалом для практических работ, даны грамматические правила, охватывающие отдельные явления морфологии тюркских языков.

«Сарф-и тюркий» состоит из двух небольших по объёму частей. В первой части, названной «Хуруф» («Буквы»), рассматриваются вопросы графики, излагаются правила письма арабскими буквами. Материал в этой части изложен в следующей последовательности: дано определение буквы, затем указано

количество букв в тюркском алфавите (31 буква), приведён сам алфавит с примечаниями. Далее автор даёт сведения о буквах, которые пишутся с последующими за ними знаками раздельно, и буквах, которые пишутся с последующими за ними знаками слитно. Заканчивается эта часть сведениями о диакритиках — специальных вспомогательных надстрочных и подстрочных знаках (*хареке*) и буквах, которые в определённых комбинациях обозначали гласные звуки.¹ Используемые в этой части труда термины являются в основном однословными арабскими терминами: *сарф* ‘грамматика’, *харф* ‘буква’, *касра* (диакритический знак, обозначающий краткий гласный звук [a]), *дамма* (диакритический знак, обозначающий краткий гласный звук [y]), *фатха* (надстрочный диакритический знак) и др. Но наряду с некоторыми арабскими словами автор параллельно использует и тюркские лингвистические термины: *фатха* (араб.) — *устюн* (тюрк.), *дамма* (араб.) — *отъре* (тюрк.). В работе употребляются и тюркизированные варианты арабских терминов (например, термин *эсре* является тюркизированным вариантом арабского термина *касра*). Из указанных арабизмов в современном крымскотатарском языке в качестве термина функционирует только фонетический вариант слова *харф* — *ариф* ‘буква’. Термин *сарф* ‘грамматика’ используется в трудах крымскотатарских учёных до конца 20-х годов [Бекторе, 1923; Чобан-заде, 1925]. В 30–40-е годы он был заменён термином *грамматика*. Большая часть указанных терминов арабского происхождения перестала употребляться в современном крымскотатарском языкознании, так как обозначала грамматические категории, нехарактерные для крымскотатарского языка и по этой причине не выделяемые в современных грамматиках.

¹ Арабский алфавит содержит двадцать восемь графем, которые обозначают согласные звуки, причем три из них служат еще для передачи долгих гласных. Для обозначения кратких гласных в арабском алфавите нет специальных букв. В Коране, учебниках, а иногда и в поэзии для обеспечения правильного чтения краткие гласные обозначаются специальными знаками (*хареке*). (Б. З. Халидов, Учебник арабского языка. С. 5, 19).

Вторая часть «Сарф-и тюркий» посвящена частям речи, их грамматическим категориям и словообразованию.

Автор данного пособия выделяет девять частей речи, обозначенных следующими терминами: *исим* 'имя существительное', *сыфат* 'имя прилагательное', *замир* 'местоимение', *исм-и ишарет* 'указательное местоимение', *мюбхемат* 'вопросительное местоимение', *масдар* 'имя действия', *фииль* 'глагол', *фер'-и фииль* 'отглагольное имя существительное, прилагательное, причастие', *эдеват* 'послелог, союз, частица, междометие'. Часть названий лексико-грамматических классов, используемых в данном труде (*исим*, *сыфат*, *замир*, *фииль*), функционирует в качестве терминов и в современной крымскотатарской лингвистике.

Описывая существительные, автор выделяет имена собственные и нарицательные, даёт им определение, отмечает наличие у имени существительного грамматических категорий числа и падежа. После теоретических сведений о склонении существительных представлены парадигма склонения двух имён существительных (*китан*, *адам*) и практическое задание для закрепления этой темы [Сарф-и тюркий, с. 5].

При описании категорий имени существительного использованы однословные арабские термины *муфред* 'единственное число', *джем* 'множественное число' и термины-словосочетания: *исм-и хас* 'имя собственное', *исм-йамм* 'имя нарицательное', *ахвал-и исим* 'падеж') [Там же. С. 3—5]. Автором выделены четыре падежа, названия которых также являются арабскими заимствованиями:¹ *муджерред* 'абстрактный падеж', *меф'улюн бих* 'винительный падеж', *меф'улюн илейх* 'дательный падеж', *музафун илейх* 'родительный падеж'. В 30-е годы наименования всех падежей были заменены словами с общетюркским корнем: *меф'улюн бих* — *тюшюм келиши* 'винительный падеж', *меф'улюн илейх* — *дог'рултув келиши* 'дательный падеж' и т.д. Термин *ахвал-и исим* 'состояние имени, падеж', являю-

¹ В арабском языке есть три падежа: именительный, родительный и винительный. Основная масса имен склоняется по этим трем падежам.

щийся арабской формой множественного числа, в грамматиках 30–40-ых гг. был заменён формой единственного числа этого слова *хал* (*ал*), а в лингвистических трудах послевоенного периода общетюркским — *келиш*.

В раздел об именах существительных включены и числительные. Автор выделяет четыре лексико-грамматических разряда имён числительных и при их описании использует следующие термины: *исм-и адад* ‘имя числительное’, *адед-и аслие* ‘количественное числительное’, *адед-и васфие* ‘порядковое числительное’, *адед-и кесрие* ‘дробное числительное’, *адед-и тевзиие* ‘разделительное числительное’ [Там же. С. 7–8]. Первая из названных лексем после 20-х годов была заменена общетюркским термином *сайы*, другие вышли из употребления и в современных грамматиках им соответствуют эквиваленты *микъдар сайысы* ‘количественное числительное’, *сыра сайысы* ‘порядковое числительное’, *кесир сайы* ‘дробное числительное’, *пай сайысы* ‘разделительное числительное’.

Характеризуя имена прилагательные, автор даёт их определение и выделяет два семантических разряда, употребляя термины *сыфат-и аслие* ‘прилагательное качественное’ и *сыфат-и къыясие* ‘прилагательное относительное’ [Там же. С. 8]. Первое из данных словосочетаний модифицирован в современном языке на вариант, построенный по общетюркским грамматическим правилам, — *аслий сыфат* ‘прилагательное качественное’, второе — не используется.

Среди относительных прилагательных, приведённых автором в качестве примера, встречаются слова, которые в современных грамматиках относятся к наречиям (*русча, тюркче*) и к производным существительным с аффиксами *-джи, -джы, -чы, -чи; -ли, -лы* (*китапчы, сувджы, акъыллы*).

Термин *замир* ‘местоимение’ в пособии используется в двух значениях: 1) местоимение; 2) аффиксы с грамматическим значением принадлежности, сказуемости, лица. [Там же. С. 10–12]. В современном крымскотатарском языке за данным термином сохранилось лишь первое значение.

Определяя разряды местоимений по семантике, автор использует следующие термины: 1) *замир-и шахсий* ‘местои-

мение личное'; 2) *замир-и изафий* 'притяжательное местоимение'; 3) *замир-и нисбий* 'аффиксы сказуемости'; 4) *замир-и фишлий* 'личные окончания глаголов'; 5) *замир-и васфий* 'притяжательное местоимение с аффиксом *ки*'. Это в основном термины-словосочетания, построенные по правилам персидского языка, использовавшиеся в османском языке. В грамматиках 30—40 гг. XX в. они уже не употребляются.

В отдельную лексико-грамматическую группу вынесены указательные местоимения (*исм-и ишарет*), отличающиеся друг от друга дифференциальными семами: для указания на предметы, находящиеся в непосредственной близости, используется местоимение *бу* (этот), для указания на предметы, находящиеся на среднем от говорящего расстоянии, — местоимение *шу* (этот), для указания на предметы, находящиеся далеко, — местоимение *о* (тот) [Там же. С. 12].

Описывая разные группы местоимений, автор даёт образцы склонения некоторых из них.

Значительное место в «Сарф-и тюкий» отводится *масдарам* 'именам действия' и глаголу. У глаголов автор, как и современные лингвисты, выделяет 3 формы времени: 1) прошедшее время; 2) настоящее время; 3) будущее время.

В зависимости от структуры глаголы разделены на простые и сложные. В отличие от классификаций современных языковедов, в данном пособии у глагола выделено восемь наклонений (в современном крымскотатарском языке — пять). В работе широко представлены парадигмы спряжения глаголов всех наклонений: в положительной и отрицательной формах в единственном и множественном числе по трём лицам.

Названия всех глагольных категорий также являются двусловными арабскими словосочетаниями: *фииль-и басит* 'простой глагол', *фииль-и муреккеп* 'сложный глагол', *масдар-ы мусбет* 'положительная форма имени действия' и др. Однако, как уже отмечалось выше, наряду с заимствованными терминами при описании глагола впервые используются термины с тюркскими компонентами: *кечмиш олан заман* 'прошедшее

время', *шимдики булундыгъымыз заман* 'настоящее время', *келеджек заман* 'будущее время' [Там же. С. 17 — 24].

Рассматривая масдары, автор выделяет три вида: 1) имя действия, близкое к инфинитиву; 2) имя действия, образованное от имени существительного или прилагательного; 3) имя действия, выполняющее функцию прилагательного. В работе представлены масдары, образованные при помощи словообразовательных аффиксов *-лыкъ / -лик* (*кельмек+лик, алмакъ+лыкъ*); *-ма / -ме* (*сат+ма, ал+ма* и т.д.); *-ш* (*кели+ш, саты+ш* и др.). В современном крымскотатарском языке данная категория слов выделена в особую группу глагола и обозначается термином — *исимфииль* 'имя действия'.

Следует заметить, что учёный не упоминает о сингармонизме, характерном для тюркских языков, но выделяет разновидности масдаров с мягкой и твёрдой основой и использует два термина: *масдар-ы хафиф* 'масдары с мягкой основой' (*кельмек, бильмек, сейлемек* и др.) и *масдар-ы сакъыйль* 'масдары с твёрдой основой' (*алмакъ, сатмакъ, язмакъ* и др.) [Там же. С. 14].

Описывая категории глаголов и масдаров, автор в основном использует термины — словосочетания, построенные по правилам персидского языка.

Грамматика «Сарф-и тюркий» завершается описанием союзов, частиц, междометий, модальных слов, которые объединяется в одну группу, названную *эдеват* 'частицы'. В пособии также даются образцы морфологического разбора слов [Там же. С. 25—26].

Таким образом, материалы этого лингвистического труда наглядно демонстрируют, что в начале XX в. крымскотатарское языкознание использовало арабскую терминологическую лексику. В то же время крымскотатарские учёные начали создавать термины, используя исконно тюркскую лексику.

Лингвистические термины в грамматике «Каваид-уль-лисан-и тюркий» («Правила тюркского языка»). Автором другой арабографической грамматики «Каваид-уль-лисан-и тюркий» («Правила тюркского языка») является М. Абдулькадир [Абдулькадир, 1914]. Учебник был опубликован в 1914 году в Бахчисарае, в издательстве газеты «Терджиман» («Пере-

водчик») объёмом в 70 страниц. Известно, что издателем книги являлся Али Ахмед.

Грамматика состоит из «Введения» («Медхаль») и 5-ти частей. Во «Введении» автор даёт общие сведения о языке (лисан), графике тюркских языков, слове как основной единице языка.

В первой части «Исим» («Имя существительное») описываются лексическое значение и грамматические категории числа и падежа имени существительного, во втором разделе «Сыфат» («Имя прилагательное») изложены сведения о значении, семантических разрядах и словообразовании имени прилагательного. Третья часть «Замир» («Местоимение») посвящена семантическим особенностям местоимений. Заметим, что их классификация существенно отличается от современной. В четвёртой части, названной «Фииль» («Глагол»), даются сведения о грамматических категориях времени и наклонения, спряжении тюркского глагола в положительной и отрицательной форме. В разделе «Эдават» («Частица») описаны служебные части речи и союзы. После каждой темы составитель даёт контрольные вопросы для закрепления пройденного материала.

Лингвистические термины, употреблённые в работе, также являются арабскими заимствованиями. Однако следует сказать, что они заметно отличаются от терминов, использованных в грамматике «Сарф-и тюркий». Для сравнения продемонстрируем фрагмент микросистемы терминов с родовым словом *фииль* 'глагол' (см. табл. 2.1.):

Таблица 2.1.

Термины, употреблённые в арабографических грамматиках

«Сарф-и тюркий»	«Каваид-уль-лисан-и тюркий»
<i>Фииль</i> 'глагол'	<i>Фииль</i> 'глагол'
1. <i>басит</i> 'простая форма' (глагола)	1. <i>эф'ал-и басита</i> 'простая форма глагола'
2. <i>Муреккеб</i> 'сложная форма' (глагола)	2. <i>эф'ал-и муреккебе</i> 'сложная форма глагола'

3. <i>Хикяе сыйгъасы</i> 'изъявительное наклонение прошедшего времени' (глагола)	3. <i>фи'л-и хикяе</i> 'глагол изъявительного наклонения прошедшего времени'
4. <i>Шартие</i> 'условное наклонение прошедшего времени' (глагола)	4. <i>фи'л-и шартий</i> 'глагол условного наклонения прошедшего времени'

Проведённое сравнение показывает, что лингвистические термины, употреблённые в грамматике «Сарф-и тюркый», отличаются более простой структурой. В некоторых случаях автор опускает родовой термин (см. в табл. пример 1, 2, 4) и употребляет в качестве самостоятельных видовое название и изафетные терминологические словосочетания, построенные по грамматическим законам тюркских языков (см. в табл. пример 3). Во второй грамматике использовано большое количество терминологических словосочетаний, построенных по правилам персидского изафета. Следует отметить, что в грамматике «Каваид-уль-лисан-и тюркый» («Правила тюркского языка») теоретические сведения о языке не сопровождаются практическими заданиями для закрепления, что было характерно для грамматики «Сарф-и тюркый». Можно предположить, что данные учебники имели разное предназначение: первый был адресован учащимся начальной школы, второй — учащимся медресе.

Несмотря на употребление большого количества арабских терминов, в грамматике «Каваид-уль-лисан-и тюркый» встречаются термины тюркского происхождения. В основном это названия вспомогательных надстрочных и подстрочных знаков (хараке), обеспечивающих правильное чтение гласных звуков: *устюн, отьре*.

Языковедческие термины в грамматике Ш. Бекторе «Татарджа сарф, нахв» («Татарская грамматика, синтаксис»¹). 20-е годы XX века — сложный период в развитии крымскотатарского языкознания. В это время произошли кар-

¹ В старых крымскотатарских грамматиках термин «сарф» охватывал понятия «фонетика» и «морфология», термин «нахв» — понятие «синтаксис».

динальные изменения во всех сферах общества. Ведутся острые дискуссии по вопросам коммуникативной пригодности и престижности крымскотатарского языка в данной экzogлоссной ситуации, о реформировании литературного языка, замене арабской графики на кириллическую и т.д. Перед крымскотатарской интеллигенцией остро стояли проблемы, требовавшие незамедлительного решения. Одной из них было реформирование научной, в том числе и лингвистической, терминологии. Как отмечает Д. П. Урсу, национальное возрождение в «золотое пятилетие» 1923—1927 годов, рост образовательного и культурного уровня крымскотатарского народа, в особенности молодежи, ставили перед языковедами вопрос об унификации терминологии, как общественно-политической и научной, так и технической [Урсу, 2004, с. 119].

Языковедческие труды этого периода по-прежнему издавались на арабской графике, но в них явно наметилось отход от старых лингвистических традиций. Подтверждением этой тенденции служит издание в 1923 г. известным просветителем и писателем, преподавателем крымскотатарского языка Ш. Бекторе учебно-методического пособия «Татарджа сарф, нахв» («Татарская грамматика, синтаксис»). В трудах крымскотатарских учёных более раннего периода описание крымскотатарского языка традиционно опиралось на арабскую грамматику, и поэтому, несмотря на попытки авторов ввести в научный обиход собственно тюркские лингвистические термины, в названиях грамматических категорий преобладали арабские и арабско-персидские конструкции.

В предисловии к своей книге Ш. Бекторе акцентирует внимание на том, что его целью является создание грамматики, отражающей специфические особенности крымскотатарского языка: «У татар, — пишет автор, есть присущий им язык, правила и законы языка плохая ли — хорошая ли на своём языке рождающаяся литература. Поэтому мы решили создать этот труд, согласно законам и правилам данного языка» [Бекторе, 1923].

Анализ языка и терминологии данной грамматики показывает, что это учебное пособие отличается от ранее изданных как структурой и характером изложения материала, объёмом

и уровнем грамматических классификаций, так и нетипичной для грамматик того периода терминологией.

Объём работы составляет 110 страниц. На титульном листе имеются необходимые выходные данные: название книги, дата и место издания. Не указан адресат данного учебного пособия, однако по содержащимся в нём методическим разработкам уроков по крымскотатарскому языку можно предположить, что он предназначен для учащихся педагогических училищ. Написан учебник языком, близким к современному крымскотатарскому языку.

Пособие состоит из 3-х разделов, которым предшествует вступление (башлангыч), содержащее краткие сведения об основных разделах науки о языке: фонетике, орфографии, грамматике и синтаксисе.

Теоретический материал сопровождается иллюстрациями и системой упражнений для практических работ.

В первом разделе, названном «Татарджа сарф» («Татарская грамматика»), дана классификация гласных и согласных звуков крымскотатарского языка, определение слога, сведения о характерном для тюркских, в том числе и для крымскотатарского, языков палатальном сингармонизме гласных звуков. Большая часть раздела посвящена частям речи и их грамматическим категориям.

Во втором разделе описаны типы предложений по цели высказывания, по строению, главные и второстепенные члены предложения.

Третий раздел посвящен вопросам методики преподавания крымскотатарского языка в школе.

Анализ лингвистических терминов, употреблённых в работе, отражает отношение Ш. Бекторе к проблеме формирования научной терминологии в крымскотатарском языке. Употребляемые в традиционных крымскотатарских грамматиках заимствованные арабские термины, по его мнению, чужды и непонятны народу, а значит, затрудняют процесс обучения и изучения языка на разных его уровнях. Учёный был сторонником пуризма, т.е. полной очистки крымскотатарского научного языка от инородной лексики. Естественно, отказ от ара-

бизмов, требовал их замены другими терминами. Основой для терминовтвора автор выбирает крымскотатарский язык, преимущественно его степной диалект. Ш. Бекторе создаёт ряд терминов, используя словообразовательный потенциал родного языка: *сес илими* 'фонетика', *сагълам сес* 'гласный звук', *танав сеси (кенъиз)* 'носовой звук', *пайнозилик* 'единственное число', *булуш* 'падеж', *сёзлер къорантасы* 'однокоренные слова', *отъкен заман* 'прошедшее время (глагола)' *буйрукъ* 'повелительное наклонение (глагола)', *боладжакълар* 'будущее время глагола', *мечев сёзлер* 'частицы, междометия', *баш сёз* 'подлежащее', *дуракълар* 'знаки препинания' и др. Автор вводит и большое количество гибридных терминов (общетюркское слово + арабизм). Например, взяв за основу арабский термин *сыфат* 'имя прилагательное', он создает сразу несколько терминов, определяющих категории и формы имени прилагательного: *чагъышдырув сыфаты* 'сравнительная степень прилагательного', *азайтув сыфаты* 'уменьшительная форма имени прилагательного', *артдырув сыфаты* 'аналитическая, усиленная форма имени прилагательного' и др. При образовании терминов Ш. Бекторе активно использует продуктивный словообразовательный аффикс -*даш* / -*деш*, например, *манадаш* (сёз) 'синоним' ← *мана*+*даш*, *сыфатдаш* 'причастие' ← *сыфат*+*даш* и пр.

Тем не менее, учёный осторожно относится к процессу обновления терминологической системы, поэтому не все термины арабского происхождения заменяет тюркскими словами. В работе активно использованы такие арабские заимствования, как *исим* 'имя существительное', *фииль* 'глагол', *харф* 'буква' и др. В отдельных случаях рядом с тюркским термином в скобках указывается арабский вариант. Например, тюркские названия падежей сопровождаются арабскими эквивалентами: *адлавджы булуш (меджаред)* 'именительный падеж', *орунлавджы булуш (меф'улюн фих)* 'местный падеж', *башлавджы булуш (меф'улюн аных)* 'исходный падеж' и др.

Несмотря на то, что в тюркские языки стала активно проникать интернациональная лексика, и были сторонники пополнения национальной терминологии за счёт международных

слов (их называли «европеизаторами»), в своей работе Ш. Бекторе не использует термины-интернационализмы. В пособии встречается лишь один термин *фонетика*, функционирующий параллельно с общетюркским термином *сеслер илими* 'наука о звуках'.

Вероятно, позиция автора была ошибочна, поэтому его учебник с нетрадиционной, а порою и выдуманной, терминологией вызвал критику современников. Многие термины, созданные учёным, не закрепились в крымскотатарских грамматиках более позднего времени, хотя следует отметить их структурно-семантическую мотивированность и достаточную компактность. Основным недостатком этих единиц, на наш взгляд, является их диалектная окрашенность.

Термины Ш. Бекторе, вероятно, можно назвать предтерминами, т.е. специальными лексемами, используемыми в качестве терминов для называния новых сформировавшихся понятий, не отвечающими основным требованиям, предъявляемым к термину. От терминов предтермины отличает их временный характер и неустойчивость формы. В большинстве случаев предтермины вытесняются терминами. Подобное произошло с терминами, созданными Ш. Бекторе. Однако некоторые из них (например, *сес илими* 'фонетика', *танав сеси (кенъиз)* 'носовой звук', *тиш сеси* 'зубной звук', *дудакъ сеси* 'губной звук' и др.) используются в современных грамматиках в исходном виде или в несколько изменённой форме: *сес бильгиси* 'фонетика', *кенъез сеси* 'носовой звук'. В современной лингвистической терминологии термин *сагъыр сес* соответствует понятию «глухой звук» (ср: в работе Ш. Бекторе он называл согласный звук).

Подобные процессы в терминологических системах Н. К. Дмитриев объяснял тем, что отдельные понятия, выражаемые тем или иным грамматическим термином, с течением времени могут изменять свое содержание, и следовательно, термин, обозначающий в одно время одно понятие, в другое историческое время может обозначать несколько измененное или же совсем новое, другое понятие [Дмитриев, 1955, с. 34–35]. Следует заметить, что похожие явления наблюдались и в других тюркских языках. Анализируя историю развития татарской

грамматической терминологии, Н. К. Дмитриев отмечает: «...в XX в. среди татарских грамматистов были сторонники абсолютного пуризма, которые пытались обойтись терминами исключительно татарского происхождения, для чего им самим приходилось и составлять эти термины. Но судьба большинства этих продуктов личного творчества была такая, как у всех пуристических измышлений на языках всего мира. Им недоставало общенародного характера, а без этого нет языка, и, следовательно, терминологии» [Там же. С. 21]. С данной точкой зрения можно согласиться лишь частично.

Так, например, Е. М. Верещагин отмечает ведущую роль индивида в терминотворчестве. Специальный язык, считает исследователь, уподобляется явлению культуры, и термины могут формироваться и изменяться по воле индивида. «Группы выделяют из своей среды лидеров (признанных учёных, основателей школ), а эти последние вносят свой ощутимый вклад в терминологический багаж группы. Следовательно, если словотворчество, как правило, коллективно, то терминотворчество может быть и личным» [Верещагин, с. 107]. На наш взгляд, в период, когда тюркское, в том числе и крымскотатарское, языкознание вступало в новый период своего развития, и научный язык требовал создания новых терминов, инициатива Ш. Бекторе по созданию национальной лингвистической терминологии была вполне оправданной. Данная позиция подтверждается и высказываниями современных исследователей о том, «что основной (окончательной) номинации предшествуют первичные номинации, или «микронинации», создающие материал для раздумья и отбора более подходящих названий из нескольких конкурирующих» [Суперанская, 2012, с. 95].

2.3. Лингвистическая терминология в трудах Б. Чобан-заде

Одной из ярких фигур крымскотатарского языкознания довоенных лет является Бекир Чобан-заде, учёный-тюрколог, общественный деятель и поэт (1893—1937). Большой вклад учёного в развитие тюркского, в том числе и крымскотатарского,

языкознания определяется рядом известных трудов, среди которых следует отметить такие монографии, как «Тюрк-татар лисаниятына медхал» («Введение в турецко-татарское языкознание») [Чобан-заде, 1924], «Къырымтатар ильмий сарфы» («Научная грамматика крымскотатарского языка») [Чобан-заде, 1925], «Тюрк грамери» («Тюркская грамматика») [Чобан-заде, 1929] и др.

Учёный уделял большое внимание вопросам терминологии. В 1926 г. он выступает на I-ом Всесоюзном Тюркологическом съезде (Баку) с докладом «О системе научной терминологии», публикует в журнале «Большевик» (Баку) статью «Ильмий терминлернин сарфлары» [Kenan Asar, 2001, с. 493].

Жизни и литературоведческой деятельности Б. Чобан-заде посвящено достаточно много исследований (И. Отар, Ф. Д. Ашнин, А. Меметов, С. Нагаев, Д. П. Урсу, К. Аджар), но его лингвистические труды в полной мере не изучены. Следует, однако, заметить, что за последние годы в тюркском мире интерес к научному наследию известного мыслителя неуклонно растет. Свидетельством тому является объёмная монография турецкого учёного К. Аджара, посвященная языковедческой и литературоведческой деятельности Б. Чобан-заде [Kenan Asar, 2001]. Автор уделяет особое внимание лингвистическим трудам крымскотатарского исследователя, полно и детально описывает их выходные данные, содержание, язык, анализирует функционирующие лингвистические термины, сопоставляя их с современными терминами турецкого языка.

Однако существующие исследования совершенно недостаточны. Изучение научного наследия Б. Чобан-заде осложнено тем, что основные его труды, прежде всего монографии и учебные пособия, изданы арабской графикой, а с 1929 г. — новой латинской графикой на азербайджанском языке. Крымскотатарские учёные предпринимают попытку сделать их доступными современному читателю. Подтверждением этому является переиздание под руководством проф. А. Эмировой монографии Б. Чобан-заде «Къырымтатар ильмий сарфы» («Научная грамматика крымскотатарского языка») в транслитерированном (с арабской графики на кириллицу) и адаптированном к нормам

современного крымскотатарского языка варианте [Чобан-заде, 2003]. Изучение трудов учёного актуальны для крымскотатарского языкознания потому, что в них впервые систематизирована научная терминология крымскотатарского языка.

Рассмотрим особенности лингвистических терминов, функционирующих в отдельных трудах учёного.

Первым значительным трудом Б. Чобан-заде является книга «Тюрк-татар лисаниятына медхаль» («Введение в турецко-татарское языкознание») [Чобан-заде, 1924], опубликованная в Баку в 1924 г. арабской графикой. Труд был написан на стамбульском наречии османского (турецкого) языка. Однако турецкие исследователи отмечают стилистическую близость данной публикации к крымскотатарскому языку [Kenan Acar, с. 65].

При описании фонетики, фонологии, морфологии, лексикологии, в генеалогической и типологической характеристике тюркских языков, автор использовал большое количество терминов. Эти термины можно разделить на следующие группы: 1) арабские заимствования: *савт* 'звук', *тахлиль* 'диссимиляция', *ыстылах* 'термин' и пр.; 2) тюркские слова: *баш кьошма* 'префикс', *сёз такъымы* 'состав слова', *айры сёз* 'нечленное слово, исторически состоящее из двух корней' и др.; 3) интернациональные (в основном латинские) термины: *spirant*, *bilateral*, *unilateral* и пр. Несмотря на то, что монография была написана арабской графикой, при передаче интернациональных терминов и собственных имён автор использует латиницу и кириллицу [Там ж. С. 61].

При описании фонетического уровня тюркских языков употреблены следующие термины: *саите* 'гласный звук', *самите* 'согласный звук', *фысылтылы сес* 'шипящий звук', *сызгыран сес* 'свистящий звук', *седалы сес* 'звонкий звук', *патлайдыжы сес* 'взрывной звук', *дудакъ сеси* 'губной звук', *дамакъ сеси* 'горланый звук', *диш сеси* 'зубной звук', *савтий* 'фонетический', *темсиль* 'ассимиляция' и др. [Чобан-заде, 1924, с. 8—43]. В этом разделе в качестве терминов употреблены и арабские и тюркские лексемы. Анализируя артикуляционные особенности звуков, автор вводит большое количество тюркских терминов.

Рассматривая морфологические и словообразовательные особенности тюркских языков, Б. Чобан-заде использует следующие термины: *шекильджи* / *шекиль иляве* ‘аффикс’, *сёз япыджы шекильджи* ‘словообразовательный аффикс’, *дамар* / *кок* / *джезир* ‘корень’, *сёз шекили* ‘форма слова’, *баш кёошма* ‘префикс’, *сёз такъымы* ‘состав слова’ и др. Примеры показывают, что автор употребляет и арабские, и тюркские термины, но количество вторых превалирует.

Описание синтаксических особенностей тюркских языков осуществляется с помощью следующих терминов: *там джумле* ‘двусоставное предложение’, *накис джумле* ‘односоставное предложение’, *хабер* ‘сказуемое’, *муптеда* ‘подлежащее’, *гъайры сарфий джумле* ‘назывное предложение’, *джумле-и тамме* ‘главное предложение’, *джумле-и мютеммим* ‘придаточное предложение’, *нахв* ‘строение предложения, синтаксис’ и пр. Из приведённых примеров следует, что на синтаксическом уровне преобладают арабские термины или термины-гибриды (арабский + тюркский компонент). Использует учёный и персидские изафетные конструкции (например, *джумле-и тамме* ‘главное предложение’, *джумле-и мютеммим* ‘придаточное предложение’).

В работе встречаются и общезыковедческие термины, такие как *лисаният* ‘языкознание’, *диллернинъ шекий таснифи* ‘типологическая классификация языков’, *диллернинъ шеджереви таснифи* ‘генеалогическая классификация языков’ и др.

Следующий труд учёного — «Къырымтатар ильмий сарфы» («Научная грамматика крымскотатарского языка») вышел в свет в 1925 г. арабским письмом на османском (турецком) языке [Чобан-заде, 1925]. Как уже отмечалось, данная монография переиздана под руководством проф. А. Эмировой [Чобан-заде, 2003]. Именно это издание предоставило возможность наиболее полно проанализировать лингвистическую терминологию одного из значительных трудов Б. Чобан-заде.

Причины выбора языка, графики, а также употреблённой терминологии автор объясняет так: «Что касается того, что наш труд написан на османском (турецком) языке, то это было вызвано желанием не включаться в нескончаемые до сего дня споры о (крымскотатарских) диалектах, избежать употребле-

ния непонятных, выдуманных терминов...» [Эмирова, 2003, с. 20–21].

Учёный, критикуя изданные после 1905 года тюрко-татарские издания по филологии, отмечал два основных недостатка: 1) несоответствие принципу научности; 2) подчинение тюрко-татарского грамматического материала схемам и структурам, характерным русскому и французскому или арабскому и персидскому языкам [Там же. С. 30].

Создавая «Къырымтатар ильмий сарфы» («Научная грамматика крымскотатарского языка»), Б. Чобан-заде стремился описать грамматические категории, свойственные крымскотатарскому языку. В соответствии с этим изменился и характер лингвистической терминологии, употребляемой автором. Анализ этих терминологических единиц показывает стремление учёного заменить арабские заимствования терминами, созданными на основе исконной или общетюркской лексики. Из 135 выбранных нами из монографии терминов 105 составляют термины-общетюркские слова или термины-гибриды (общетюркское слово + арабское заимствование). Термины-общетюркские слова — это прежде всего единицы, созданные самим автором (в научных трудах других учёных предвоенного времени такого типа лексемы не встречаются): *тиль бильгиси* ‘лингвистика’, *сёз кзурулышы* ‘морфология’, *сес теллери* ‘голосовые связки’, *далггалы сес* ‘плавный звук’, *шиве ильми* ‘диалектология’, *джансыз булунгган шекильджи* ‘непродуктивный суффикс’, *къысартма* ‘диэреза, выкидка звука’ *баш ургъу* ‘основное ударение’, *бирлик* ‘единственное число’, *иш сёзлери* ‘глаголы’, *ишарет сёзлери* ‘указательные местоимения’ и др. Кроме указанных, Б. Чобан-заде употребляет термины, встречающиеся в его ранних трудах и в работе Ш. Бекторе: *тиш сеси* ‘зубной звук’, *дудакъ сеси* ‘губной звук’, *къалын сес* ‘заднеязычный звук’, *чекильме* ‘клонение, спряжение’ и др.

Термины общетюркского происхождения образованы в основном двумя способами: 1) калькирование русских лингвистических терминов (*дамагъ аркъасы сеси* ‘задненёбный звук’, *сызгыргган сес* ‘фрикативный звук’ и др.); 2) терминологизация (*дамар* ‘корень’, *темель* ‘основа’ и др.).

Гибридные термины являются именными словосочетаниями, имеющими в своём составе как тюркский, так и арабский компоненты: *къалын* (тюрк.) *саите* (араб.) 'заднерядный гласный', *соргъу* (тюрк.) *замири* (араб.) 'вопросительное местоимение', *мантыкъий* (араб.) *ургъу* (тюрк.) 'логическое ударение', *садалы* (араб.) *сес* (тюрк.) 'звонкий звук' и пр.

Учёный понимал, что формирование национальной терминологии — очень сложный процесс. Он осознавал, что использованные им термины в будущем заменятся более совершенными и точными терминологическими единицами. В настоящее время, считал он, важнее правильно описать само понятие, чем дать этому понятию название [Там же. С. 50—51]. В тех случаях, когда автор не мог подобрать удачный термин из общетюркского фонда, он оставлял арабское заимствование. Эту позицию учёного, на наш взгляд, можно объяснить тем, что он избегал употребления неточных терминов. Заметим, что Н. К. Дмитриев, анализируя терминологию довоенных грамматик башкирского языка, оправдывал употребление арабских терминов, которые были хорошо знакомы окончившим старые мусульманские школы, вместо нарочито придуманных терминологических единиц, имевших более узкую сферу обращения [Дмитриев, 1955, с. 64].

Среди группы заимствованных арабизмов, признанных Б. Чобан-заде, можно выделить термины, которые прочно вошли в крымскотатарскую лингвистику (*исим* 'имя существительное', *сыфат* 'имя прилагательное', *зарф* 'наречие', *фииль* 'глагол' и др.) и термины (18 единиц), которые не укоренились в языке и в более поздних научных трудах и крымскотатарских грамматиках не употреблялись. Это в основном названия разделов грамматики: *нахв* 'синтаксис', *сарф* 'грамматика'; названия грамматических категорий существительных и глаголов: *ахвалы-ы исим* 'падежи', *исм-и адед* 'имя числительное', *мази-и баид сыйгъасы* 'давнопрошедшее сложное время', *музафун илейх* 'родительный падеж', *гъайр-и муайен мустакъбель сыйгъасы* 'неопределенно-будущее наклонение (глагола)'; некоторые фонетические термины: *саит* (*саите*) 'гласный звук', *самит* (*самите*) 'согласный звук' и др. Среди терминов араб-

ского происхождения можно выделить производные слова: *шеклият* 'морфология' ← *шекл+ият*, *маният* 'семасиология' ← *ман+ият*, *лугатият* 'лексикология' ← *лугат+ият*, *савтий* 'фонетический' ← *савт+ий*, *нахвий* 'синтаксический' ← *нахв+ий* и др. На основе арабского корня и при помощи крымскотатарского словообразовательного аффикса учёный создаёт термин *шекильджи* 'аффикс' ← *шекиль+джи*.

Хорошо понимая роль международной лексики в развитии национальной терминологии, автор использует большое количество интернациональных терминов, давая их параллельно (в скобках) общетюркским словам и арабским заимствованиям: *дудакълаштырма* (*labialisation*), *богъазджылыкъ* (*velarisation*), *дамагъ аркъасы сеси* (*postpalatalis*), *савтият* (*фонетика*), *муштакъкъат* (*этимология*) и др. Вместе с тем Б. Чобан-заде широко оперирует и русскими лингвистическими терминами: *глухой* (*согласный*), *задненебный* (*звук*), *словоизменяющие* (*аффиксы*), *падеж*, *наречие*, *указательное местоимение*, *сравнительная грамматика* и др.

В процессе выявления специфики лингвистических терминов, функционирующих в другом труде Б. Чобан-заде — «Тюрк грамери» («Тюркская грамматика»), опубликованном в Баку (1929 г.) латинской графикой, мы воспользовались терминологическим словником (всего 70 терминов), составленным турецким тюркологом К. Аджаром в его монографии [Kenan Açar, с. 293—296].

Анализ этого словника, показывает, что автор «Тюрк грамери» («Тюркская грамматика») использует большее количество терминов, созданных на основе тюркских корней и по тюркским словообразовательным моделям (20 терминов). Например, употребляя термин *шекильджи* 'аффикс', зафиксированный и в ранних трудах («Къырымтатар ильмий сарфы», «Тюрк-татар лисаниятына медхаль»), он создаёт ряд других терминов: *джанлы шекильджи* 'продуктивный аффикс', *олю шекильджи* 'непродуктивный аффикс', *сёз япыджы шекильджи* 'словообразовательный аффикс', *сёз денъиштириджи шекильджи* 'словоизменяющий аффикс', *баш шекильджи* 'префикс', *сонъ шекильджи* 'суффикс' и др. Основываясь на деривационных

возможностях термина *дамар* ‘корень’, автор образует термины *ялма дамар* ‘производный корень’, *басит дамар* ‘непроизводный корень’, *кьошма-муреккеп дамар* ‘сложный корень’ и пр. Тем не менее, количество заимствованных терминов в работе всё же преобладает (50 единиц). Учёный продолжает использовать арабские термины или гибридные термины с арабским компонентом: *сарф*, *нахв*, *темсиль* ‘ассимиляция’, *техлиль* ‘диссимиляция’, *музафун илейх* ‘родительный падеж’, *истифхам кьошмасы* ‘вопросительная частица’, *саителер уюшмасы* ‘гармония гласных’, *рабита* ‘безличные формы глагола’, *экинджи дередже мана* ‘метафорическое значение’ и др.

К. Аджар отмечает, что во всех случаях Б. Чобан-заде рядом с тюркским или арабским термином даёт его латинизированный эквивалент [Там же, с. 296]. Например, *саителер уюшмасы* — *vokalharmonie*, *дудакъ саителери уюшмасы* — *labialharmonie*, *шекильджи* — *affiks / suffixe* и пр. В отдельных случаях грамматист поясняет латинский термин русским и французским аналогами. Например, термин *иляве* соответствует русскому *дополнение* или французскому *complement*, термин *таиний унсурлар* соответствует русскому *определение* или французскому термину *determinatif* [Там же, с. 296].

Таким образом, термины, употреблённые в монографиях Б. Чобан-заде, можно классифицировать следующим образом: 1) термины-общетюркские слова; 2) арабско-тюркские термины; 3) арабские термины; 4) международные термины; 5) русские термины.

Интересным материалом для исследования лингвистической терминологии, на наш взгляд, может стать и библиография к «Къырымтатар ильмий сарфы» («Научная грамматика крымскотатарского языка») [Там же. С. 134–135]. В ней автор ссылается на источники, в которых можно найти сведения о тюркских грамматиках, написанных в конце XIX — начале XX веков М. Абдулькадыром, Хусейном Джахидом, Мехмедом Тевфиком, Яхья-Наджи Байбуртлы и др. К сожалению, научное наследие указанных языковедов труднодоступно современному читателю, поскольку их труды написаны арабским письмом и сохранились в считанных экземплярах.

2.4. Состояние лингвистической терминологии крымскотатарского языка в 20—40-е годы XX в.

Терминологические дискуссии 20—30-х гг. XX в. и их значение для формирования крымскотатарской лингвистической терминологии. В 20—30-е XX в. годы произошла кардинальная переориентация в национальной культуре в целом, в том числе и в литературном языке в сторону европейских традиций. Арабская письменность была заменена на латинскую, а затем на кириллическую.

Была реформирована и научная терминология. На Всекрымских лингвистических конференциях (1927, 1928, 1929, 1934 гг.) и на I Всесоюзном тюркологическом съезде, состоявшемся в Баку в 1926 году, вопросы терминологии были особенно актуальны. Видные тюркологи, деятели науки и просвещения пытались определить принципы формирования научной терминологии в тюркских, в частности, в крымскотатарском, языках. По отношению к литературному языку в среде тюркоязычных учёных в этот период сформировалось четыре основных подхода, представители которых условно назывались панисламистами, европеизаторами, народниками и пантюркистами. Первые являлись сторонниками сохранения арабско-персидских терминов и дальнейшего пополнения лексики за счёт заимствований из арабского языка; вторые придерживались идеи введения в язык русских и европейских заимствований; третьи считали необходимым создание терминов на базе территориальных говоров и диалектов; и, наконец, четвёртые, в их числе Б. Чобан-заде и его сторонники, выступали за создание единой научной терминологии для всех тюркских языков [Материалы I Всесоюзного тюркологического съезда, 1926, с. 186].

Инициатором I-ого Всесоюзного Тюркологического съезда был А. Н. Самойлович, известный учёный, организатор и руководитель работ в области тюркологии. В 1923 г. он выступил со статьёй «Нужен тюркологический съезд», а в 1924 г. на заседании Радловского кружка (функционировал в 1918—1930 гг.) прочитал доклад о проекте применения латинского алфавита к тюркским языкам. Решения съезда ускорили замену арабской

графики латиницей, и оказали влияние на развитие тюркологических исследований в тюркоязычных республиках и областях [Кононов, 1974, с. 46—47].

На съезде были представлены все тюрко-татарские народности СССР. Кроме того, в его работе принимали активное участие как многие русские академики и профессора, так и иностранные учёные. Были заслушаны доклады и содоклады по следующим вопросам: 1. Современное состояние тюркских народов и ближайшие задачи изучения истории. 2. Современное состояние и ближайшие задачи изучения тюркских народов в этнографическом отношении. 3. Родственные связи тюркских языков между собой и с монгольскими, тунгусскими, финно-угорскими и яфетическими языками. 4. Современное состояние тюркских языков и ближайшие задачи их изучения. 5. Система научной терминологии в тюркских языках. 6. Общие основы орфографии тюркских языков. 7. Алфавиты тюркских народов. 8. Развитие литературного языка у тюркских народов. Большое практическое значение из всех этих вопросов имели, главным образом, три: терминология, орфография и алфавит.

Вопросам терминологии посвятили свои доклады такие известные учёные, как А. Р. Зифельдт, Х. Б. Зейналлы, Б. В. Чобан-заде, А. Б. Байтурсун, Х. А. Одабаш.

А. Р. Зифельдт, учёный секретарь Общества изучения и обследования Азербайджана, выступил с докладом «О принципах образования научной терминологии в тюркских языках». Кратко остановившись на естественной эволюции языков, он указал, что в период бурного развития производительных сил в стране с низкой культурой нет времени ждать эволюции языка, науки и литературы, а необходимо её регулировать сознательной силой. Докладчик имел ввиду создание государственных терминологических комиссий и других научных органов, участие заинтересованных общественных сил [Материалы I Всесоюзного тюркологического съезда, с. 185]. Выступление этого докладчика подтвердило, что в вопросах развития терминологии он поддерживал позицию народников-демократов, сторонников использования народного, разговорного, языка в терминологии. По мнению А. Р. Зифельдта, при отсутствии готовых

терминов для выражения сложных понятий можно использовать словообразовательные средства родного языка [Там же. С. 187]. Выступающий не исключал возможности привлечения заимствований из других родственных языков и наречий, подчиняющихся тем же фонетическим законам. Терминологические лакуны, на его взгляд, также могут быть заполнены заимствованиями из русского и западноевропейских языков при условии их соответствия следующим правилам: 1) заимствованное слово не должно выходить из границы определенных звуков, свойственных заимствующему языку; 2) в заимствуемых словах могут быть лишь такие сочетания и чередования звуков, которые свойственны заимствующему языку; 3) заимствуемое слово должно укладываться в правило сингармонии; 4) необходимо строго сохранять общий стиль языка в интересах психо-физиологической экономии сил говорящего [Там же. С. 188—189]. Докладчик категорически высказался против арабских и персидских терминов, считая их наследием ислама. Он предлагал оставить в тюркских языках только такие арабские заимствования, которые выражают религиозные понятия: *Аллах*, *мулла*, *намаз* и др. [Там же. С. 189].

Содокладчик А. Р. Зифельдта, Зейналлы, отмечал необходимость создания приблизительно одинаковых принципов формирования терминологий и источников их пополнения, мотивируя свою мысль сходным социально-политическим и экономическим положением тюркских народностей [Там же. С. 194—195]. В качестве источников он преимущественно указывал языки, предлагаемые в выступлении предыдущего докладчика. В отличие от А. Р. Зифельдта выступающий оставлял право на существование за теми научными терминами арабско-персидского происхождения, которые нельзя заменить тюркскими словами. Кроме того, он предлагал сохранить те из них, которые «понятны массе». Европейские заимствования для отдельных дисциплин учёный предлагал брать из тех языков, в которых они достаточно разработаны. Относительно формы приёма заимствуемых слов докладчик в основном склонялся к тем же положениям, что и А. Р. Зифельдт.

Выступающий выдвинул новую идею о разделении общеевропейских терминов на две категории: а) термины, принятые всеми народностями Европы без изменения; б) термины, изменённые, а отчасти и переведённые. Термины первой категории должны адаптироваться в исходном виде, вторые следует модифицировать в соответствии с законами родного языка, за исключением тех единиц, для которых подобрать или создать подходящие формы на тюркских языках не возможно. Формирование единой терминологии для всех тюркских языков, по мнению учёного, не осуществимо «вследствие различных условий жизни, создавших неодинаковые диалекты». Однако докладчик считал возможным образование групповой терминологии для 3-х — 4-х главных ветвей тюркских наречий, а все остальные подгруппы, подходящие под ту или другую ветвь, связать с одной из них [Там же. С. 194—195].

Далее учёный остановился на необходимости установления границ для научного языка. Согласно его точке зрения, ранее научный стиль был настолько специфичен, что его мог понимать только исследователь узкой дисциплины. Теперь, когда наука становится достижением «широких слоев», во вновь создаваемой терминологии нельзя придерживаться старых подходов. Для выработки новой терминологии необходимо соблюдать три принципа: 1) учитывать общегрупповые особенности данного языка; 2) учитывать распространённость, зафиксированность данного слова в литературе; 3) отбирать наиболее соответствующее данному понятию слово, принимая во внимание его благозвучие [Там же. С. 196].

Б. Чобан-заде, являвшийся в этот период профессором Азербайджанского государственного университета, выступил по этому вопросу с докладом «О системе научной терминологии». Учёный также указывал на три генетические основы для создания терминов в тюркских языках: общетюркскую, арабско-персидскую и европейскую. Особо отмечая существование в Европе единого научного языка, позволяющего специалистам разных национальностей понимать друг друга, он предлагал при формировании научной терминологии для всех тюркских наречий идти в этом же направлении [Там же. С. 190].

В своем выступлении докладчик уделил особое внимание вопросам терминологии дисциплин, изучаемых в школах. Без качественной специальной лексики, считал Б. Чобан-заде, невозможно преподавать и писать научные книги: терминология имеет не только научное, но и педагогическое значение [Там же. С. 191] Он указывал, что при разработке терминологической системы следует разграничивать термины для школ 1-ой ступени, основанные на местных наречиях, и для школ 2-ой ступени, опирающиеся на групповые наречия с постепенным введением общеевропейской лексики. Сохраняя ассимилированные арабско-персидские термины, присоединяя принимаемые в дальнейшем европейские заимствования и выдвигая одновременно общетюркские лексемы, можно создать единую терминологию.

Б. Чобан-заде особое внимание уделил требованиям, предъявляемым к научным терминам, и в частности, отметил тенденцию специальных слов к однозначности: научная терминология подобна принципу алфавита, предполагающему, чтобы каждому звуку соответствовала отдельная буква. Терминология также требует, чтобы против каждого понятия стояло отдельное слово без смешивания их между собою [Там же. С. 192]. Для выработки унифицированного тюрко-татарского языка он предлагал создать общетюркское научное бюро, которое занималось бы изучением классических трудов по европейской филологии с целью использования этого опыта в тюркологии [Там же. С. 190—193].

С докладом «Терминология на тюркских языках» на съезде выступил другой известный крымский учёный Х. А. Одабаш. В вопросах создания научной терминологии он считал необходимым объединиться с сильными в численном и культурном отношении тюркскими группами» [Там же. С. 201]. При составлении новой терминологии предпочтительнее использовать материал собственно тюркских наречий, опираться на законы тюркских языков, отмечал лингвист. Не исключал учёный и возможности употребление арабских словообразовательных элементов при образовании новых терминов. Более того, он

подчеркивал необходимость обращения к арабским заимствованиям, которые могут удовлетворить потребности научной терминологии тюркских языков в отдельных областях знаний.

В противовес мнениям других исследователей Х. А. Одабаш выразил сомнение в возможности функционирования в тюркских языках общепринятых европейских словообразовательных элементов типа *-изм*, *-логия*, *-ация*, *-ист* и др. Отдельные слова с подобными финалиями («коммунизм», «организация» и др.), считал он, могут остаться среди новой терминологии как обыкновенные варваризмы [Там же. С. 202].

Кроме перечисленных докладчиков, в работе I-ого Всесоюзного Тюркологического съезда участвовали и другие крымскотатарские учёные и исследователи: А. С. Айвазов, О. Акчокраклы, Ш. Бекторе, М. Недим, Я. Кемаль, которые затрагивали различные проблемы, стоящие перед тюркским языкознанием.

Сравнивая приведенные выступления тюркологов, участников съезда, можно сделать вывод о том, что их взгляды относительно развития тюркской научной терминологии были разнообразны и во многом противоречивы.

Вопросы научной терминологии и орфографии крымскотатарского языка обсуждались и на II Всекрымской научно-орфографической конференции (август 1929 г.). М. Недим, А. Ляtif-заде, И. Лёманов, З. Жавтобели, С. Айвазов и др. посвятили свои доклады актуальным проблемам крымскотатарского языкознания.

Основным докладчиком по вопросам научной терминологии крымскотатарского языка выступил А. Ляtif-заде. Он говорил о необходимости создания Комитета по вопросам терминологии, который на государственном уровне решал бы терминологические проблемы. Учёный считал, что формирование научной терминологической системы крымскотатарского языка, допускает заимствование терминов из языков, в которых специальная лексика хорошо разработана [Тезисы, доклады и принятые резолюции II Всекрымской научно-орфографической конференции, 1929, с. 16–17]. Он не исключал возможности транспонирования терминов из других тюркских языков

при условии их обязательного соответствия фонетическим и морфологическим законам крымскотатарского языка [Там же. С. 16]. Другим источником для терминообразования, считал А. Ляtif-заде, должна быть исконная лексика. В связи с этим он предлагал терминологизацию общенародных слов. Однако учёный предупреждал, что к этому вопросу надо относиться серьезно и избегать надуманных терминов. В то же время он допускает и параллельное функционирование европеизмов, терминов, заимствованных из русского языка и исконной лексики [Там же. С. 17–18].

По вопросам терминологии на конференции были приняты следующие решения:

1. Изъять из употребления слова и термины, не понятные широким народным массам.

2. При создании терминов базироваться на исконной лексике.

3. Использовать в научной терминологии международные термины, заимствованные посредством русского языка, и по возможности подчинить их законам родного языка (например, аффрикаты в составе интернационализмов (ц, щ) заменить звуками, соответствующими фонетическим законам крымскотатарского языка; привести в соответствие с крымскотатарскими орфоэпическими нормами произношение заимствованных слов).

4. Оставить в языке арабско-персидские термины, уже укоренившиеся в языке, но в дальнейшем запретить заимствовать термины из данных источников.

5. При формировании научной терминологии учитывать опыт других языков (в частности, русского языка) в этой области.

6. При Крымском комиссариате народного образования создать Государственный Терминологический и Орфографический комитеты, при которых организовать гуманитарные, технические, орфографические и др. секции [Там же. С. 54–55].

Как видно из постановления конференции, вопросы терминологии и орфографии, которые до этого решались чаще на уровне личной инициативы и интуиции крымскотатарских учёных, приобретали более планомерный характер и должны были рассматриваться на государственном уровне. Были выдвинуты конкретные предложения по унификации научной термино-

логии. Крымскотатарское языкознание полностью отходило от прежних лингвистических традиций и начинало ориентироваться на русские и европейские лингвистические теории.

Материалы II Всекрымской научно-орфографической конференции интересны и полезны не только как свод тезисов и постановлений, отражающих тенденции развития крымскотатарской научной мысли конца 20-х годов XX века, но и как источник для изучения истории развития и формирования лингвистической терминологии крымскотатарского языка.

Из доклада И. Леманова, посвящённого принципам орфографии [Там же. С. 22–30], мы отобрали лингвистические термины, которыми оперировал выступающий. Генетический и лексико-семантический анализ этих единиц позволил сделать вывод о том, что процесс обогащения метаязыка лингвистической науки в конце 20-х — начале 30-х гг. шёл параллельно развитию литературного языка в целом. Часть арабских терминов, не соответствовавших критериям крымскотатарского языка, отбрасывалась, другая — вытеснялась иными словами; некоторые арабские заимствования употреблялись наряду с русскими и международными терминами или исконными словами. Замена арабских терминов шла в основном в следующих направлениях:

1. Арабские термины заменялись крымскотатарскими: *самите* (араб.) — *тутукъ* ‘согласный’, *саите* — *созукъ* ‘гласный’, *истикъакъий* (араб.) — *сёз япыджы* ‘словообразовательный’ и др.

2. Арабские терминологические единицы заменялись новообразованиями с международными корнями, оформленными по законам крымскотатарского языка, например: *сафтий эсас* — *фонетик* ‘фонетический’, *сарфий эсас* — *морфоложий* ‘морфологический’ и др.

3. Арабские термины заменялись международными и русскими терминами: *имля* — *правописание*, *мана эсасы* — *идеографический*, *ахенк* — *сингармония* и пр.

Широко использовались гибридные термины (арабское слово + исконное слово, арабское слово + международный термин), например, *мана денъиштириджи* ‘изменяющий значение слова’, *индже саите* ‘гласный звук’, *дудакъ саите* ‘губная

гласная', *янъгъыравукъ самите* 'звонкий согласный', *сагъыр самите* 'глухой согласный', *шиве формалары* 'диалектные формы', *морфоложи теркип* 'морфологический состав' и др. Активизировалась собственная лексика и грамматические возможности крымскотатарского языка, что привело к созданию таких терминов, как *танълай къардашлыгъы* 'нёбная гармония', *дудакъ къардашлыгъы* 'губная гармония', *шекильджи* 'аффикс', *сёз япыджы шекильджи* 'словообразовательный аффикс', *тамыр сёз* 'непроизводное слово', *ялма сёз* 'производное слово' и др. Реже наблюдаются случаи заимствования лингвистических терминов из других тюркских языков. В частности, термин *ялгъама* 'аффикс', который, на наш взгляд, заимствован из татарского языка. Подтверждением тому служит факт фиксации в терминологических словарях татарского языка лексем *ялганмалы тел* 'агглютинирующий язык', *ялгау узлек* 'аффикс принадлежности' [Сафиуллина, 1998, с. 122]. В Толковом словаре татарского языка под редакцией Ф. Ганиева [Ганиев, 2005] дан глагол *ялгау* в значении «завязывать», «связывать», и прилагательное *ялгаулы* в значении «соединённый», «объединённый». Термин *ялгъама* 'аффикс' в крымскотатарских грамматиках более позднего периода не употреблялся. В настоящее время он введён в употребление профессором А. Меметовым и активно используется в современных грамматиках крымскотатарского языка [Меметов, 1997].

III Всекрымская научная конференция состоялась в октябре 1934 г. На этом форуме обсуждались такие насущные вопросы крымскотатарского языкознания, как пути развития и принципы терминологии литературного языка, принципы построения орфографии и др. С докладами по этим вопросам выступили Р. Александрович, И. Усеинов, М. Бекиров, У. Куркчи, Э. Куртмоллаев [Qrim tatar edebiy tili Butün Qrim III ilmiy konferentsiyasının qararları, 1935].

Вопросам терминологии крымскотатарского литературного языка посвятил доклад И. Усеинов. В своем выступлении он говорил о роли терминологии в дальнейшем развитии и литературном оформлении крымскотатарского языка. Учёный являлся сторонником так называемой социалистической куль-

туры, ориентированной на русско-татарское двуязычие, и поэтому резко высказался в адрес «буржуазно-националистических элементов», которые «...пытались тормозить дальнейшее развитие языка, ориентируя его на культуру соседних капиталистических стран» [Там же. С. 10]. Его высказывание, вероятно, было направлено против крымскотатарских учёных — сторонников сохранения национальной культуры и специфических особенностей языка (Б. Чобан-заде, Ш. Бекторе, С. Айвазов, А. Ляtif-заде и др.). В дальнейшем их обвинили в пропаганде буржуазно-националистической идеологии.

По мнению И. Усеинова, «при развитии терминологии основным требованием является обеспечение идеологической выдержанности и научной правильности вводимых терминов при неперменном условии широчайшего использования всех богатств родного языка». Использование наряду с русскими и международными терминами арабских или тюркских слов, считал учёный, является проявлением местного национализма и великодержавного шовинизма в вопросах терминологии [Там же. С. 11]. Непонятные для широких народных масс термины из арабского, персидского, турецкого и древне-татарского языков, отмечал выступающий, должны быть изъяты из крымскотатарского литературного языка. В терминологии литературного языка должны быть широко использованы слова, понятные народным массам, без различия диалектного и национального происхождения.

Материалы выступления иллюстрируют противоречивость взглядов И. Усеинова. Подчёркивая необходимость пополнения терминосистемы за счёт исконной лексики, он считает замену интернациональных терминов и «советизмов» крымскотатарскими словами «проявлением шовинизма в вопросах терминологии». Как отмечают современные тюркологи (А. М. Меметов, К. Мусаев), в последующие годы проблемы национального языка не рассматривались самостоятельно, а лишь в обязательном тандеме «с господствующим компонентом — русским языком» [Меметов, 2003, с. 24].

На конференции было принято решение о дальнейшем пополнении терминологии за счёт широкого использования

словотворчества трудящихся масс, использования интернациональных терминов и «советизмов», научно-технических терминов, «выросших на основе социалистического строительства». При этом особо подчёркивалось, что «советизмы должны употребляться в татарском языке без изменения их содержания. Русские и интернациональные термины могут переводиться только при наличии точного их эквивалента в татарском языке, соответствующего их содержанию» [Qrim tatar edebiy tili Butün Qrim III ilmiy konferentsiyasının qararları, 1935, с. 13].

Все иностранные термины должны были приниматься через русский язык, сохраняя свою орфографическую форму, изменяясь только в том случае, когда этого требуют особенности крымскотатарского языка [Там же. С. 14].

Таким образом, если на II Всекрымской конференции по крымскотатарскому языку для дальнейшего пополнения терминосистемы было предложено использование готовых лексических единиц родного языка, международных языковых единиц и арабско-персидских заимствований, уже освоенных языком, то к середине 30-х годов, когда языковая политика заметно изменилась, при разработке терминов особо подчёркивалась роль интернациональных слов и советизмов. Как отмечают исследователи, в этот период в крымскотатарский язык хлынул поток русских заимствований, в том числе словообразовательных моделей, калек и полукалек [Рустемов, 2001, с. 20].

Лингвистическая терминология в учебниках и учебных пособиях 30–40-х годов XX в. Неотъемлемой частью борьбы, шедшей вокруг языка и языковой политики в 30–40-е гг., были споры относительно лингвистических терминов. Все дореволюционные грамматики были признаны проявлением тюрко-татарской буржуазии и духовенства. В связи с этим стали активно разрабатываться учебники и учебные пособия нового образца. По имеющимся в Республиканской крымскотатарской библиотеке им. И. Гаспринского сведениям, в период с 20-х по 40-е годы было издано более 90 учебников и учебных пособий по крымскотатарскому языку арабской (последний был издан в 1928 году), латинской и кириллической графикой. Составителями вышеуказанных книг были известные крымскотатарские

деятели народного образования: Э. А. Куртмоллаев, У. Куркчи, А. Ислямов, Р. М. Муллина, Э. Дерменджи и др.

Этот период характеризуется мощным притоком новых лингвистических терминов. Это вызвано тем, что было начато интенсивное и всестороннее изучение вопросов крымскотатарского языкознания. Во вновь созданных учебниках и пособиях по крымскотатарскому языку арабско-персидские термины (кроме укоренившихся в языке) были заменены словами общетюркского происхождения, заимствованиями из русского и посредством русского языка интернациональными словами, например: *саит*, *саите* (араб.) — *созукъ сес* 'гласный звук', *сарф* (араб.) — *грамматика*, *нахв* (араб.) — *синтаксис* и др. Особенно активно использовались международные термины *фонетика*, *морфология*, *аффикс*, *грамматика*, *синтаксис* и др.

В этот же период в крымскотатарский язык без учёта его специфики были внедрены характерные для европейских языков словообразовательные аффиксы *-изм*, *-ист*, *-ация* и суффиксоид *-логия*, например: *сингармонизм*, *фразеологизм*; *артикуляция*, *ассимиляция*, *классификация*; *лексикология*, *семасиология* и др.

Несмотря на эту тенденцию, теоретическая часть новых грамматик отражала грамматические категории, характерные для крымскотатарского языка. Названия грамматических категорий стали передаваться исконными терминами или терминами смешанного типа, да и сами категории, в отличие от прежних арабографических грамматик, соответствовали категориям крымскотатарского языка. Крымскотатарские деятели стали активно использовать специальную лексику исконного происхождения.

Анализ системы лингвистических терминов в учебниках, созданных Э. А. Куртмоллаевым и А. Ислямовым, подтверждает эту мысль. Эти авторы написали несколько учебников для начальной и основной школ. Мы остановимся на таких работах, которые, на наш взгляд, наиболее полно раскрывают характер развития крымскотатарской лингвистической мысли того периода.

В 1938—1939 гг. Э. А. Куртмоллаев издал ряд учебников по крымскотатарскому языку, адресованных учащимся начальной школы (3—4 классы) [Куртмоллаев, Дерменджи, 1938; Куртмоллаев, 1938; Куртмоллаев, 1940], в 1940 г. — «Татар тилининь грамматикасы. Фонетика ве морфология» («Учебник татарского языка. Фонетика и морфология») [Куртмоллаев, 1940]. Следует отметить, что в этих изданиях, в отличие от арабографических грамматик, где зачастую описывались грамматические характеристики, присущие арабскому языку, отражены свойственные тюркским языкам, в том числе и крымскотатарскому, грамматические категории.

Лингвистические термины, использованные в указанных работах, в этимологическом отношении можно разделить на следующие группы:

1) исконные слова: *айырыджы* ‘определение’, *созукъ сес* ‘гласный звук’, *ургъу* ‘ударение’, *сёз джыйымы* ‘состав слова’, *сёз къорантасы* ‘однокоренные слова’, *ялма сёз* ‘производное слово’, *къошма сёзлер* ‘сложное слово’ и др.;

2) арабские термины, укоренившиеся в языке. Они немногочисленны и являются названиями частей речи и членов предложения: *исим* ‘имя существительное’, *сыфат* ‘имя прилагательное’, *фииль* ‘глагол’, *муптеда* ‘подлежащее’, *хабер* ‘сказуемое’ и др.;

3) термины-словосочетания смешанного типа (арабское слово + исконная лексема, арабское слово + международный термин): *ал* (араб.) *аффикслери* (международ.) ‘падежные аффиксы’, *мулькиет* (араб.) *аффикслери* (международ.) ‘аффиксы принадлежности’, *ялма* (тюрк.) *исим* (араб.) ‘производное существительное’, *микъдар* (араб.) *сайы* (тюрк.) ‘количественное числительное’, *устюнлик* (тюрк.) *дереджеси* (араб.) ‘превосходная степень’, *кечкен* (тюрк.) *заман* (араб.) *фиили* (араб.) ‘прошедшее время глагола’, *фиильде* (араб.) *ёкълукъ* (тюрк.) ‘отрицательная форма глагола’, *джумледе* (араб.) *изайй* (тюрк.) *сёзлер* (тюрк.) ‘второстепенные члены предложения’ и пр.;

4) интернациональная лексика: *фонетика*, *морфология*, *аффикс*, *грамматика*, *морфология* и др. Большинство этих

терминов созданы по образцу русских, т.е. являются семантическими кальками. Многие из них активно используются в современных грамматиках. Следует отметить, что дефиниции данных терминов достаточно полно и точно поясняют те или иные языковые явления крымскотатарского языка.

В конце 30-х годов А. Ислямовым созданы учебники крымскотатарского языка для учащихся 6—7 классов средней школы [Ислямов, 1937, 1938, 1940]. Первый из них издан в 1937 г. латинской графикой, второй — в сороковых годах кириллицей. В указанных учебных пособиях впервые в крымскотатарском языке даются подробные сведения о предложении как основной синтаксической единице, о его признаках, типах предложений по цели высказывания, понятие о главных и второстепенных членах предложения, порядке слов в крымскотатарском предложении, понятие о сложном предложении и его видах, знаках препинания и основных случаях их употребления и др. Естественно, описывая указанные языковые единицы, А. Ислямов предлагает и систему терминологической лексики к данному разделу. Можно утверждать, что термины, предложенные автором, являются в основном семантическими кальками русских синтаксических терминов: *адий джумле* ‘простое предложение’, *кьошма джумле* ‘сложное предложение’, *джумленинь айырылма азалары* ‘обособленные члены предложения’, *адий хакер* ‘простое сказуемое’, *адлав джумле* ‘назывное предложение’, *баш джумле* ‘главное предложение’, *таби джумле* ‘придаточное предложение’, *багълайыджысыз тизме кьошма джумле* ‘бессоюзное сложное предложение’, *токътав ишаретлери* ‘знаки препинания’, *суаль ишарети* ‘вопросительный знак’, *кириш сёз* ‘вводное слово’, *эки нокъта* ‘двоеточие’ и пр. На наш взгляд, эти кальки были вполне оправданными. Во-первых, при создании такого рода терминов использовались внутренние резервы самого языка, во-вторых, они удобны, стилистически нейтральны (в отличие от терминов, созданных Ш. Бекторе, которые имели стилистическую окраску). Поэтому в дальнейшем они стали неотъемлемой частью крымскотатарских учебников по родному языку.

Следует отметить, что в этих пособиях употреблено много терминов смешанного типа: арабское слово, укоренившееся в языке, и крымскотатарское слово, арабское слово и международное слово, международный термин и крымскотатарское слово. Например: *сёз* (тюрк.) *категориясы* (интерн.) 'категория слова', *кёошма* (тюрк.) *хабер* (араб.) 'сложное сказуемое', *эмир* (араб.) *формасы* (интерн.) 'форма повелительного наклонения глагола' и др.

Анализ терминов, функционирующих в перечисленных изданиях, показывает усиление процесса их интернационализации и русификации который становится явным к концу 30-х годов. Вместо употребительных исконных терминов используются такие слова, как *кавычкалар* 'кавычки', *цитата* 'цитата', *тире* 'тире', *скобкалар* 'скобки' и др.

Среди крымскотатарских учёных этого периода особое место занимает известный исследователь крымскотатарского языка У. Куркчи, который активно занимался разработкой теоретических и практических проблем крымскотатарского языкознания. Он является автором нескольких учебных пособий, составителем ценнейшего толкового словаря крымскотатарских фразеологизмов, рукопись которого хранится в национальной библиотеке им. И. Гаспринского. Следует отметить большую заслугу У. Куркчи и в области разработки терминологической системы крымскотатарского языка, ее систематизации и упорядочению.

Общественная деятельность и научное наследие учёного, на наш взгляд, в достаточной степени не изучены. В крымскотатарских изданиях послевоенного времени и в современной периодике (журналы «Йылдыз» [Куркчи, 1987, № 1; 1987, № 4; 1988, № 1; 1989, № 1; 1989, № 2] и «Тасиль» [«Тасиль», 2002, № 1], газета «Ленин байрагъы» [«Ленин байрагъы», 1988, № 96; 1988, № 137; 1988, № 152] и др.) были опубликованы фрагменты из некоторых его работ, сопровождаемые вступительными статьями о жизни и деятельности известного языковеда. Кроме того, в 1986 г. в Ташкенте был издан небольшой по объёму, но очень ценный труд, посвящённый актуальным

вопросам крымскотатарской филологии «Фикир инджилери» («Жемчужины мысли») [Куркчи, 1986].

Для крымскотатарского языкознания весьма важно изучение лингвистических терминов, функционирующих в статьях и учебных пособиях У. Куркчи. Во-первых, они отражают один из этапов развития крымскотатарской лингвистической мысли, во-вторых, терминологический аппарат учёного может быть полезен в процессе формирования современной крымскотатарской языковедческой терминологии.

В работе «Tatar tili grammatikasının esasları» («Основы грамматики крымскотатарского языка») [Куркчи, 1934] исследователь проанализировал особенности крымскотатарского языка, его морфологии, словообразования, заимствованных основ и аффиксов, сложных и сокращённых слов и т.д. Особое внимание У. Куркчи уделял вопросам терминологии. При создании и употреблении терминов, считал он, в первую очередь следует сохранять соответствие названия содержанию выражаемого им понятия. Критикуя использование трудных арабских терминов в грамматиках того периода, лингвист высказывал мнение, что при составлении учебников крымскотатарского языка необходимо учитывать его богатые возможности в процессе образования терминов [Там же. С. 2].

Стремление учёного активизировать лексико-грамматические возможности крымскотатарского языка при формировании национальной терминологии прослеживается и в опубликованном им в соавторстве с Э. А. Куртмоллаевым учебнике «Башлангыч мектеплер ичюн татар тили дерслиги» («Учебник татарского языка для начальной татарской школы») [Куркчи, Куртмоллаев, 1936]. Несмотря на то, что значительную часть употребляемых лингвистических терминов составляют арабско-персидские заимствования (*мунтеда* ‘подлежащее’, *замир* ‘местоимение’ и пр.), в работе используется достаточно много терминов, созданных на базе родного языка, например: *фииллерде ёкълыкъ* ‘отрицательная форма глагола’, *изаи сёзлер* ‘второстепенные члены предложения’, *кочюрийме лаф* ‘прямая речь’, *ярдымджы сёзлер* ‘служебные слова’ и др.

В 30—40-е годы появилась серия терминологических словарей по различным дисциплинам — математике, физике, химии и др. Среди них значится «Тиль ве тиль бильгиси терминлери лугъаты» («Русско-татарский терминологический словарь по языку и языкознанию») [Борковский, Ислямов, 1941]. Этот лексикографический труд, на наш взгляд, заслуживает особого внимания, так в нём впервые были собраны лингвистические термины, употреблявшиеся в крымскотатарских грамматиках довоенного времени. Количественный и качественный анализ единиц, зафиксированных в данном словаре, показывает:

1. Словарь является двуязычным переводным словарем. Он содержит около 1,5 тысяч терминологических единиц.

2. Русские термины переведены на крымскотатарский язык следующими способами:

— заимствование готовых терминологических единиц из международного фонда: *архаизм* — *архаизм*, *диалект* — *диалект*, *синоним* — *синоним*, *гармония гласных* — *созукъларнынъ гармониясы* и др.;

— калькирование: *двуязычие* — *эки тиллилик*, *взрывные согласные* — *патлайыджы тутукълар* и др.;

— использование общетюркской лексики: *определение* — *айырыджы*, *числительное* — *сайы* и др.

3. Термины, представленные в словаре, в основном охватывают такие теоретические разделы крымскотатарского языкознания, как фонетика и морфология, реже встречаются термины по лексикологии и синтаксису и практически отсутствует фонологическая и семасиологическая терминология (очевидно, вследствие неразработанности этих областей языкознания в тот период).

Термины, собранные в указанном словаре, а также термины, представленные в учебниках и пособиях по языку, изданных в 30—40 годах (Э. А. Къуртмоллаев, 1938, 1939, 1940; А. Ислямов, 1938 и др.), за небольшими изменениями (например: *надеж* в данных изданиях — *ал*, в современном крымскотатарском языке — *келиш*, *однокоренное слово* — *сёз къорантасы*, современное — *тамырдаш сёз* и др.) легли в основу сегодняшней крымскотатарской терминологии.

Таким образом, именно к этому периоду (30—40 гг. XX в.) крымскотатарский научный язык полностью отошёл от прежних лингвистических традиций и стал ориентироваться на европейские и русские лингвистические теории.

Формирование и развитие лингвистической терминологии в крымскотатарском языке можно продемонстрировать на примере фрагмента микросистемы с организующим термином *исим* 'имя существительное' (см. табл 2.2.):

Таблица 2.2.

**Сопоставительная таблица лингвистических терминов
в грамматиках конца XIX — начала XXI в.**

В арабиграфической грамматике «Сарф-и тюркий»	В арабиграфической грамматике Ш. Бекторе «Татарджа сарф, нахв»	В учебниках и учебных пособиях 30—40 гг. XX века	В современных крымскотатарских грамматиках
<i>исим</i> (араб.) 'имя существительное'	<i>исим</i> (араб.)	<i>исим</i> (араб.)	<i>исим</i> (араб.)
<i>исм-и хас</i> (араб.) 'имя собственное'	<i>озь исим</i> (тюрк.+араб.)	<i>хас исим</i> (араб.+араб.)	<i>хас исим</i> (араб.+араб.)
<i>исм-и джыныс</i> (араб.)	<i>джыныс исим</i> (араб.+араб.)	<i>джыныс исим</i> (араб.+араб.)	<i>джыныс исим</i> (араб.+араб.)
<i>муфред</i> (араб.) 'единственное число'	<i>пайнозилик</i> (тюрк.)	<i>теклик</i> (тюрк.)	<i>теклик</i> (тюрк.)

Продолжение таблицы 2.2.

<i>джем</i> (араб.) 'множественное число'	<i>коплик</i> (тюрк.)	<i>чокълукъ</i> (тюрк.)	<i>чокълукъ</i> (тюрк.)
<i>муджерред</i> (араб.) 'именительный падеж'	<i>адлавджы</i> <i>булуш</i> (тюрк.+тюрк.)	<i>баш ал</i> (тюрк.+араб.)	<i>баш келиши</i> (тюрк.+тюрк.)
<i>меф'улюн</i> <i>бих</i> (араб.) 'винительный падеж'	<i>тамам-</i> <i>лавджы</i> <i>булуш</i> (араб.+ тюрк.)	<i>тюшюм</i> <i>алы</i> (тюрк.+араб.)	<i>тюшюм келиши</i> (тюрк.+тюрк.)
<i>меф'улюн</i> <i>илейх</i> (араб.) 'дательный падеж'	<i>ондевд-</i> <i>жи булуш</i> (тюрк.+тюрк.)	<i>догърултув</i> <i>алы</i> (тюрк.+араб.)	<i>догърултув келиши</i> (тюрк.+тюрк.)
<i>меф'улюн</i> <i>фих</i> (араб.) 'местный падеж'	<i>орунлавджы</i> <i>булуш</i> (тюрк.+тюрк.)	<i>ер алы</i> (тюрк.+араб.)	<i>ер келиши</i> (тюрк.+тюрк.)
<i>меф'улюн</i> <i>аных</i> (араб.) 'исходный падеж'	<i>башлавджы</i> <i>булуш</i> (тюрк.+тюрк.)	<i>чыкъыш</i> <i>алы</i> (тюрк.+араб.)	<i>чыкъыш келиши</i> (тюрк.+тюрк.)

2.5. Языковая политика и совершенствование крымскотатарской лингвистической терминологии во 2-ой половине XX в.

В период Второй мировой войны и в годы ссылки изучение проблем крымскотатарской культуры, в том числе и языкознания было запрещено. Возобновилась эта работа только в конце 60-х годов после создания в 1968 году отделения крымскотатарской филологии при Ташкентском государственном педагогическом институте им. Низами.

В эти годы были изданы два учебника по крымскотатарскому языку для начальной школы. Первый из них, «Ана тили: III сыныф ичюн дерслик» («Родной язык: учебник для 3 класса») — составители М. У. Умаров, Ю. Болат [Умаров, Болат, 1968], опубликован в 1968 г. Второй, «Ана тили: IV сыныф ичюн дерслик» («Родной язык: учебник для 4 класса») — составители М. М. Муждабаев и Ю. Болат, издан в 1969 г. [Муждабаев, Болат, 1969].

Авторы указанных учебников продолжили лингвистические традиции довоенного периода. Термины, употреблённые в этих пособиях, можно разделить на три группы:

1) укоренившиеся в языке арабские слова, которые в основном являются названиями частей речи и членов предложения: *замир* 'местоимение', *эджа* 'слог', *муптеда* 'подлежащее', *хабер* 'сказуемое' и др.;

2) исконная лексика: *ургъулы созукъ* 'гласный звук', *бельги-лейиджи* 'определение', *индже созукъ* 'гласный переднего ряда', *дудакълы созукъ* 'губной гласный', *тамыр* 'корень', *сёз чешит-лери* 'части речи', *шубели тутукъ* 'сомнительный согласный' и пр., которые по способу образования являются семантическими кальками с русского языка;

3) гибридные термины: *сёз япыджы аффикс* 'словообразовательный аффикс', *микъдар сайы* 'количественное числительное', *шимдики заман фиили* 'глагол настоящего времени' и др. Следует отметить, что международные термины в указанных учебниках употреблены в небольшом количестве (три термина: *фонетика*, *синоним*, *аффикс*).

В 70-е годы стал издаваться журнал «Советская тюркология». Издание этого журнала ознаменовало качественный скачок в формировании терминологической базы языков тюркского ареала, в том числе крымскотатарского языка. Публикуемые материалы сблизили лингвистическую терминологию тюркских языков, позволили крымскотатарским учёным выйти на более высокий уровень изучения и преподавания языка и способствовали созданию учебников для высшей школы.

В 80-е годы были изданы два учебника, адресованные студентам филологического факультета: «Татар тили грамматика-сынынъ практикумъ» («Практикум по грамматике татарского

языка») — составитель А. Меметов [Меметов, 1984] и «Кърымтатар тилининъ амелияты. Синтаксис» («Практикум по крымскотатарскому языку. Синтаксис») — составитель Э. Акмоллаев [Акъмоллаев, 1989].

Первый из них содержит сведения по фонетике, лексикологии, словообразованию и морфологии крымскотатарского языка. Автор сохраняет преемственность в употреблении лингвистических терминов, которые были использованы в предыдущих изданиях. Вместе с тем в терминосистему вводится ряд изменений. В основном они затронули область фонетической и морфологической терминологии. Например, термин *тиль арты созугъы* ‘заднеязычный гласный’ заменён термином *арт сыра созугъы* ‘гласный заднего ряда’, *сёз джыйымы* ‘состав слова’ — термином *сёзнинъ морфологик теркиби* ‘морфологический состав слова’, *сёз къорантасы* ‘семья слов, однокоренные слова’ — термином *тамырдаш сёзлер* ‘однокоренные слова’.

Следует отметить, что впервые в этом издании разграничены понятия именного словоизменения (склонение) и глагольного словоизменения (спряжение). В довоенных учебниках, изданных в конце 40-х гг., для их обозначения использовался один термин *тюрленюв*. В указанном учебнике понятие склонение номинировано термином *тюрленюв*, спряжение — термином *тюсленюв*.

Учебник Э. Акмоллаева посвящён вопросам синтаксиса крымскотатарского языка. Специальная лексика, использованная в нем, в основном соответствует лингвистической терминологии 40-х годов. Однако наблюдаются отличия в способах образования терминов. Автор пособия стремится к лаконичности и простоте терминологических единиц. Например, термин *багълайыджыларнен бирлештирильген тизме муреккеп джумле* ‘сложносочиненное предложение, компоненты которого соединены союзами’ заменен более кратким и удобопроизносимым термином *багълайыджылы тизме муреккеп джумле* ‘союзное сложносочиненное предложение’, термин *ер бильдирген ал сёзлери* ‘слова-обстоятельства, обозначающие место’ — термином *ер алы* ‘обстоятельство места’ и пр. Отдельные лингвистические явления получили более точную номинацию: например, *къошма джумле* ‘составное предложение’ — *мурек-*

кеп джумле ‘сложное предложение’ и др. Сравнение учебника с грамматиками довоенного периода показывает, что в этом издании синтаксис крымскотатарского языка разработан более детально. Это и обусловило использование большего количества терминов.

Достоинством учебного издания является словарь синтаксических и морфологических терминов, помещённый в конце в форме приложения [Акьмоллаев, 1989, с. 15–58].

В 1988–1989 гг. вышли в свет ещё два учебных пособия «Ана тили» («Родной язык»), предназначенных учащимся 7 и 8 классов, факультативно изучающих крымскотатарский язык в школах Украины (составитель — А. Н. Гаркавец) [Гаркавец, 1988; Гаркавец, 1989], а также «Крымскотатарско-русский словарь» с приложенным к нему очерком крымскотатарской фонетики, морфологии и орфографии [Асанов, Гаркавец, Усеинов, 1988]. Авторы этих учебных изданий пытаются исключить заимствованные слова в изложении грамматического материала и заменяют их терминологическими единицами, образованными от тюркских основ, или арабскими заимствованиями, укоренившимися в языке: например, термин *синоним* ‘синоним’ заменён термином *манадаш сёз* ‘слово с близким значением, синоним’, термин *сингармонизм* ‘сингармонизм’ — термином *аэнк* ‘благозвучие, гармония’ (его разновидности *танълай аэнки* ‘нёбная гармония’, *дудакъ аэнки* ‘губная гармония’) и др.

В этот же период кроме вышеупомянутых авторов разработкой и систематизацией грамматических терминов продолжал заниматься Усеин Куркчи. В секторе рукописных и архивных материалов Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского были найдены два словаря лингвистических терминов (фонд № 1, опись 1, единица хранения 30 (А)), представляющих большой научный интерес и свидетельствующих о серьёзной работе составителя над проблемой образования и систематизации грамматических терминов крымскотатарского языка. Эти работы сохранились под общим названием «Къырым татар тилинде русча къаршылыкълары иле грамматика терминлери» («Словарь грамматических терминов крымскотатарского языка с русскими эквивалентами») [Куркчи, ф. 1, оп. 1, ед. хран. 30(А)]. Очевидно, они представляли собой чер-

новые варианты словаря, поэтому учёный временно сохранил их под общим титульным листом как единый труд.

Объём описываемых словарей составляет 33 машинописных листа. Первый словарь датирован 9 апреля 1968 года. Он небольшой по объёму (4 машинописных листа) и включает 88 грамматических терминов. В нём в алфавитном порядке расположены грамматические термины по синтаксису (19 единиц), фонетике (10 единиц) и морфологии (59 единиц).

Следует отметить, что рядом с терминами, заимствованными из других языков, в скобках указывается источник заимствования, а в отдельных случаях этимология слова-термина или одного из компонентов термина-словосочетания. Например: *нида* /а¹./ *эдаты* /а. частица, аффикс/ — *междометие*; *муптеда* /а. начало/ — *подлежащее*; *адий* /а./ *дэжумле* — *простое предложение* и т.д.

Думается, что этот словарь представлял начало задуманного У. О. Куркчи более серьёзного и объёмного труда.

Работа над вторым словарём была начата 31 декабря 1972 г. и закончена 28 ноября 1974 г.

В отличие от первого словаря здесь термины систематизированы в алфавитном порядке и объединены в гнезда, которые содержат единицы, образующиеся от основного родового термина. Например, в разделе словаря на букву «И» включены и родовой термин *исим* 'имя существительное', и единицы, называющие его грамматические категории и лексико-грамматические разряды: *джыныс исим* 'нарицательное существительное', *йыгъын исим* 'собирательное существительное', *исим халлары системасы* 'падежная система имени существительного', *исимлерде теклик* 'единственное число имени существительного' и др.

Лингвистические термины, собранные в этой лексикографической работе, выходят за рамки школьных учебников крымскотатарского языка. Наряду с традиционными единицами широкого употребления в словаре представлены термины, используемые преимущественно в высшей школе и научных публикациях: *грамматик къыймет* 'грамматическое значе-

¹ /а./ — заимствование из арабского языка.

ние', *мукъаесели* (ольчештирме) *фонетика* 'сравнительная фонетика', *оляяткъан тиль* 'вымирающий язык', *питишиджи тиллер* 'агглютинативные языки' и пр. Кроме универсальных терминов, представлены уникальные (обозначающие явления, специфические для крымскотатарского языка): *хаберлик аффикслери* 'предикативные аффиксы', *иелик* (*мулькиет*) *аффикслери* 'аффиксы принадлежности' и пр.

По генетическому признаку термины, получившие лексико-графическую разработку можно разделить на следующие группы:

— заимствованная через русский язык интернациональная лексика (*антоним*, *аффикс*, *ассимиляция*, *афоризм*, *абзац* и т.д.);

— собственно тюркские слова (*къыйметпичерлик* 'модальность', *гурюльтили тутукъ* 'шумный согласный' и др.);

— арабские заимствования, не воспринимавшиеся в крымскотатарском языке как иноязычные слова (*исим* 'имя существительное', *фииль* 'глагол' и т.д.).

В отдельную группу можно объединить гибридные термины-словосочетания, лексические компоненты которых принадлежат разным языкам: *амелий* (араб.) *лексика* (греч.) 'деловая лексика', *иелик* (тюрк.) (араб.) *аффикси* (лат.) 'притяжательный аффикс', *бельгисизлик* (тюрк.) *категориясы* (греч.) 'категория неопределённости', *йыгъын* (тюрк.) *исим* (араб.) 'собирательное существительное' и пр.

Следует заметить, что У. О. Куркчи вводит в словарь и несколько арабских заимствований, зафиксированных в арабо-графических грамматиках начала XX века и в трудах Б. Чобанзаде: *мутевассыт мана* 'промежуточное значение', *мукъаесели фонетика* 'сравнительная фонетика' и др. Употребление терминов такого типа наблюдается и в ранних трудах учёного, в них У. О. Куркчи использует такие арабские термины, как *муфред* 'единственное число', *джем* 'множественное число' и др.

Как отмечалось выше, на II Всекрымской научно-орфографической конференции (1929 г.) было принято решения о полном изъятии из научной терминологии крымскотатарского языка слов арабско-персидского происхождения, поэтому подобные термины были выведены из употребления и в грамматиках более позднего периода не использовались.

Лексико-семантический анализ словника описываемого лексикографического издания показывает, что одним из основных его свойств является параллелизм терминов. Так, одновременно с интернационализмами в скобках предлагается их крымскотатарский эквивалент: *антоним* (*зытманалы сёз*), *пароним* (*сёйлемеси якъын сёзлер*), *категория* (*джыныс*), *редукция* (*кучьсюзленме*) и пр. Очевидно, учёный предполагал использование обеих номинаций.

В словаре также даны синонимы отдельных терминов, образованных средствами крымскотатарского языка, например: *богъаз* (*гъыртлакъ*) *тутукъ сес* 'фарингальный согласный звук', *иелик* (*мулькиет*) *аффикси* 'притяжательный аффикс', *топлама* (*йыгъыкъ*) *мана* 'кумулятивное значение' и пр., Такие синонимические пары, на наш взгляд, могут затруднить изучение специальной литературы по крымскотатарскому языку.

К сожалению, составителю словаря не удалось избежать омонимии в системе терминов, вошедших в словарь. Например, *сёз* I — речь, *сёз* II — слово; *фииль дереджелери* I — залог глагола, *фииль дереджелери* II — вид глагола; *зарф* I — наречие (самост. часть речи), *зарф* II — говор и др.

Лингвистические термины, представленные в словаре, образованы в основном путём калькирования. В работе представлены кальки и полукальки различного типа. Термины, образованные этим способом, можно разделить на следующие группы:

— кальки-слова, образованные с помощью различных словообразовательных аффиксов: *ренклегич* 'частица' ← *ренк+ле+гич*, *уюшма* 'ассимиляция' ← *уюш+ма*, *сёйлешдеш* 'омофон' ← *сёйлеш+деш* и др.;

— кальки-компози́ты, образованные сочетанием безаффиксальной основы со словом, в составе которого имеется деривационный аффикс, или сложением двух безаффиксальных основ: *къыйметпичерлик* 'модальность', *ертутарлыкъ* (*халфи-или*) 'заместительное деепричастие' и др.;

— кальки-словосочетания, в состав которых входят крымскотатарские слова или арабизмы, укоренившиеся в языке: *эник сеслер* 'нисходящие звуки', *таянч сёзлер* 'опорные слова', *амелий услуп* 'деловой стиль', *арадаш мана* 'промежуточное значение' и пр.;

— полукальки, в которых один из компонентов является заимствованием, а другой — тюркским словом в новом терминологическом значении (семантической калькой): *махаллий лексика* 'местная лексика', *куньделик лексика* 'обиходная лексика', *турмуш лексикасы* 'бытовая лексика', *лексик юва* 'лексическое гнездо' и др.

По составу термины, представленные в словаре, делятся на монологемные (однословные) и полилогемные (термины-словосочетания). Последние преобладают в количественном отношении.

Термины-словосочетания включают в себя два (*авам лексикасы* 'просторечная лексика', *айдынлатыджы багълайыджылар* 'изъяснительные союзы' и др.), три (*орта котерим созугъы* 'гласная среднего подъема', *сыфатнынъ устюнлик дереджеси* 'превосходная степень прилагательного' и пр.), четыре и более компонентов (*сюрек-шимдики заманнынъ эшитильме шекли* 'неочевидная прошедшая форма длительного настоящего времени', *эшитильме узакъ кечкен заман* 'давнепрошедшее неочевидное время' и др.).

В работе представлено немало многокомпонентных терминов. По мнению Т. Р. Кияка, многие лингвисты не признают существование многословных терминов, считая их концептуальными объединениями. Однако эта точка зрения опровергается необходимостью соблюдения требований к термину, оговариваемых автором и другими исследователями. Если все требования выполнены, «то нет основания отказывать термину в его терминологичности независимо от его лексической длины» [Кияк, 1989, с. 9]. Многословность терминов У. Куркчи, на наш взгляд, не является их недостатком. Она возникает в результате присоединения к однословному термину уточняющих слов, что и делает его значение более конкретным.

В описываемом словаре составитель сохранил не употреблявшиеся в грамматиках довоенного периода фонетические варианты отдельных терминов: *хеджа* (совр. *эджа*) 'слог', *харф* (совр. *ариф*) 'буква' и т.д. Эти слова являются арабскими заимствованиями, и, очевидно, учёный считал необходимым максимально приблизить их произношение к произношению в языке-источнике.

Не менее ценным является фиксация терминов, которые могут быть полезны для развития и усовершенствования лингвистического терминологического аппарата современного крымскотатарского языка. Например, *тепреник ургъу* 'подвижное ударение', *такъылма мана* 'атрибутивное значение', *озек мана* 'номинативное значение', *зыдманальлашма* 'энантисемия', *харекет исимлери* 'отглагольные существительные', *кениш кесен кес келеджек заман* 'расширенное будущее категорическое время', *келим фииллери* 'центростремительные глаголы', *дал категориясы* 'категория наклонения', *кочюм категориясы* 'категория залога', *фиильнинъ битимли дереджеси* 'совершенный вид глагола', *ренклегиичлер* 'частицы', *тиллернинъ чапразлашмасы* 'скрещивание языков', *идаре этиджи исимфииль* 'управляющий инфинитив', *къыйметпичер сёз* 'модальное слово' и др. Проблема введения в научный оборот крымскотатарского языка указанных единиц, на наш взгляд, должна быть обсуждена специалистами, занимающимися вопросами терминологии на современном этапе.

Таким образом, проведённый анализ показывает, насколько серьёзно подходил У. О. Куркчи к вопросам формирования терминологической системы. Можно утверждать, что основным способом пополнения терминологии крымскотатарского языка учёный считал образование терминов с использованием собственных ресурсов. Там, где было можно выразить грамматическое понятие средствами родного языка, лексикограф использовал исконные слова. Заимствованная интернациональная лексика составляет незначительную часть словаря, и, как отмечалось, рядом с заимствованием автор предлагал его крымскотатарский вариант. Это ещё раз подтверждает стремление У. О. Куркчи обогатить терминосистему крымскотатарского языка за счёт его внутренних ресурсов. Вместе с тем, исследователь не отказывался от употребления в качестве терминов синонимов, возникших в результате заимствований, и их полного калькирования.

В начале 90-х годов прошлого века, когда активизировались процессы репатриации крымских татар и возрождения национальной культуры, в том числе и системы образования на крымскотатарском языке (в 1990 г. на базе филологического

факультета Симферопольского государственного университета было открыто отделение крымскотатарского языка и литературы, в 1993 г. — первая средняя школа с крымскотатарским языком обучения в селе Буюк-Онлар), возникла острая потребность в учебных пособиях разного типа, в том числе — в словаре лингвистических терминов. Таким словарём-справочником, в котором впервые в советской и постсоветской лексикографии в качестве примеров были использованы феномены крымскотатарского языка, явился «Словарь-справочник лингвистических терминов» А. М. Эмировой, изданный в Симферополе в 1995 г. [Эмирова, 1995]. В иллюстративной части словарной статьи использован материал из русского, украинского, немецкого, английского и других европейских языков, однако особое внимание уделено материалу из тюркских языков — крымскотатарского, турецкого, узбекского и др. Примеры из крымскотатарского языка и их научная интерпретация встречаются в словарных статьях данного словаря-справочника, посвящённых практически всем разделам науки о языке: фонетике (*диэреза, дополнительная артикуляция, звуки речи, клитика, редукция, сингармонизм*), лексикологии (*антонимы, гиперонимы, гипонимы, диалектизмы, идиомы, коннотация*), грамматике (*аффикс, изафет, постфикс, редупликация*) и др.

Анализ современного состояния лингвистической терминологии крымскотатарского языка показывает, что она не покрывает всей области науки о языке. Многие основные понятия и системные категории, например, в области фонологии, семасиологии, морфемики, словообразования, современных направлений лингвистики и др., не имеют своего терминологического выражения. Как отмечает проф. А. М. Эмирова, «имеются терминологические лакуны в таких областях науки, как фонология, лексикология, фразеология, семантика» [Эмирова, 2002, с. 75]. На сегодняшний день изданы учебники и методические пособия для общеобразовательных школ и высших учебных заведений, но использованная в них терминология нуждается в доработке.

Следует отметить, что в учебных пособиях, адресованных учащимся средних и старших классов общеобразовательных

школ, одно и то же языковое понятие номинировано разными по своей этимологии и структуре терминами. Например, в учебниках «Къырымтатар тили» («Крымскотатарский язык») для 5 и 6 классов (сост. А. М. Меметов и др.) [Меметов, Алиева, Меметов, 2001] понятие «постфикс» (суффикс, флексия) передается термином *ялгъама*, а в учебнике «Къырымтатар тили» («Крымскотатарский язык») для 10–11 классов (сост. Р. А. Берберова) [Берберова, 2002] — термином *аффикс*. Термин *односоставное предложение* в указанных пособиях встречается в вариантах *бир баш азалы джумле* [Меметов, Алиева, Меметов, 2001, с. 22], *бир озекли джумле* [Берберова, 2002, с. 8].

Актуальной остаётся проблема разработки и создания новых терминов, определения источников и способов образования терминологической лексики. Авторы некоторых современных изданий (А. М. Меметов, А. М. Эмирова, К. А. Усеинов и др.), используя активно употреблявшиеся крымскотатарские термины, функционировавшие в довоенный период и 70-е — 80-е годы, а также единицы интернационального фонда, предпринимают попытку создать новые термины, привлекая словообразовательные возможности крымскотатарского языка. С другой стороны прослеживается тенденция к замене интернациональных терминов национальными эквивалентами.

Указанная тенденция является доминирующей в «Къырымтатар тили тильшынаслыкъ терминлерининъ лугъаты» («Словарь-справочник лингвистических терминов крымскотатарского языка»), подготовленном и изданном под руководством проф. А. М. Эмировой [Эмирова, Ганиева, Сейдаметова, 2008]. Данный словарь является первым изданием подобного типа в крымскотатарском языкознании.

Словарь невелик по объему (134 термина) и адресован в первую очередь студентам-филологам и учителям-словесникам. Он составлен на базе «Словаря-справочника лингвистических терминов» А. М. Эмировой [Эмирова, 1995] и включает сокращённые словарные статьи, описывающие принципиальные и характерные категории и явления крымскотатарского языка, например, *хаберлик категориясы* 'категория сказуемости', *мулькиет категориясы* 'категория принадлежности', *тюркий тиллер* 'тюркские языки', *земаневий къырымтатар тили*

‘современный крымскотатарский язык’ и др. В справочнике представлены термины трёх типов: 1) употребительные крымскотатарские термины (в том числе арабизмы, ассимилированные в языке): *эджа* ‘слог’, *ургъу* ‘ударение’, *созукъ сес* ‘гласный звук’, *тенъештирюв дереджеси* ‘сравнительная степень’ и др.; 2) международные термины латинского и греческого происхождения: *фонема*, *орфоэпия*, *архисема*, *синтагма*, *гаплоглогия* и пр.; 3) смысловые и структурно-семантические кальки: *бенъезиме* ‘ассимиляция’, *къошулма* ‘протеза’, *мана бильгиси* ‘семантика’, *фонемаларнынъ фаркълайыджы аляметлери* ‘дифференциальные признаки фонем’ и др.

Там, где это возможно, составители стремились заменить интернациональные термины крымскотатарскими аналогами или кальками. Несмотря на это, в словаре предлагаются одновременно обе номинации: в качестве вокабулы — крымскотатарский эквивалент, в скобках — интернационализм. На наш взгляд, на современном этапе развития крымскотатарской научной терминологии такой подход вполне оправдан.

В структурном отношении представлены простые (состоящие из одного слова — *уюшма* ‘аккомодация’, *текрарланма* ‘редупликация’ и др.) и составные (состоящие из двух и нескольких слов — *сёз бильгиси* ‘лексикология’, *аддаш сёзлер* ‘омонимы’ и др.) лексические единицы.

Квалификация описываемого словаря как первого справочника лингвистических терминов крымскотатарского языка основана на том, что ранее изданный «Терминологический словарь по языку и языковедению» В. И. Борковского и А. Ислямова [Борковский, Ислямов, 1941] был переводным, в нём отсутствовали толкования терминов и иллюстративный материал.

Создание новой национальной терминологии является сложным творческим процессом, в ходе которого ведутся поиски наиболее подходящих средств для выражения новых понятий. Активизация процессов совершенствования и разработки терминов актуализирует вопросы соответствия новой терминологической лексики современным требованиям. В научной литературе выделяется ряд свойств, отличающих термин от других лексем: однозначность термина в рамках своей терминосистемы; конкретность семантического объема термина; неза-

висимость от контекста; точность, краткость; обязательность дефинированности; подчинённость закономерностям, правилам и нормам языка; экспрессивная нейтральность; отсутствие в терминологической системе языка таких парадигматических отношений, как синонимия, омонимия, паронимия и др. [Дьяков, Кияк, Куделько, 2000]. Анализ лингвистической терминологии современного крымскотатарского языка, учитывающий указанные требования к термину и терминосистеме, выявляет следующее:

1. Наблюдается полисемичность и омонимия терминов в пределах терминосистемы, например: *дередже* I — категория глагола (залог): *фииль дереджеси* ‘залог глагола’, *дередже* II — степень сравнения прилагательного: *сыфат дереджеси* ‘степень сравнения имени прилагательного’. Неясность в данную терминосистему вносит однокоренное слово *дереджелик* ‘частица’. Следующий пример: *сайы* — 1) грамматическая категория (число) — *исимлерде сайы категориясы* ‘категория числа имен существительных’; 2) название части речи (имени числительного) — *сыра сайысы* ‘порядковое числительное’.

2. Наблюдается акцентологическая вариантность в терминосистеме, т.е. используются видоизменения, различающиеся местом расположения ударного слога. В основном это акцентологические и орфоэпические варианты лингвистических терминов, образованных от корней греческих заимствований, например: *морфоло́гик* — *морфологи́к*, *фонéтик* — *фонети́к*, *синта́ктик* — *синтакти́к* и др. По мнению исследователей, такое явление в терминологии обусловлено законом аналогии и тенденцией к упрощению произношения, а также связано с историей возникновения и становления заимствованной лексики в терминосистеме [Иванова, с. 61].

3. Вызывает дискуссию среди языковедов и произношение в заимствованных словах безударного [o]. В настоящее время в этих словах [o] реализуется в соответствии с русскими фонетическими нормами: [a]моним, м[a]рфема.

4. Не все лингвистические термины в современных учебниках точно называют понятие, их содержание нуждается в уточнении с позиций современного языкознания.

5. Не существует единства мнений относительно источников и способов образования новых терминов.

Указанные проблемы, на наш взгляд, требуют решения следующих основных задач:

1. Кодифицировать лингвистические термины, т.е. выбрать существующие варианты, научно обработать, обсудить их необходимость и достаточность для выполнения специальных функций.

2. Издать более полные переводные словари, словари-справочники лингвистических терминов, методические пособия, нацеленные на овладение учащимися общеобразовательных школ и студентами лингвистической терминологией, на развитие у них умений и навыков правильно употреблять необходимый термин.

3. Унифицировать и стандартизировать номинации однотипных языковых категорий.

4. Унифицировать принципы и способы образования терминов.

Наше видение решения этих задач изложено в отдельной статье [Ганиева, 2007].

Выводы по второму разделу

Во 2-ом разделе исследования описана история формирования крымскотатарской лингвистической терминологии, а также очерчен круг источников, которые будут полезны при диахроническом исследовании этой проблемы в крымскотатарском языке.

Подводя итоги проведённого исследования, можно сделать следующие выводы:

Крымскотатарская лингвистическая терминология, как и терминосистемы других отраслей знания, прошла сложный путь развития, на который оказали влияние как объективные социально-политические, так и субъективные факторы (труды известных языковедов). Без осмысления этой динамики в свете современных представлений о терминотворчестве немислима продуктивная работа по совершенствованию научной, в том числе лингвистической, терминологии крымскотатарского языка.

Основные периоды формирования крымскотатарской лингвистической терминологии соотносятся с этапами истории крымскотатарского народа, а также с периодами становления лингвистической терминологии в других тюркских языках.

В развитии крымскотатарской лингвистической терминологии, на наш взгляд, можно выделить следующие периоды: период газеты «Терджиман» и культурно-просветительской деятельности ее издателя и редактора И. Гаспринского (1883—1918 гг.); период реформирования крымскотатарского языка (20—40-е годы XX в.); период 60—80-х гг. XX в.; период развития и совершенствования крымскотатарской лингвистической терминологии на современном этапе.

Первые два из указанных периодов можно назвать этапами стихийного развития терминологии, последующие — организационно-целенаправленного формирования, так как крымскотатарские учёные делали попытки решать проблемы научной терминологии на государственном уровне.

Лингвистические труды, изданные в XIX — начале XX века, являются важным источником для исследования истории крымскотатарского языкознания и потому заслуживают самого тщательного изучения.

В учебниках, изданных до 20-х годов XX в., использовались заимствованные (арабско-персидские) термины, поскольку в это время крымскотатарское языкознание развивалось в рамках арабской грамматической традиции. Однако уже в конце XIX в. составители арабографических грамматик крымскотатарского языка («Сарф-и тюркий», «Каваид-уль-лисан-и тюркий») делали попытки использовать в качестве терминов исконно тюркские слова.

Для 20—40-х годов XX в. характерны тенденции, направленные на критику старой терминологии и замену ее новообразованиями, сформированными на базе крымскотатарского языка (Ш. Бекторе, Б. Чобан-заде).

Крымскотатарские языковеды довоенного периода (20—40-е годы XX в.) старались использовать собственные ресурсы крымскотатарского языка, считая их основным источником создания терминов и там, где это было возможно, интерпретировали грамматические понятия средствами родного языка.

Для формирования крымскотатарской терминологии большое значение имели лингвистические дискуссии 20—30 гг. XX столетия. Широкое обсуждение вопросов научной терминологии в этот период способствовало тому, что работа по созданию крымскотатарской научной, в том числе и лингвистической, терминологии обрела более систематический характер. Именно тогда было создано большое количество учебников и учебных пособий на крымскотатарском языке и заложены основы современной лингвистической терминосистемы.

Важную роль в развитии крымскотатарской лингвистической терминосистемы сыграла исследовательская деятельность таких крымскотатарских деятелей, как И. Гаспринский, Ш. Бекторе, Б. Чобан-заде, Э. А. Куртмоллаев, А. Ислямов, У. Куркчи и др. Их научное наследие является ценным источником для истории крымскотатарского языкознания и дает богатый материал для решения актуальных проблем современной крымскотатарской научной терминологии.

В 60—80-е годы разработкой языковедческих терминов занимаются А. М. Меметов, Э. С. Акмоллаев, У. О. Куркчи и др. Эти учёные сохраняют преемственность в употреблении лингвистических терминов, которые были использованы в предыдущих изданиях. Вместе с тем в терминосистему вводится ряд изменений.

Современный период характеризуется активизацией деятельности крымскотатарских учёных по дальнейшему развитию и унификации научной терминологии. Это проявляется в публикации разного рода словарей, монографий и учебных пособий для общеобразовательной и высшей школы.

В работе по совершенствованию терминологической системы крымскотатарского языка на современном этапе следует различать следующие основные направления: изучение истории становления лингвистической терминологии как системы; практическая работа по созданию новых терминов и их унификация; популяризация терминологических решений в специализированных бюллетенях, посвящённых вопросам координации терминологической работы, и в средствах массовой информации.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА КАК СИСТЕМА

В языке, как и в других семиотических системах, различают два основных типа системных связей — парадигматические (отношения, которые связывают знаки в структуре, т.е. в языке) и синтагматические (отношения между знаками, возникающие как результат их комбинирования) [Кронгауз, 2005, с. 140—152]. Кроме указанных отношений, в лексической системе языка исследователи выделяют эпидигматические связи [Кочерган, 1999, с. 132—134; Кудрявцева, 2004].

Как известно, одним из важнейших свойств термина является системность, т.е. способность входить в систему понятий определённой отрасли знания — терминосистему. Для выявления принципов системности терминологии необходимо исследовать указанные выше типы отношений: парадигматические, синтагматические и эпидигматические (деривационные).

Синтагматические отношения в терминологии понимаются в широком и узком смысле. В широком смысле — это отношения смежности, линейности терминов, их окружения. Синтагматические отношения в более узком смысле можно понимать как отношения между компонентами терминов-словосочетаний. Однако, по мнению учёных, синтагматические связи термина ослаблены, так как термин «безразличен к контексту» [Куликова, 2002, с. 35], поэтому в данной работе в основном внимание уделено парадигматическим и эпидигматическим связям. Последние можно считать отношениями, аналогичными парадигматическим, в виду того, что они характеризуются учёными как ассоциативно-деривационные (М. П. Кочерган, Л. А. Кудрявцева).

К парадигматическим отношениям можно отнести также генетическую стратификацию терминов. Структурно-грамма-

тическая типология терминов также может быть рассмотрена как системный феномен.

Особо остановимся на каждом из указанных параметров системности.

3.1. Генетическая характеристика (источники формирования) лингвистических терминов крымскотатарского языка

Под генетическими параметрами лингвистической терминологии понимается характеристика источников формирования терминологической лексики.

Состав терминологической лексики крымскотатарского языка, как и совокупность языковедческих терминов других тюркских языков, представляет собой многослойное сочетание исконно тюркских терминов и заимствованной лексики.

Заимствования из родственных и неродственных языков, относящихся к внешним средствам номинации, в отличие от внутренних языковых средств (словообразования, семантических сдвигов в значении слова и др.) играют значительную роль в развитии крымскотатарской лингвистической терминосистемы.

Причины появления заимствованных терминологических единиц нельзя рассматривать изолированно от процессов развития общества, от особенностей развития наук и национального литературного языка [Даниленко, 1977, с. 29]. Исследование истории развития и формирования лингвистической терминологии крымскотатарского языка показывает, как чутко реагировала она на изменения, обусловленные социолингвистическими, экстралингвистическими и внутрилингвистическими факторами. Существенное влияние арабского языка, который являлся перстратным языком для всего мусульманского мира, многовековые устные и письменные контакты между народами, переход от арабских лингвистических традиций к европейским и русским традициям, изменение языковой политики в разные исторические периоды и многое другое — все это приводило к

тому, что отдельные терминологические единицы отмирали, появлялись новые термины и значения.

Для анализа лингвистической терминологии крымскотатарского языка с генетической точки зрения из современных учебников было извлечено около 700 базовых единиц по всем разделам языкознания. Исследование показало, что основу лингвистической терминосистемы крымскотатарского языка составляют собственно тюркские термины — около 200 единиц (в это число не вошли гибридные термины, имеющие в своём составе тюркский компонент).

Иноязычные элементы составляют около 20 % от общего количества специальных слов. Это и традиционные для всех тюркских языков арабские заимствования, встречающиеся ещё в общетюркских памятниках письменности и арабографических крымскотатарских грамматиках конца XIX в. — начала XX в. (64 единицы), так и международные термины латинского и греческого происхождения (80 единиц). Однако подавляющее большинство терминологических единиц является гибридными терминами-словосочетаниями, в которых выделяются заимствованные (арабские или интернациональные) и тюркские компоненты (366 единиц).

Исконная терминологическая лексика формировалась за счёт внутренних ресурсов языка тремя основными путями:

1) терминологизация общеупотребительных слов (*тамыр* 'корень', *чокълукъ* 'множественное число', *юва* 'гнездо (словообразовательное)' и пр.);

2) создание новых терминов по словообразовательным моделям крымскотатарского языка (*айырыджы* 'определение', *арифдеш* 'омограф' и др.);

3) использование терминологических единиц родственных языков, например, *келиш* 'падеж' (морфологические и фонетические варианты указанного термина употребляются в узбекском (*келишик*), башкирском (*килеш*), уйгурском (*келиш*) и в других языках); *ялгъама* 'аффикс' (морфологические и фонетические варианты данного термина употребляются в татарском (*ялгъав*), башкирском (*ялгъав*), карачаево-балкарском (*джалгъав*) языках);

4) калькирование средствами крымскотатарского языка недостающих терминов (например, *зайыфлашма* 'редукция', *авуштырма* 'метатеза' и др.).

Состав заимствованной терминологической лексики также неоднороден. В этой категории терминов можно выделить две группы: 1) заимствования арабско-персидского происхождения; 2) заимствованные через русский язык международные термины латинского и греческого происхождения.

Рассмотрим каждую группу подробно.

Исследователи отмечают большой пласт арабско-персидских заимствований в лексическом составе современного крымскотатарского литературного языка. Специальные слова проникли в язык в результате политических, экономических и культурных контактов тюрков с другими народами и претерпели различные фонетические трансформации, «обусловленные значительными различиями фонетических структур дающего и принимающего языков» [Меметов, 2000, с. 179].

Структурно-семантические изменения, происходящие в заимствованной арабско-персидской терминологической лексике татарского, башкирского, чувашского языков подробно рассмотрены в работе Н. К. Дмитриева [Дмитриев, 1955].

В крымскотатарском языкознании структурно-грамматические и семантико-функциональные особенности арабских и персидских заимствований впервые описаны в трудах А. М. Меметова [Меметов, 2000]. Однако лингвистические термины указанного происхождения не были объектом специального изучения. На наш взгляд, такое исследование целесообразно, так как этот тип заимствований в лингвистической терминологии крымскотатарского языка играет важную роль. Известно, что на первых этапах тюркское, в том числе и крымскотатарское, языкознание использовало не отдельные арабские заимствования, а арабскую терминосистему в целом. Только к концу XIX в. в тюркских арабографических грамматиках стали употребляться единичные термины, представленные исконными словами языка-рецептора. В начале XX в. (до конца 20-х годов) крымскотатарское языкознание стало отходить от арабских лингвистических традиций и ориентироваться на европейские.

В учебниках и учебных пособиях, изданных в 20 — 40 -е годы, большое количество терминов арабско-персидского происхождения было заменено единицами крымскотатарского и русского языков, в том числе через посредство русского языка — международными терминами.

В употреблении остались только хорошо усвоенные языком арабизмы, которые активно используются в языковедческой терминологии крымскотатарского языка и сегодня служат основой для образования терминов-словосочетаний.

Анализ представленности этих терминов в различных разделах языкознания показывает, что наибольшее количество арабизмов употребляется в грамматике. В фонетической терминологии арабские заимствования практически не функционируют. В лексикологии их количество также незначительно.

В первой группе заимствований, на наш взгляд, можно выделить следующие типы терминов:

1. Однословные арабизмы, ассимилированные в лингвистической терминологии крымскотатарского языка и не воспринимающиеся как инородные элементы: *сыфат* 'имя прилагательное', *хабер* 'сказуемое', *эджа* 'слог', *ариф* 'буква', *имля* 'орфография', *лугъат* 'словарь', *ал* 'обстоятельство', *виргуль* 'запятая' и пр. Указанные термины образуют большое количество видовых терминов-словосочетаний, которые содержат и национальный (тюркский) компонент. Например, термин *эджа* 'слог' является основой для создания следующих видовых пар: *ачыкъ эджа* 'открытый слог', *япыкъ эджа* 'закрытый слог', *къапалы эджа* 'прикрытый слог', *къапалы олмагъан эджа* 'неприкрытый слог'.

2. Термины-словосочетания, состоящие из арабских слов, но построенные по грамматическим законам тюркских языков. Например, *хас исим* 'имя собственное', *джыныс исим* 'имя нарицательное', *аслий сыфат* 'качественное прилагательное', *шахыс замири* 'личное местоимение' и др.

Отдельные термины-арабизмы вступают в синонимические отношения с исконной лексикой и терминами-интернационализмами. Например, *лугъат* / *сёзлюк* 'словарь' (в данной оппо-

зиции первое слово — арабское, второе — тюркское), *такълит* / *калька* (в данной оппозиции первое слово — арабское).

Широкий пласт крымскотатарской лингвистической терминологии составляют заимствованные через русский язык международные термины латинского и греческого происхождения. Исследователи отмечают целесообразность их употребления, обосновывая тем, что такие единицы легче оградить от полисемии, так как большинство терминоэлементов однозначно выражают определенное значение; они не вызывают ложных ассоциаций, так как не мотивируют терминологические наименования, а «расшифровывают» именуемые понятия посредством стандартных значений составляющих терминоэлементов» [Даниленко, 1977, с. 35].

В крымскотатарской лингвистической терминологии термины греко-латинского происхождения составляют примерно 10% от общего объема специальной лексики. Это такие термины, как *фонетика*, *фонема*, *архифонема*, *аллофон*, *ассимиляция*, *диссимиляция*, *гаплогения*, *орфоэпия*, *сема*, *архисема*, *синтагма*, *алломорф*, *аффикс*, *аффриката*, *грамматика*, *графика*, *графема*, *derivat*, *диалектизм*, *идиома*, *изоглосса*, *инвариант*, *интерфикс*, *инфинитив*, *лексика*, *метафора*, *морфема*, *морфемика*, *морфонема*, *полисемант*, *омоним*, *оморформа*, *синоним*, *парадигма*, *предикат*, *синтагма*, *синтаксис*, *социолингвистика*, *социофонетика*, *суперстрат*, *термин*, *формант*, *цитата*, *металингвистика*, *этнолингвистика* и др. Написание и произношение входящих в эту группу терминов соответствуют нормам русского языка, через который они вошли в крымскотатарский язык. Особенно активно используется данная категория терминов в фонетической и лексикологической микросистемах.

Некоторые из этих терминов составляют синонимические пары с исконными крымскотатарскими или укоренившимися в языке арабскими лексическими единицами. Например, *синоним* / *манадаш сёз*, *омоним* / *аддаш сёз*, *полисемант* / *чокъ-маналы сёз*, *диссимиляция* / *бенъезшмезлик* и пр.

Термины-интернационализмы обладают достаточно высоким деривационным потенциалом. Некоторые из этих адапти-

ровались в крымскотатарском языке, получив специфическое для тюркских языков оформление, приобретённое тремя способами:

1) при помощи аффикса *-ик*: например, *фонетик* 'фонетический' ← *фонет+ик*, *грамматик* 'грамматический' ← *граммат+ик*, *морфологик* 'морфологический' ← *морфолог+ик*, *синтактик* 'синтаксический' ← *синтакт+ик*, *семантик* 'семантический' ← *семант+ик*, *стилистик* 'стилистический' ← *стилист+ик*, *аналитик* 'аналитический' ← *аналит+ик*, *этимологик* 'этимологический' ← *этимолог+ик* и пр¹. В произношении указанных терминов наблюдается акцентологическая вариантность, проявляющаяся в том, что варианты различаются местом расположения ударного слога (см. подробнее в разд. II);

2) путём отсечения окончания; например, *позицион* 'позиционный', *артикуляцион* 'артикуляционный', *транскрипцион* 'транскрипционный', *агглютинатив* 'агглютинативный', *палаталь* 'палатальный', *альвеоляр* 'альвеолярный', *абстракт* 'абстрактный', *экспиратор* 'экспираторный' и др. Данные термины являются зависимыми компонентами в терминах-словосочетаниях;

3) при помощи аффикса принадлежности 3-го лица *-сы*: например, *эснаф лексикасы* 'ремесленная лексика', *келиш аффикси* 'падежный аффикс', *сайы категориясы* 'категория числа' и пр.

Гибридные термины-словосочетания, занимающие значительное место в крымскотатарской лингвистической термино-системе, по их генетическим параметрам можно классифицировать следующим образом:

1) термины-словосочетания, состоящие из исконных и арабских слов: *агъзавий нутукъ* 'устная речь', *сеснинъ къувети* 'сила звука', *мана бильгиси* 'семантика', *кочьме мана* 'переносное значение', *уйгъунлыкъ багъы* 'согласование' и др.;

¹ Проф. Н. К. Дмитриев в монографии «Грамматическая терминология в учебниках родного языка» высказывает мнение о том, что этот тип аффиксов — нарочито изобретенные суффиксы (не аффиксы) [Н. К. Дмитриев с. 66–67].

2) термины-словосочетания, состоящие из международных и арабских слов: *лексик мана* 'лексическое значение', *грамматик мана* 'грамматическое значение', *китабий лексика* 'книжная лексика', *орфоэпик къаиде* 'орфоэпическое правило', *терминологик лугъат* 'терминологический словарь', *модаль шекиль* 'модальная форма' и др.;

3) термины-словосочетания, состоящие из исконных и международных слов: *флектив тиллер* 'флексивные языки', *такт ургъусы* 'тактовое ударение', *фонологик бирлем* 'фонологическая единица', *толу калька* 'полная калька', *алынма лексика* 'заимствованная лексика', *номенклатур бельги* 'номенклатурное обозначение' и пр.

3.2. Грамматическая характеристика лингвистических терминов крымскотатарского языка

Анализ структурных особенностей терминологических единиц и их частеречного статуса содействует процессу кодификации языка, определению перспектив развития изучаемой терминологической системы.

В лингвистических работах выявлению грамматических категорий термина отводится значительное место. Проблемой частеречной принадлежности термина занимались О. С. Ахманова, О. А. Лаптева, О. Ман, Н. А. Щеглова и пр. В разные периоды структурные типы терминологических единиц являлись объектом внимания В. П. Даниленко, А. С. Дякова, Т. Р. Кияка, Б. Н. Головина, З. Б. Куделько, Р. Ю. Кобрина, В. М. Лейчика и др. В тюркологии вопросам лексико-грамматической характеристики лингвистических терминов в различных языках посвящены исследования Ж. М. Молдажарова (на материале казахского языка) [Молдажаров, 1972], Б. Амансарыева (лингвистические термины в туркменском языке) [Амансарыев, 1986], Г. Д. Зайнуллиной (термины башкирского языка) [Зайнуллина, 2002], М. Ф. Чернова (лингвистическая терминосистема чувашского языка) [Чернов, 1996] и др.

3.2.1. Структурный анализ лингвистических терминов крымскотатарского языка

В научной литературе принято выделять три основных структурных типа терминов: 1) термины-слова, 2) термины-словосочетания, 3) символ-слова (терминологические номинации, в состав которых входят символы) [Даниленко, с. 37; Головин, Кобрин, с. 70—75].

Анализ лингвистических терминов крымскотатарского языка показал, что в исследуемой системе можно выделить два структурных типа терминологических единиц: термины-слова и термины-словосочетания. Последние составляют подавляющее большинство терминологических единиц в лингвистической терминологии крымскотатарского языка (около 85 % от общего объема терминов), т.е. можно говорить о стремлении к аналитичности, которая характерна для тюркских языков.

Термины-слова по образованию делятся на следующие группы: 1) термины — непроизводные слова: *тамыр* 'корень', *негиз* 'основа', *эджа* 'слог', *ал* 'обстоятельство', *хабер* 'сказуемое', *джумле* 'предложение', *ариф* 'буква', *имля* 'орфография', *шиве* 'диалект', *исим* 'имя существительное', *сайы* 'имя числительное', *сыфат* 'имя прилагательное', *фииль* 'глагол', *зарф* 'наречие', *нида* 'междометие' и др.; 2) термины — производные слова: *авуштырма* 'метатеза', *бенъзеиме* 'ассимиляция', *бенъзеимезлик* 'диссимиляция', *дудакълашма* 'лабиализация', *йымшакълашма* 'палатализация', *манадашлыкъ* 'синонимия', *тильшынаслыкъ* 'языкознание', *багълайыджы* 'союз', *мунасебетчи* 'последок', *айырыджы* 'определение' и др.; 3) термины-композиции. Этот тип представлен в исследуемой термино-системе единичными лексемами: *исимфииль* 'отглагольное имя', *сыфатфииль* 'причастие', *алфииль* 'деепричастие', *къаршыманалылыкъ* 'антонимия'.

Термины-словосочетания по количеству входящих в их состав компонентов можно разделить на следующие группы: 1) двухкомпонентные (*созукъ фонема* 'гласная фонема', *сагъыр сес* 'глухой звук', *мантыкъий ургъу* 'логическое ударение' и др.); 2) трёхкомпонентные (*кениш олмагъан джумле* 'нераспространенное предложение', *тургъун сёз бирикмеси* 'устойчивое сло-

восочетание', *васталы саиплик келиши* 'определённая форма родительного падежа', *фиильнинъ менфий шекли* 'отрицательная форма глагола' и др.); 3) четырёхкомпонентные (*чокътан кечкен заман фиили* 'давнопрошедшее время глагола', *вакъыт табили муреккеп джумле* 'сложное предложение с придаточным времени' и др.); 4) пяти- и более компонентные (*багълайыджысыз макъсат табили муреккеп джумле* 'бессоюзное сложное предложение с придаточным цели', *муреккеп кечкен заман фиилининъ вастасыз шекли* 'сложная форма неочевидного прошедшего времени глагола' и др.).

В результате исследования фактического материала установлено, что в лингвистической терминологии современного крымскотатарского языка преобладают двухсловные единицы. Многокомпонентные термины превалируют в синтаксической и морфологической микросистемах. Они образованы последовательным присоединением к исходному термину уточняющих слов для более полного определения начального понятия и образования его видовых вариантов. Например, *фииль заманы* 'время глагола' — *кечкен заман фиили* 'глагол прошедшего времени' — *саде кечкен заман фиили* 'простое прошедшее время глагола' — *саде кечкен заман фиилининъ васталы шекли* 'простое прошедшее неочевидное время глагола' и др. Следует отметить, что терминологическим словосочетаниям в крымскотатарской лингвистической терминосистеме свойственно левое развёртывание: *джумле* 'предложение' — *муреккеп джумле* 'сложное предложение' — *табили муреккеп джумле* 'сложноподчиненное предложение' — *багълайыджысыз вакъыт табили муреккеп джумле* 'бессоюзное сложное предложение с придаточным времени', *келиш* 'падеж' — *саиплик келиши* 'родительный падеж' — *васталы саиплик келиши* 'определённый родительный падеж'. Это, на наш взгляд, обусловлено фиксированным порядком слов в крымскотатарском предложении.

Термины-словосочетания, состоящие из двух компонентов, делятся на два структурно-грамматических типа:

1) субстантивные термины-словосочетания, в которых зависимый компонент выражен либо прилагательным, либо причастием, например, *сагъыр сес* 'глухой звук', *адий джумле* 'простое предложение', *умумий ад* 'гипероним', *багълайыджысыз*

джумле ‘бессоюзное предложение’, *якьын бенъзешиме* ‘контактная ассимиляция’, *кечкен заман* ‘прошедшее время’, *биткен интонация* ‘завершённая интонация’ и др.;

2) субстантивные термины-словосочетания, в которых зависимый компонент выражен именем существительным (т.е. изафетные конструкции), например, *суаль ишарети* ‘вопросительный знак’, *вакъыт алы* ‘обстоятельство времени’, *сеснинъ къувети* ‘сила звука’, имля лугъаты ‘орфографический словарь’, *сыра багъы* ‘примыкание’ и пр.

Для выявления их особенностей было отобрано несколько словосочетаний с одним и тем же словом в роли главного компонента. Рассмотрим указанные модели терминов-словосочетаний (см. табл. 3.1.).

Таблица 3.1.

**Модели двухсловных терминов-словосочетаний
в лингвистической терминологии
крымскотатарского языка**

Субстантивные словосочетания с зависимым компонентом при- лагательным / причастием	Изафетные словосочетания
<i>муреккен джумле</i> 'сложное предложение'	<i>икяе джумле+си</i> 'повествовательное предложение'
<i>созукъ сес</i> 'гласный звук'	<i>кенъез (бурун) сес+и</i> 'назальный звук'
тахминий сайы 'приблизительное числительное'	сыра сайы+сы 'порядковое числительное'
саде замир 'простое местоимение'	ишарет замир+и 'указательное местоимение'
сербест мана 'свободное значение'	сёз+нинъ мана+сы 'значение слова'

Как видно из примеров, в 1-ой группе терминов-словосочетаний между стержневым словом и зависимым компонентом реализуется атрибутивный тип синтаксических отношений. Образованы эти словосочетания на основе примыкания, т.е. зависимые слова являются неизменяемыми и связаны с главным словом по смыслу.

Во второй группе словосочетаний использованы формы II-го или III-го изафета, для которых характерно присутствие морфологического показателя связи компонентов: наличие при стержневом слове аффикса третьего лица *-ы / -и / -сы / -си* (II-ой изафет) и наличие при стержневом слове аффикса третьего лица *-ы / -и / -сы / -си*, а при подчиненном слове — аффикса родительного падежа *-нынъ / -нинъ* (III-ий изафет). В этих словосочетаниях между компонентами реализуются и атрибутивные отношения (II-ой изафет), и отношения принадлежности (III-ий изафет). Следует отметить, что термины-словосочетания в форме III-го изафета используются реже и выражают более конкретные понятия. На наш взгляд, они являются не собственно терминами, а формой их реализации в метаречи.

Как показал анализ, по морфологической характеристике главного слова в составе терминов-словосочетаний выделяются преимущественно субстантивные словосочетания (с существительным в роли главного слова: *таби сёз* 'зависимое слово', *кениш джумле* 'распространённое предложение', *тенъештирюв дереджеси* 'сравнительная степень', *тизме багълайыджы* 'сочинительный союз' и пр.).

По воспроизводимости в метаречи термины-словосочетания подразделяются на свободные и связанные. В единицах первого типа каждый из компонентов является самостоятельным термином и может иметь разные виды лексической сочетаемости. Например, оба компонента термина *фииль мейили* 'глагольное наклонение' имеют свободную сочетаемость. В единицах второго типа один из компонентов имеет несвободную сочетаемость: например, в термине *баш келиши* 'именительный падеж' слово *баш* может выражать терминологическое значение только в сочетании с другими термином. Такой феномен иллюстрирует синтагматические отношения в исследуемой терминосистеме.

Большинство многокомпонентных терминологических сочетаний создано на основе следующих моделей:

1) существительное + прилагательное + существительное: *фишльнинъ* (с) *менфий* (п) *шекли* (с) 'отрицательная форма глагола', *тиллернинъ* (с) *генеалогик* (п) *таснифи* (с) 'генеалогическая классификация языков', *фишльнинъ* (с) *функциональ* (п) *шекли* (с) 'функциональная форма глагола' и др.;

2) прилагательное + существительное + существительное: *шекилли* (п) *багъ* (с) *васталары* (с) 'формальные средства связи', *тургъун* (п) *сёз* (с) *бирикмеси* (с) 'устойчивое словосочетание', *эдебий* (п) *тиль* (с) *нормасы* (с) 'норма литературного языка' и пр.;

3) прилагательное + прилагательное + существительное: *фразеологик* (п) *багълы* (п) *мана* (с) 'фразеологически связанное значение', *къаршы* (п) *маналы* (п) *сёз* (с) 'слово с противоположным значением, антоним', *кениш* (п) *къулланымлы* (п) *сёз* (с) 'общеупотребительное слово', *тар* (п) *созукъ* (п) *сес* (с) 'гласный верхнего подъема' и др.;

3) прилагательное + причастие + существительное: *муреккеп* (п) *кечкен* (прич.) *заман* (с) 'сложное прошедшее время', *кениш* (п) *олмагъан* (прич.) *джумле* (с) 'нераспространённое предложение', *къапалы* (п) *олмагъан* (прич.) *эджа* (с) 'неприкрытый слог' и др.;

4) существительное + причастие + существительное: *сёз* (с) *денъиштириджи* (прич.) *ялгъама* (с) 'словоизменяющий аффикс', *шекиль* (с) *япыджы* (прич.) *ялгъама* (с) 'формообразующий аффикс', *азаларгъа* (с) *болюнмеген* (прич.) *джумле* (с) 'нечленимое предложение' и пр.

3.2.2. Частеречный статус и частеречный состав лингвистической терминологии крымскотатарского языка

По мнению исследователей, важным для терминоведения является вопрос о том, к каким частям речи принадлежат термины [Словарь лингвистических терминов, 2004, с. 11]. Данная проблема вызывает широкие дискуссии.

В научной литературе распространено мнение, что основу терминологии должны составлять имена существительные, так как «категория имени существительного с её широкими семантическими возможностями способна исчерпать основной состав терминологических наименований» [Даниленко, 1977, с. 39]. О. С. Ахманова, например, отмечает, что «в европейских языках система существительных настолько развита, имеются настолько неограниченные возможности образовывать отглагольные существительные и отвлечённые существительные, образованные от основ прилагательных, что основной состав для терминологического списка для этих языков вполне может быть исчерпан существительными. Что касается глаголов, то для языковедческой терминологии они не типичны и легко могут быть заменены существительными». Прилагательные и причастия, считает исследователь, в терминологической системе могут выполнять разнообразные функции [Словарь лингвистических терминов, 2004, с. 11–12].

Другие авторы придерживаются мнения, что кроме существительных в роли терминов могут выступать и прилагательные, и глаголы, и наречия, и местоимения. Грамматическим «фондом» терминологии, по словам В. П. Даниленко, «являются знаменательные слова: существительные, прилагательные, наречия, глаголы» [Даниленко, 1977, с. 37]. Учёный отмечает, что мнение о невозможности использования прилагательных в роли терминов по причине не употребления их в речи абсолютно неубедительно. По мнению автора, указанное отличие не является приметой прилагательных в терминологии. Это признак данной части речи независимо от контекста. Прилагательное как определение, естественно, должно иметь определяемое. Однако такое положение данной категории не лишает права конкретных ее представителей иметь самостоятельное значение. «Когда мы говорим *красный, красивый, босой* и т.д., разве мы расцениваем эти слова как неимеющие или потенциально имеющие значение, которое реализуется только в том случае, если каждое из этих прилагательных обретает свою пару: *красный шар, красивый мужчина, босой мальчик*. Так и в терминологии. Разве термины *виртуальный, визуальный, релятиви-*

стский и т.д. не выражают определенных понятий, не имеют определенного содержания вне конкретных сочетаний этих терминов с другими терминами: *виртуальный процесс, виртуальный фотон, виртуальная частица, виртуальная фонема; релятивистская теория, релятивистское смещение, релятивистская скорость* и т.д.» [Там же. С. 43—44]. По мнению исследователя, данные прилагательные имеют самостоятельное значение. Они указывают на наличие или отсутствие определенных признаков у предметов и являются языковыми средствами выражения этой категории логических понятий [Там же. С. 44—45]. Следовательно, терминами могут быть не только имена существительные, но и имена прилагательные, наречия, глаголы.

Для определения частеречной принадлежности лингвистических терминологических единиц из существующих учебников и учебных пособий по крымскотатарскому языку было отобрано и рассмотрено около 800 терминов. Исследование показало, что имена существительные и отглагольные имена составляют основу исследуемой терминосистемы. Все базовые термины, т.е. названия частей речи, их грамматических категорий (*исим* 'имя существительное', *сайы* 'имя числительное', *замир* 'местоимение', *келиш* 'падеж' и др.) и членов предложения (*хабер* 'сказуемое', *муптеда* 'подлежащее', *ал* 'обстоятельство' и др.), являются именами существительными. Названия различных категорий крымскотатарского языка передаются именами существительными или отглагольными именами (например, *кенъезлешме* 'назализация', *авуштырма* 'метатеза', *зайыфлашма* 'редукция', *исимлешюв* 'субстантивация' и др.). Указанные части речи активно употребляются и в качестве зависимого компонента в терминах-словосочетаниях, например, *къошма ургъу* 'дополнительное ударение', *кочьме мана* 'переносное значение', *ялма сёз* 'производное слово', *тизме багълайыджы* 'сочинительный союз', *язма нутукъ* 'письменная речь', *суаль джумлеси* 'вопросительное предложение', *ялгъама дереджеликлери* 'аффиксальные частицы' и др.

Прилагательные и причастия используются в основном как зависимые компоненты субстантивных словосочетаний. Напри-

мер, *якъын бенъзешме* 'контактная ассимиляция', *кенъ сес* 'широкий звук', *сагъыр сес* 'глухой звук', *япыкъ эджа* 'закрытый слог', *муреккен сёз* 'сложное слово', *сербест бирикме* 'свободное сочетание' и пр. В пределах исследуемой системы не исключаются также случаи субстантивации прилагательных и причастий. Например, *созукъ* 'гласный', *тутукъ* 'согласный', *сагъыр* 'глухой', *янгъыравукъ* 'звонкий', *девамлы* 'фрикативный' и др. Указанные слова являются сокращёнными вариантами терминов, возникшими в результате эллипсиса (опущения в составном термине одного или нескольких элементов). Субстантивированные причастия, например, *айырыджы* 'определение', *тамамлайыджы* 'дополнение', *багълайыджы* 'союз' и др., функционируют в качестве самостоятельных терминов, а также образуют видовые термины-словосочетания, в которых выступают в роли стержневого слова: *саиплик айырыджысы* 'посессивное определение', *васталы тамамлайыджы* 'косвенное дополнение', *муреккен багълайыджы* 'сложный союз', *табили багълайыджы* 'подчинительный союз' и пр. Наблюдаются единичные случаи, когда компонентами терминологической единицы являются два причастия, одно из которых субстантивировано, второе выступает в качестве определения и является зависимым компонентом. Например, *къошуджы багълайыджы* 'соединительный союз', *изалайыджы багълайыджы* 'изъяснительный союз' и др.

Употребление глаголов в исследуемой терминосистеме ограничено. Выявлено лишь несколько процессуальных единиц, которые часто используются в метаязыке, например, *тюрлемек* 'склонять', *тюзлемек* 'спрягать', *бельгилемек* 'обозначать, определять', *айырмакъ* 'обособлять, отделять'.

Указанные слова не фиксируются в терминографических источниках как собственно термины. Первые два из перечисленных слов в языковедческой терминологии нередко заменяются глагольными именами *тюрленюв* 'склонение' и *тюзленюв* 'спряжение'.

В единичных случаях в лингвистической терминологии крымскотатарского языка употребляются в качестве элемента составного термина количественные и порядковые числитель-

ные: *эки нокъта* ‘двоеточие’, *бир эджалы сёз* ‘односложное слово’, *эки теркилли джумле* ‘двусоставное предложение’, *учюнджи изафет* ‘третий изафет’ и пр.

Наречия употребляются редко и выполняют в основном функции определения в составе сверхсловных терминов. Так, в следующих примерах первые компоненты в изолированной форме являются наречиями, но в приведённых словосочетаниях выполняют функцию определения: *илери бенъзешиме* ‘прогрессивная ассимиляция’, *кери бенъзешиме* ‘регрессивная ассимиляция’.

3.3. Парадигматические отношения в лингвистической терминологии крымскотатарского языка

Известно, что наиболее значимыми в парадигматике являются категории синонимии, антонимии, гиперо-гипонимии и др. Исследование этих отношений в лингвистической терминологической системе даёт возможность выявить специфику её структуры, унифицировать и упорядочить термины, а также прогнозировать пути их дальнейшего развития. Поэтому лексико-семантические связи в лингвистической терминологии разных языков являются предметом металингвистики и привлекают внимание многих исследователей. Эти аспекты терминологической системы рассматривались в трудах А. А. Реформатского [Реформатский, 1961; Реформатский, 1986], В. П. Даниленко [Даниленко, 1977], О. С. Ахмановой [Ахманова 1961; 2002], С. Е. Никитиной [Никитина, 2010], И. С. Куликовой и Д. В. Салминой. [Куликова, Салмина, 2002] и др.

Семантические отношения в лингвистических терминологических системах тюркских языков анализировались Б. Амансарыевым [Амансарыев, 1986], Х. Ф. Исхаковой [Исхакова, 1987], Ж. М. Молдажаровым [Молдажаров, 1972], И. К. Кучкартаевым [Кучкартаев, с. 307 — 308] и др. Особый интерес для нас представляет работа Х. Ф. Исхаковой, в которой исследована структура терминологических систем различных областей зна-

ния тюркских языков, выделены и охарактеризованы такие общие типы семантических отношений, как синонимия, корреляция, род — вид, целое — часть, параметр — носитель параметра, основная функция — способ выражения функции, уровень (языка) — единицы уровня и др. [Исхакова, 1987, с. 9—22].

Чаще всего внимание исследователей привлекают синонимия и корреляция. В связи с этим, представляется необходимым выявить характер данных отношений в системе лингвистических терминов крымскотатарского языка. В основу разработанной типологии семантических связей положены указанные оппозиции.

Синонимия терминов. Вопрос о синонимии в терминологических системах получил различные решения. Как отмечают И. С. Куликова и Д. В. Салмина, «...термин *синоним* в приложении к слову-термину меняет свое привычное содержание. Как идеальный знак, термин не должен иметь синонимов: любой новый оттенок понятия должен получить внутри терминологии собственное обозначение» [Куликова И.С., Салмина, 2002, с. 36]. В противовес этому мнению В. П. Даниленко пишет: «В терминологии синонимы соотносятся с одним и тем же понятием и объектом, они не характеризуют разные его свойства» [Даниленко, 1977, с. 73]. С. Е. Никитина считает, что определить, синонимичны ли термины, можно после их полного тезаурусного описания [Никитина, 2010, с. 87].

Следует отметить, что во всех, в том числе лингвистических, терминосистемах присутствует большое количество слов, называющих одно и то же понятие. Причину возникновения синонимов в терминологии не все исследователи объясняют одинаково. По мнению ряда учёных причиной данного явления чаще всего являются разные источники формирования терминов, и синонимы возникают на начальном этапе развития терминологических систем [Даниленко, 1977, с. 73]. Существует также другое мнение, согласно которому в профессиональной речи не всегда отдаётся предпочтение нормативному, с точки зрения ГОСТа, терминовыражению. Этим фактом, в частности, объясняется появление вариантов в обозначении одного и того же понятия, причём, использование одного из них может слу-

жить основанием для оценки культуры профессиональной речи [Щербань, с. 170]. Д. С. Лотте считает, что одной из важнейших причин возникновения синонимии в терминологии является «длиннота первоначально построенного термина». Многословность термина усложняет процесс оперирования каким-либо понятием [Лотте, 1971, с. 16]. Отдельные авторы высказывают мнение о том, что в специальной лексике так широко развита синонимия потому, что трудно сразу дать подходящее название специальному понятию. «Каждый исследователь смотрит на вещи «своими глазами» и наблюдает порой только ему очевидное» [Суперанская, Подольская, Васильева, 2012, с. 90].

Отмечают исследователи и наличие в терминосистеме концептуальной синонимии, порождённой различными школами и направлениями в лингвистике [Лемов, 2000, с. 125]

Как правильно назвать такие слова: синонимы или терминологические дублеты? В лингвистических трудах ответ на этот вопрос неоднозначен.

Некоторые исследователи сохраняют за ними привычные обозначения — «синонимы», но отмечают, «что синонимы в терминологии имеют иную природу и иные функции» [Даниленко, 1977, с. 73]. Употребление в языке-объекте абсолютных синонимов, когда один и тот же ряд значений имеет больше, чем одну лингвистическую форму, считается крайне неэкономным. Языки, а точнее их носители, выбирают и ищут пути дифференциации двух слов семантически [Hock Hans Henrich, 1996, с. 236].

Другие учёные (О. С. Ахманова, Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин, И. С. Куликова, Л. А. Капанадзе) считают, что терминологиям, в отличие от общелитературного языка, свойственна абсолютная синонимия, которую можно именовать терминологической дублетностью. «Терминологические дублеты (триплеты и т.д.) — это слова, которые объединяются особой терминологической соотнесённостью с одним и тем же научным объектом» [Ахманова, 2004, с. 12]. По концепции А. В. Лемова, к терминологическим дублетам относятся разнокорневые единицы, экспоненты которых выражают единое понятие и соотносятся с единым денотатом [Лемов, 2000, с. 129]. В сфере терминологии

гической лексики выделяются термины-дублиеты иноязычного происхождения, термины-синтаксические синонимы и дефиниционная синонимия [Головин, Кобрин, 1987, с. 54–58].

При использовании синонимов в терминологических системах исследователями отмечается важность чёткого определения области использования каждого из них. При этом необходимо сосредотачиваться не на области совпадения их значений — области, а обращать особое внимание на те зоны, в которых значение данных синонимов не совпадает — области [Опейда, с. 90]

Как отмечает О. С. Ахманова, если терминологические дублиеты лишь по-разному называют один и тот же объект, от них следует как можно быстрее освобождаться. Но если они дают возможность выявить в этом же объекте разные способы или аспекты, то их употребление становится оправданным и даже необходимым для развития научной мысли [Ахманова, 2004, с. 12].

Х. Ф. Исхакова в лингвистической терминологии тюркских языков выделяет пять типов синонимических оппозиций:

1) слово своего языка (или арабское заимствование, воспринимаемое как свое) и заимствованное из русского языка или через его посредство из западноевропейских языков;

2) развёрнутый термин, включающий название для родового понятия, и термин с опущенным названием для родового понятия;

3) термины, образованные с помощью различных словообразовательных средств;

4) термины, имеющие в своем составе слова-синонимы самого национального языка;

5) квазисинонимы, характеризующие понятие с разных точек зрения [Исхакова, 1987, с. 9–10].

Анализируя крымскотатарскую лингвистическую терминологию в указанных аспектах мы выявили следующие типы синонимических пар:

1. Исконное слово (словосочетание) // заимствованное посредством русского языка интернационализм. Например, *уюшма* ‘приспособление’ // *аккомодация*; *кёюшулма* ‘присоединение’ //

протеза; сес тюшюви ‘выпадение звука’ // *диэреза; авуштырма* ‘перестановка’ // *метатеза; эджа ютумы* ‘выпадение слога’ // *гаплоглогия; зайыфлашма* ‘ослабление’ // *редукция; йымшакълашма* ‘смягчение’ // *палатализация; дудакълашма* ‘огубление’ // *лабиализация; давушлы сес* ‘звук, образованный при помощи голоса’ // *сонорный звук; сес бильгиси* ‘наука о звуке’ // *фонетика; умумий ад* ‘общее имя’ // *гипероним; сёз бильгиси* ‘наука о слове’ // *лексикология; сесдеш сёзлер* ‘одинаково звучащие слова’ // *омофон; тургъун сёз бирикмеси* ‘устойчивое словосочетание’ // *фразеологизм; янъы сёз* ‘новое слово’ // *неологизм; текрарланма* ‘повторение’ // *редупликация; къыскъартма* ‘сокращение’ // *аббревиация; такълидий сёз* ‘звукоподражательное слово’ // *мимема; ичтимай тильшынаслыкъ* ‘социальная лингвистика’ // *социолингвистика* и др.

В сфере лингвистической терминологической лексики крымскотатарского языка термины-дублиеты крымскотатарского и иноязычного происхождения сосуществуют. Возникновение такого типа терминов-синонимов объясняется тем, что в языке обычно рядом с иностранными словами возникают семантически мотивированные синонимы. «Если появление синонимов является результатом стремления нагляднее охарактеризовать предмет через его название, вновь появившийся синоним имеет ассоциативное значение» [Арбекова, 1977. с. 130]. Приведённые выше примеры свидетельствуют, что иностранное слово, которое не мотивированно с точки зрения крымскотатарского языка, имеет синонимичный вариант с более прозрачной семантической структурой.

Перед современными учёными встаёт проблема отбора наиболее удачного термина из имеющихся синонимических пар. Естественным является стремление сохранить национальный терминологический фонд, который «несмотря на все свои недостатки, представляет собой большую дидактическую ценность, связанную с чувством родного языка и возможностью в некоторых случаях более лёгкого запоминания и усвоения» [Лемов, 2000, с. 133]. Однако совершенно справедливо мнение отдельных исследователей о том, что при отборе термина важно учитывать и такое его свойство как дериватоспособность [Там же.

С. 131–132]. Например, в современных крымскотатарских грамматиках сосуществуют терминологические дублиеты *шиве* ‘диалект’ и *диалект* ‘диалект’. Первый из них ограничен в своих словообразовательных возможностях. Вторым является мотивирующим для образования таких единиц, как *диалекталь* (*лексика*) ‘диалектная лексика’, *диалектизм* ‘диалектизм’, *фонетик диалектизм* ‘фонетический диалектизм’ и др.

Анализ деривационного потенциала терминов *ялгъама* ‘аффикс’ и *аффикс* ‘аффикс’, которые также параллельно функционируют в современной крымскотатарской терминологии, показывает, что первый из них не служит базой для образования других слов, тогда как второй может быть производящим словом для следующих терминологических единиц: *аффиксleme* ‘аффиксация’, *аффиксаль морфема* ‘аффиксальная морфема’, *аффиксация усулы* ‘способ аффиксации’. Мы считаем, что при унификации и стандартизации современной крымскотатарской лингвистической терминологии, в которой имеются лакуны в различных областях лингвистики, необходимо учитывать словообразующие возможности лексемы-термина.

2. Развёрнутый термин, имеющий в своём составе как родовое, так и видовое слово, и его сокращённый вариант, в котором опущено родовое название. Например, в лингвистической терминологии крымскотатарского языка синхронно сосуществуют два варианта (полный и сокращённый) таких терминов: *согласный звук* — *тутукъ сес* ‘согласный звук’ // *тутукъ* ‘согласный’; *сопоруный звук* — *сонор сес* ‘сопоруный звук’ // *сонор* ‘сопоруный’; *изафетное словосочетание* — *изафет сёз бирикмеси* ‘изафетное словосочетание’ // *изафет* ‘изафет’; *категория падежа* — *келиш категориясы* ‘категория падежа’ // *келиш* ‘падеж’ и др. Сокращённые варианты приведенных терминов образованы в результате эллипсиса, т.е. опущения в составном термине одного или нескольких элементов. Как отмечают исследователи, «чаще всего эллипсис имеет характер пропуска слов, легко подразумеваемых по фразеологическому контексту. Контекстуальный эллипсис весьма характерен и для научно-технической терминологии» [Там же. С. 16].

В анализируемой терминосистеме синонимы такого типа встречаются в небольшом количестве.

3. Синонимичные пары, имеющие в своём составе только крымскотатарские слова (или арабские заимствования, укоренившиеся в языке): *терен тиль арты тутугъы // чукъур тиль арты тутугъы* 'глубоко заднеязычный звук'; *къошуджы багълайыджы // бириктириджи багълайыджы* 'соединительный союз'; *патлайыджы-девамлы тутукъ // къапантылы-сюйрекли тутукъ* 'аффриката'; *там маналы сёз чешити // мустакъиль сёз чешити* 'самостоятельная часть речи'; *тильшынаслыкъ // тиль бильгиси* 'языкознание'; *бурун сеси // кенъез сеси* 'назальный звук'; *айырыджы // бельгилейиджи* 'определение'; *йымшакълашма // инджелеме* 'палатализация'; *бенъзешме // уйгъунлыкъ* 'ассимиляция' и др. Причину появления подобных оппозиций, очевидно, можно объяснить тем, что в перманентном процессе формирования национальной терминосистемы крымскотатарские исследователи стремятся подобрать или создать более удачные, точные, благозвучные единицы.

4. Квазисинонимы, дефинирующие одно и то же понятие с различных сторон: *ог сыра созугъы* 'гласный переднего ряда' // *индже созукъ* 'мягкий гласный'; *ашагъы котерилиш созугъы* 'гласный нижнего подъёма' // *кенъ созукъ* 'широкий гласный'; *танълай бенъзешмеси* 'нёбная ассимиляция' // *къалын ве индже сеслернинъ бенъзешмеси* 'ассимиляция по мягкости, твердости'; *этильген дередже* 'страдательный залог' // *бельгисизлик дереджеси* 'неопределённо-личный залог' и др.

5. Синонимы, образованные с помощью различных словообразовательных формантов. Этот тип представлен единичными примерами: *титрек сес // титревюк сес* 'дрожащий звук'; *алынты // алынтылама* 'заимствование'; *айтылуз // айтылыш* 'произношение'; *бенъзешмезлик // бенъземезлик* 'диссимиляция'; *ялма фииль // ясама фииль* 'производный глагол'; *къыскъартылынган сёз / къыскъартма сёз* 'аббревиатура'; *йымшатув ишарети // йымшакълыкъ ишарети* 'мягкий знак';

Антонимия терминов. Проблемы антономии рассматриваются учёными с разных позиций. Некоторые учёные считают, что явление антонимии в подъязыке существенно не

отличается от соответствующего явления в общелитературном языке [Даниленко, 1977, с. 79]. Другие отмечают существование в терминосистеме не столько антонимов, сколько понятийных терминологических оппозиций [Куликова, Салмина, 2002, с. 41–42]. С. Е. Никитина пишет о более широком понятии — коррелятах (терминах, относящихся к одной категории, но противопоставленных по некоторому существенному признаку) и подчеркивает, что в его смысловой объём, в первую очередь, входит антонимия, которая включает контрарные (отношения противоположности) и контрадикторные отношения (отношения противоречия) [Никитина, 2010, с. 85–86].

В лингвистической терминологии крымскотатарского языка мы выделим следующие типы коррелятивных отношений:

1. Антонимы, связанные контрарными отношениями (термины, выражающие видовые понятия, между которыми есть средний, промежуточный член): *тиль огю сеси* ‘переднеязычный звук’ // *тиль арты сеси* ‘заднеязычный звук’ (средний член — *тиль орта сеси* ‘среднеязычный звук’); *патлайыджы* ‘эксплозивный’ // *девалмы* ‘фрикативный’ (средний член — *патлайыджы-девалмы* ‘смычно-щелевой’); *кенъ созукъ сес* ‘гласный звук нижнего подъёма’ // *тар созукъ сес* ‘гласный звук верхнего подъёма’ (средний член — *орта-кенъ созукъ сес* ‘гласный звук среднего подъёма’). Противопоставления такого типа в крымскотатарской лингвистической терминологии встречаются в небольшом количестве.

2. Антонимы, связанные комплементарными отношениями (видовые пары, дополняющие друг друга и являющиеся предельными по своему характеру): *фишьлинь менфий шекли* ‘отрицательная форма глагола’ // *фишьлинь мусбет шекли* ‘положительная форма глагола’, *кечиджи фишь* ‘переходный глагол’ // *къалыджы фишь* ‘непереходный глагол’, *ачыкъ эджа* ‘открытый слог’ // *япыкъ эджа* ‘закрытый слог’, *теклик* ‘единственное число’ // *чокълукъ* ‘множественное число’, *саде кечкен заман* ‘простое прошедшее время’ // *муреккен кечкен заман* ‘сложное прошедшее время’, *чокъманалы сёз* ‘многозначное слово’ // *бирманалы сёз* ‘однозначное слово’, *асыл сёз* ‘непроизводное слово’ // *ялма сёз* ‘производное слово’, *дудакълы* ‘губной’

// *дудакъсыз* 'негубной', *адий джумле* 'простое предложение' // *муреккеп джумле* 'сложное предложение', *мустакъиль сёз чешити* 'самостоятельная часть речи' // *ярдымджы сёз чешити* 'служебная часть речи', *кочюрильме лаф* 'прямая речь' // *къыя лаф* 'косвенная речь' и др.

3. Корреляты — соподчинённые видовые понятия: *баш джумле* 'главное предложение' // *таби джумле* 'придаточное предложение', *баш сёз* 'главное слово' // *таби сёз* 'зависимое слово' и др.

Родо-видовые отношения в крымскотатарской лингвистической терминологии. Родо-видовые отношения — это связи между словами или словосочетаниями, отражающие отношения более общих понятий к словам с частным значением. Подобные характеристики называют также классифицирующими. Среди них выделяют родовые (определяющие) понятие и видовые признаки, добавляемые к родовому понятию. Родовое понятие вместе с видовыми признаками образует отдельный класс понятий.

Родо-видовые (гиперо-гипонимические) отношения являются одним из основных типов понятийных связей между терминами. По мнению исследователей, «родо-видовая классификация в терминологии играет гораздо более важную роль, чем в системе общелитературной лексики» [Никитина, 2010, с. 70]. Классификация терминов, основанная на отношениях род — вид, позволяет объективно выделить сходные базовые понятия в каждой предметной области, сгруппировать вокруг этих ядерных центров подчинённые им периферийные понятия и создать общую классификационную схему понятий в какой-либо отрасли знания [Попова, 2004, с. 115]. Этот тип отношений позволяет определить место того или иного термина в системе и таким образом установить характер связей между единицами.

Исследование родо-видовых отношений в лингвистической терминологии крымскотатарского языка, на наш взгляд, позволит смоделировать её понятийное поле, выделить ближайшие родовые и видовые признаки для определения термина. Подобное исследование актуально при идеографическом описании терминов лингвистики и составлении толковых терминологических словарей, которые строятся на данных определениях.

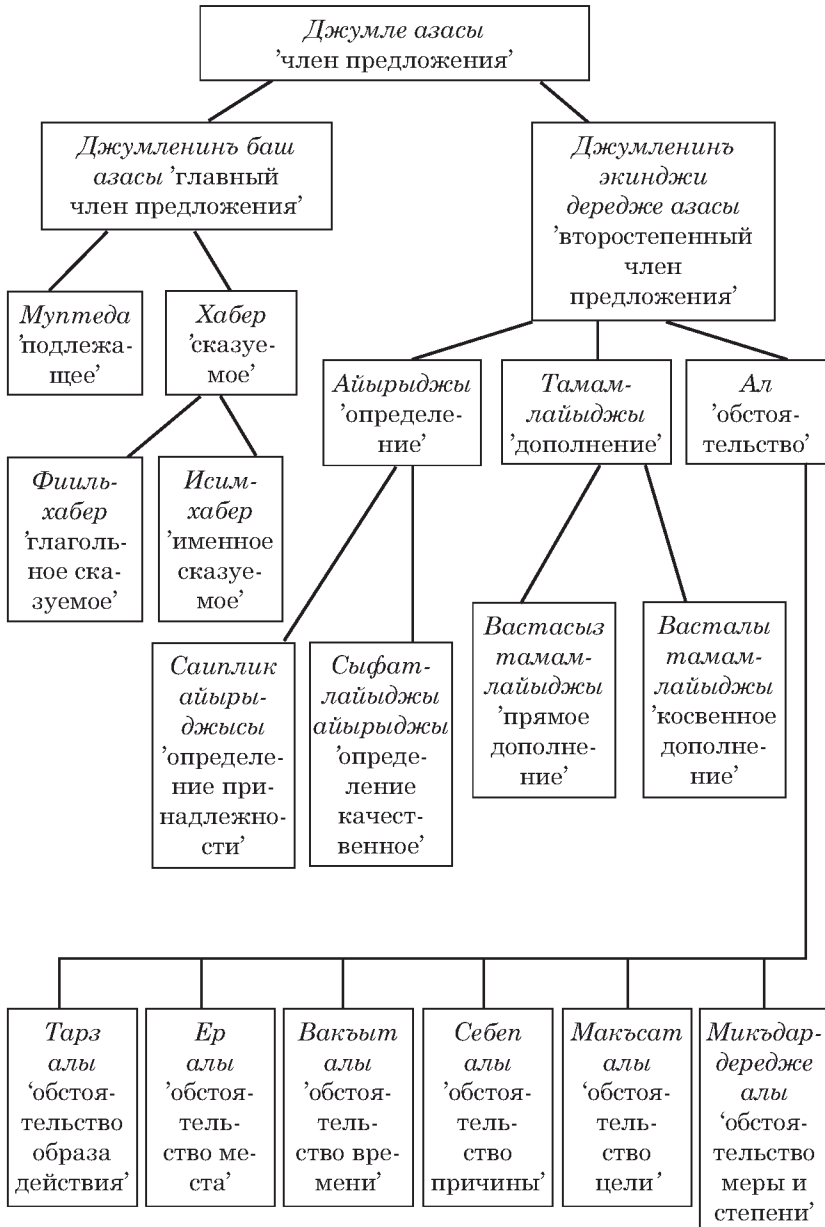
Изучение иерархических связей типа «род — вид», «часть — целое» в лингвистической терминологии крымскотатарского языка позволяет выявить особенности системы данных отношений.

Некоторые исследователи помимо отношений «род — вид» выделяют такие семантические связи, как «часть — целое» («целое — часть»), «уровень — единица уровня», «процесс — результат процесса», «процесс — свойство» и др. (С. Е. Никитина, Т. Л. Канделаки, Х. Ф. Исхакова). Эти отношения также называют партитивными (имеющими количественно-разделительное значение, целое — часть). Помимо перечисленных, авторы отмечают существование так называемых тотативных определений. Их специфика заключается в том, что видовой признак не делит родовое понятие, а лишь формально является основанием этого разделения. Родовое понятие, таким образом, составляется из видовых представителей [Шелов, 2001, с. 3].

Родо-видовые отношения охватывают значительную группу терминов лингвистической терминологии крымскотатарского языка и создают терминологические микросистемы, входящие в метаязык. Особенно распространены они в фонетической, морфологической и синтаксической терминологии. Например, фонетический термин *нутукъ сеси* 'звук речи' является родовым для терминов *созукъ сес* 'гласный звук', *тутукъ сес* 'согласный звук' и др.; родовой термин *исим* 'имя существительное' имеет следующие коррелятивные пары: *хас исим* 'собственное существительное', *джыныс исим* 'нарицательное существительное', *джыйма исим* 'собирательное существительное' и пр. Несмотря на кажущуюся простоту установления данных семантических отношений, выявление ближайшего родового понятия к определяемому не столь просто [Шелов, 1996, с. 73]. Прежде всего, эти отношения «осложнены многокачественностью, многоаспектностью явления» [Куликова И. С., Салмина, 2002, с. 44].

Рассмотрим в качестве примера фрагмент родо-видовых связей в синтаксической терминологии крымскотатарского языка (см. схему 3.2.) За основу взята схема, представленная в учебнике Э. С. Акмоллаева [Акмоллаев, 1989].

Схема 3.2.

Как видно из схемы, описываемые отношения достаточно сложные, многоуровневые. Например, термин *джумленинь баш азасы* 'главный член предложения' является видовым понятием по отношению к термину *джумле азасы* 'член предложения'. При этом первый из указанных терминов является родовым по отношению к терминам *муптеда* 'подлежащее' и *хабер* 'сказуемое'. Термин *тамамлайыджы* 'дополнение' выступает как родовой по отношению к терминологическим единицам *вастасыз тамамлайыджы* 'прямое дополнение' и *васталы тамамлайыджы* 'косвенное дополнение', но как видовой к термину *джумленинь экинджи дередже азасы* 'второстепенный член предложения'.

Авторы, описывающие гиперо-гипонимические отношения в фонетической терминологии, традиционно используют классификацию согласных звуков [Головин, Кобрин, 1987, с. 60; Исакова, 1987, с. 13]. Следуя традиции, мы взяли данную классификацию для иллюстрации родо-видовых отношений в фонетической терминологии крымскотатарского языка. Термин *тутукъ сес* является гиперонимом для целого ряда видовых названий: *тиль тутугъы* 'язычный согласный', *дудакъ тутугъы* 'губной согласный', *патлайыджы тутукъ* 'взрывной согласный', *девалмы тутукъ* 'щелевой согласный', *шувультилы тутукъ* 'шумный согласный', *давушлы тутукъ* 'сонорный согласный' и пр. Некоторые из указанных видовых понятий по отношению к подвидам являются родовыми. Например, *дудакъ тутугъы* 'губной согласный' имеет подвиды *дудакъ-дудакъ тутугъы* 'губно-губной согласный' и *дудакъ-тиш тутугъы* 'губно-зубной согласный'. Гипоним *шувультилы тутукъ* 'шумный согласный' имеет подвиды *яньгъыравукъ тутукъ* 'звонкий согласный' и *сагъыр тутукъ* 'глухой согласный'.

На основании проанализированного материала можно сделать вывод, о том, что родо-видовые отношения в фонетической терминологии также носят многоуровневый характер.

Исследователи отмечают, что содержание видового понятия шире родового и включает в себя большее число семантических компонентов, чем значение родовых понятий [Головин Б. Н.,

Кобрин, 1987, с. 59]. Сравним терминологические единицы *сеслернинъ комбинатор денъишмелери* 'комбинаторные изменения звуков' и *бенъзешме* 'ассимиляция'. В семантической структуре гиперонима *сеслернинъ комбинатор денъишмелери* 'комбинаторные изменения звуков' выделяются следующие семантические компоненты: «изменение гласных и согласных звуков», в «потоке речи», «взаимовлияние звуков», тогда как семантическая структура гипонима *бенъзешме* 'ассимиляция' содержит дополнительные компоненты «направление влияния взаимодействующих звуков», «степень изменения звуков», «артикуляционно-акустические признаки звуков», «расстояние влияния взаимовлияющих звуков».

Анализ генетических особенностей терминов, входящих в отношения «род — вид», показывает, что термины-родовые понятия в большей степени являются гибридными сочетаниями (тюркский компонент + интернационализм или арабское заимствование, укоренившиеся в языке) или семантическими кальками лексем русского языка с использованием исконной лексики. В названиях отдельных разделов языкознания (видовых понятиях) преобладают интернационализмы. Например, термин *ярдымджы морфема* 'аффиксальная морфема' (гибридное словосочетание) является родовым по отношению к гипонимам *префикс* и *постфикс*. Данные видовые понятия в крымскотатарском языке номинируются интернационализмами или передаются описательно, например, префикс — *тамырынъ огюнде кельген аффикс* 'аффикс, стоящий перед корнем'; суффикс — *тамырдан сонъ кельген аффикс* 'аффикс, стоящий после корня'. Рассмотрим другой пример: гипероним *янъы сёз* 'неологизм' (тюркское словосочетание) в современном крымскотатарском языке связан видовыми отношениями с терминами *лексик неологизм* 'лексический неологизм' и *семантик неологизм* 'семантический неологизм'. Данная тенденция особенно заметна в родо-видовых отношениях терминов разделов фонологии, лексикологии, семасиологии, фразеологии, словообразования. Очевидно, это можно объяснить тем, что терминология данных областей крымскотатарского языкознания в достаточ-

ной степени ещё не разработана и имеется немало терминологических лакун.

Как считают многие учёные, родо-видовые отношения являются наиболее важными для иерархической классификации типов терминологических определений, так как именно они задают последовательную родо-видовую иерархию терминологических понятий [Шелов, 2001, с. 3]. Мы уже отмечали, что выявление типов терминологических отношений — сложный процесс. Например, в отдельных случаях вызывает сомнение, какое из определений является для термина ближайшим родовым. Рассмотрим пример, позволяющий подтвердить эту мысль. *Мунтеда* ‘подлежащее’ — *предмет анълаткъан, хабер тарафындан изалангъан джумленинь баш азасы* ‘член предложения, обозначающий предмет, признак которого раскрывается сказуемым’. В таком понимании подлежащего ближайшим для него родовым понятием может быть и *джумле азасы* ‘член предложения’, и *джумленинь баш азасы* ‘главный член предложения’, и *предмет анълаткъан джумленинь баш азасы* ‘член предложения, обозначающий предмет’, и *хабер тарафындан изалангъан джумленинь баш азасы* ‘член предложения, обозначающий предмет, признак которого раскрывается сказуемым» [Акъмоллаев, с. 28].

По мнению исследователей, совокупность терминологических понятийных отношений и, в частности, родо-видовых отношений, должна выводиться из текстового материала. В первую очередь, это может быть материал дефиниций. При определении родового фрагмента, прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что «родовой фрагмент дефиниции, являющийся частью определяющего выражения, должен обладать свойством смысловой законченности» [Шелов, 1996, с. 74—75].

Партиитивные отношения в крымскотатарской лингвистической терминологии. Предметные отношения между частью и целым называют партиитивными. К партиитивным отношениям исследователи относят такие отношения, как «целое — часть», «уровень — единица уровня», «объект науки — дисциплины» и др. Для обозначения понятия и имени части чаще

всего используется термин *партитив*, однако известны также термины *партоним* и *мероним*. Для обозначения понятия и имени целого употребляется термин *холоним*. Лингвисты отводят партитивным семантическим связям заметное место в ряду других парадигматических отношений и рассматривают их как второй возможный тип гипонимических отношений в лексике после родо-видовых [Кузнецова, 1989, с. 45]. Анализ указанных оппозиций даёт представление «о месте термина в системе описания, т.е. об атрибутах терминов как знаков метаязыка» [Никитина, 2010, с. 69]. Эти отношения подробно описаны в трудах отдельных авторов (С. Е. Никитина, Т. Л. Канделаки, Х. Ф. Исхакова). Рассмотрим, как реализуются отдельные типы партитивных связей в лингвистической терминосистеме крымскотатарского языка.

Целое // часть (компонент). Эти отношения можно охарактеризовать как двустороннюю зависимость: «часть — то, что без целого не существует, не реализует своих возможностей; целое — то, что перестает существовать, если отнять любую его часть» [Никитина, 2010, с. 74]. Они достаточно широко представлены в фонетической, морфологической и синтаксической терминологии крымскотатарского языка. Например, *ибаре* ‘фраза’ — *такт* ‘такт’, *эджа* ‘слог’ — *сес* ‘звук’, *джумле* ‘предложение’ — *джумле азасы* ‘член предложения’, *сёз бирикмеси* ‘словосочетание’ — *баш сёз* ‘главное слово’ и *таби сёз* ‘зависимое слово’, *сёз шекли* ‘словоформа’ — *тамыр* ‘корень’, *табили муреккен джумле* ‘сложноподчиненное предложение’ — *табий джумле* ‘придаточное предложение’. В приведённых примерах первые термины выражают «целое», вторые являются их частью, элементом. Реализация «целого» невозможна без реализации её компонентов, т.е. *ибаре* ‘фраза’ как отрезок речи не может существовать без понятия *такт* ‘такт’ и т.д.

С. Е. Никитина отмечает, что «отношение «часть — целое» в узком смысле — онтологическое отношение» [Там же. С. 75]. Это подтверждают такие примеры: понятие *табий джумле* ‘придаточное предложение’ является обязательным признаком для *табили муреккен джумле* ‘сложноподчиненное предложение’;

понятие *тамыр* ‘корень’ — необходимый компонент для *негиз* ‘основа’, понятие *ялгъама* ‘аффикс’ — сущностная характеристика для *сѣз шекили* ‘словоформа’.

В лингвистике выявлено существование разных степеней облигаторности (обязательности) того или иного отношения между языковыми объектами. Зависимость может быть односторонней и двусторонней [Там же. С. 75]. Например, между терминами *агглютинация* ‘агглютинация’ и *аффиксле* ‘аффиксация’ — односторонняя зависимость: *агглютинация* ‘агглютинация’ — способ образования словоформ и новых слов, при котором к неизменяемым основам или корням присоединяются стандартные однозначные аффиксы [Словарь-справочник лингвистических терминов по курсу «Введение в языкознание», 1995, с. 77]. Термин же *аффиксле* ‘аффиксация’ используется не только при определении способа агглютинации. Он является также обозначением одного из основных способов выражения грамматического значения в языках мира [Там же. С. 56].

Дисциплина / метаязык. Объект науки / дисциплины, аспект (языка). Все эти отношения близки друг другу. Анализ связей «дисциплина / метаязык» позволяет проследить, «к какой теории (направлению) и к какой дисциплине по языкам-объектам относится термин» [Никитина, 2010, с. 79]. Например, можно сказать, что термины *мулькиет аффикслери* ‘аффиксы принадлежности’, *хаберлик аффикслери* ‘аффиксы сказуемости’ относятся к тюркологии, в том числе к крымскотатарскому языкознанию. Они не характерны для метаязыка славистики. Указание, к какому направлению относится термин, по мнению исследователей, является очень важной его характеристикой в металингвистическом плане [Там же. С. 79].

Существенными для описания значений терминов являются отношения «объект науки / дисциплины». Все лингвистические термины, за исключением названий самих лингвистических дисциплин, обозначают объекты какой-либо из этих дисциплин [Исхакова, 1987, с. 21]. Например, термин *позицион денъишмелер* ‘позиционные изменения’ является объектом дисциплины *сес бильгиси // фонетика* ‘фонетика’, термин *лексик мана* ‘лексическое значение’ — объектом дисциплины *сѣз бильгиси // лек-*

сикология 'лексикология', термин *сёз бирикмеси* 'словосочетание' — объектом дисциплины *синтаксис* 'синтаксис' и т.д.

При анализе внутрилингвистических отношений «аспект» выявляется, к какому из общепринятых аспектов исследования языка (коммуникативному, номинативному, письменная речь — устная речь и др.) относится понятие, обозначенное каким-либо термином [Никитина, 2010, с. 78]. Например, термин *нутукъ сеси* 'звук речи' относится к аспекту «устная речь»; термин *хаберлик // предикативлик* 'предикативность' — коммуникативному аспекту, термин *исим* 'имя существительное' — номинативному аспекту и т.д.

Омонимия и полисемия в лингвистической терминологии крымскотатарского языка. Терминологии, представляющей часть лексической системы языка, свойственны также лексико-семантические явления омонимии и полисемии, связанные с асимметрией знака. Однако в пределах специальной лексики они имеют отличительные особенности по сравнению с общеупотребительными словами.

Омонимия терминов. Омонимия — звуковое совпадение языковых единиц, различных по значению. Совпадение формы слов может возникнуть в процессе исторических изменений в фонетической системе и при заимствованиях, а также в результате расщепления полисемии. В связи с этим различают несколько типов омонимов: этимологические, словообразовательные, семантические. По мнению учёных, самым продуктивным и исторически наиболее сложным является последний тип, который образовался в результате разрыва первоначально единой семантики многозначного слова [Лингвистический энциклопедический словарь, 2002, с. 345]. Как свидетельствуют исследования, в терминологических системах чаще представлен именно этот тип омонимов [Даниленко, 1977, с. 69—70].

Различается межнаучная и внутринаучная омонимия. Вторая разновидность омонимов, по мнению специалистов, вносит неясность и затрудняет восприятие теоретического материала, а потому, на наш взгляд, справедливо расценивается как нежелательная в языке науки [Лемов, 2000, с. 138; Куликова, Салмина, 2002, с. 28].

Анализ омонимических отношений в лингвистической терминологии крымскотатарского языка показывает, что такие отношения возникают между словом литературного языка и лингвистическим термином. Например: *Ал* I — ‘положение, состояние’, *Ал* II — ‘румяный’, *Ал* III — лигв. ‘обстоятельство’; *Сыфат* I — ‘облик, образ, свойство’, *Сыфат* II — лигв. ‘имя прилагательное’; *Хабер* I — ‘сообщение, весть’, *Хабер* II — ‘сказуемое’; *Исим* I — ‘имя’, *Исим* II — лигв. ‘имя существительное’. Вопрос о том, имеем ли мы дело в данном случае с собственно омонимией или с многозначностью, сложен. Подобные примеры в лингвистической литературе относят и к явлениям метафорического переноса значений, и к случаям омонимии.

В переводных словарях крымскотатарского языка данные термины поданы как особые специализированные семемы, т.е. в структуре многозначного слова. Хотя в некоторых случаях, в большей или в меньшей степени, улавливается семантическая близость анализируемых единиц, мы склонны отнести их к лексическим омонимам. На наш взгляд, попав в язык науки, они изменили свою семантическую структуру, о чем свидетельствует сопоставление дефиниций термина и толкования общепотребительного слова. Например, как указывалось ранее, общепотребительная лексема *хабер* соотносится с дефиницией ‘сообщение, весть’. В терминологии она употребляется только в значении «главный член предложения, выражающий признак, приписываемый подлежащему». Как видим, компонентный состав терминологической единицы существенно отличается, что и привело к расщеплению полисемии и образованию омонимичной пары.

Для крымскотатарской лингвистической терминосистемы характерна и межнаучная омонимия, при которой за омонимичными единицами закреплены разные значения и функционируют они в различных терминосистемах. Например, термин *тамыр* в крымскотатарском языке функционирует в нескольких терминосистемах: в лингвистической — *тамыр* ‘корневая морфема’, в ботанической и биологической — *тамыр* ‘корень’ (растения), в математической — *тамыр* ‘корень’ (уравнения).

Заемствованный термин *ассимиляция* функционирует в лингвистической (как вид комбинаторных изменений звуков в потоке речи) и общественно-политической (уподобление кому, чему-нибудь) терминосистемах.

По мнению отдельных исследователей, для того, чтобы понять, к какой терминологической системе относится термин, надо иметь минимальный контекст, например, словосочетание [Куцак, с. 75]. Обычно коррелятивные пары подобных межнаучных терминов не вступают в другие системные отношения. Например, *тамырдаш сёз* ‘однокоренное слово’ (гипероним *тамыр*), *аслий сыфат* ‘качественное прилагательное’ (гипероним *сыфат*), *узакъ ассимиляция* ‘дистантная ассимиляция’ (гипероним *ассимиляция*) — в лингвистической терминологии, *тамыр емиш* ‘корнеплод’ — в ботанической не имеют синонимических и омонимических оппозиций.

В лингвистической терминологии крымскотатарского языка наблюдается и внутринаучная омонимия. В качестве примера можно привести следующие пары омонимов:

дередже I — степень сравнения (*сыфатнынъ устюнлик дереджеси* ‘превосходная степень имени прилагательного’);

дередже II — залог глагола (*фиильнинъ юклетюв дереджеси* ‘страдательный залог глагола’);

сайы I — имя числительное (*сыры сайылары* ‘порядковые числительные’);

сайы II — категория числа (*исимнинъ сайы категориясы* ‘категория числа имени существительного’).

В плане лексикографической подачи этих терминов наблюдается отсутствие единообразия. В «Крымскотатарско-русском словаре» С. М. Усеинова [Крымскотатарско-русский словарь, 1994] эти термины подаются в одной словарной статье, т.е. как разные семемы внутри многозначного слова. В «Словаре-справочнике лингвистических терминов крымскотатарского языка» под редакцией А. М. Эмировой [Эмирова, Ганиева, Сейдаметова, 2008, с. 35–41] указанные термины даются в отдельных словарных статьях, но не как отдельные термины, а как компоненты терминов-словосочетаний: *фииллерде дередже кате-*

гориясы 'залоговая категория глагола', *юклетюв дереджеси* 'принудительный залог', *сыфат дереджеси* 'степень сравнения имени прилагательного', *сыфатнынъ устюнлик дереджеси* 'превосходная степень имени прилагательного' и др. Мы разделяем вторую точку зрения, так как эти лексемы имеют разные дефиниции и функционируют в разных микросистемах: *дередже I* 'степень сравнения' — грамматическая категория качественных прилагательных и наречий, выражающая относительную разницу и превосходство в качестве, присущем предметам или действиям [Словарь-справочник лингвистических терминов, 1976, с. 465]; *дередже II* 'залог глагола' — грамматическая категория, обозначающая различные отношения между субъектом и объектом действия [Там же. С. 105].

Рассмотрим второй пример: *сайы I* 'имя числительное' — часть речи, характеризующаяся семантическими, морфологическими и синтаксическими признаками; *сайы II* 'категория числа' — лексико-грамматическая категория имени существительного, находящая своё выражение в противопоставлении соотносительных форм единственного и множественного числа [Там же. С. 530]. Подобные лингвистические явления порождают коммуникативные сложности, поскольку, фактически функционируя в разных микросистемах, они относятся к одному разделу языкознания (грамматике), и поэтому существует высокая степень вероятности их столкновения в пределах одного текста.

Таким образом, несмотря на то, что внутринаучная омонимия в лингвистической терминологии крымскотатарского языка представлена в ограниченном количестве, можно говорить о том, что существование такого феномена актуализирует необходимость стабилизации и упорядочения данной системы терминов.

Полисемия терминов. Под полисемией следует понимать наличие у единицы языка двух или нескольких значений. Различают основные и производные значения, последние делятся на номинативно-производные и переносные.

Стремление термина к однозначности сдерживает развитие полисемии в терминосистеме. Несмотря на это, многозначность в терминологии — явление не редкое.

Для исследования явления полисемии в лингвистической терминологии крымскотатарского языка мы обратились к словарю «Къырымтатар тили тильшынаслыкъ терминлерининъ лугъаты» («Словарь-справочник лингвистических терминов крымскотатарского языка» [Эмирова, Ганиева, Сейдаметова, 2008]. В 134 словарных статьях указанного словаря 13 терминологических единиц обозначены как многозначные. Большинство из них — двузначные: *грамматика*, *графика*, *имля* ‘орфография’, *морфология*, *орфоэпия*, *шекиллер сырасы* ‘парадигма’, *сайы категориясы* ‘категория числа’, *паронимлер* ‘паронимы’, *синтагма*, *синтаксис*, *фразеология*, *шиве бирлеми* ‘диалектизм’, *этимология*. Следовательно, процент многозначных терминов невысок. Это иллюстрирует стремление термина к однозначности.

По соотношению значений указанные полисеманты можно разделить на следующие типы:

— термины, обозначающие аспект языка и дисциплину, изучающую данный аспект. Например, *имля* ‘орфография’ — 1. Система правил, обеспечивающих единообразное написание слов и их значимых частей. 2. Раздел языкознания, изучающий нормы написания слов и их значимых частей.

— термины, различающиеся по широте значения. Например, *шекиллер сырасы* ‘парадигма’ — 1. Класс языковых единиц, противопоставленных друг другу на основе ассоциаций (по сходству формы, содержания и пр.). 2. Совокупность грамматических форм одного слова. Как видно из примера, понятийное значение второй лексемы сужено и более конкретно, нежели первого, более широкого.

— термины, обозначающие признак, принадлежащий одновременно двум категориям. Например, *сайы категориясы* ‘категория числа’ — выражает: 1) лексико-грамматическую категорию, свойственную именам существительным и личным местоимениям; 2) синтаксическую категорию глагола.

Указанные типы многозначности лингвисты определяют как категориальную многозначность, состоящую в том, что содержание понятия составляется из признаков, принадлежащих одновременно нескольким категориям [Даниленко, 1977, с. 68].

В крымскотатарской лингвистической терминологии наблюдаются единичные случаи вариантности толкования терминов. Например, термин *шиве* в научной литературе используется как в значении «диалект», «говор», так и в значении «наречие»: *дженюбий шиве* ‘южный диалект’ и *Судакъ шивеси* ‘судакское наречие’. Следует отметить, что наряду с данным термином в крымскотатарской диалектологии употребляется термин *лехче* ‘говор’, также передающий в ряде случаев понятия «наречие». Заметим, что указанные лингвистические термины и соответствующие им понятия до сих пор не получили достаточно полного определения и вызывают дискуссии среди тюркологов [Kenan Acar, 2001, с. 137; Чобан-заде, 2003, с. 36], хотя в трудах современных крымскотатарских исследователей [Изидинова, 1982; Мазинов, 2004] они активно используются, а в ряде случаев осуществляется попытка их уточнения [Мазинов, 2004, с. 29].

Терминологические блоки в крымскотатарской лингвистической терминологии. В качестве парадигматической категории можно рассматривать и терминологические блоки. Термин «терминологический блок» в данной работе использован для обозначения совокупностей терминов, относящихся к определенному разделу языкознания. Как известно, в языкознании традиционно выделяются следующие разделы: фонетика, фонологи, лексикология, морфология, синтаксис и др.

Для описания терминологических блоков в крымскотатарской лингвистической терминологии был использован составленный нами словарь [Словарь крымскотатарских лингвистических терминов и метаязыковых единиц, 2008], в который вошли единицы, извлечённые методом сплошной выборки из различных источников — учебных пособий и словарей. Он содержит около 850 терминологических и метаязыковых единиц, которые сгруппированы в тематические блоки, соответствующие разделам языкознания. В блоках термины расположены по алфавиту, а также на основе логических (родо-видовых) связей. Такое расположение материала отражает системные связи терминов внутри каждого раздела, позволяет выявить терми-

нологические лакуны, имеющиеся в них, а также продумать пути их восполнения.

Принадлежность терминов к разным ступеням классификации выделяется отступом от левого края. Термины первого уровня (родовые) выделены полужирным шрифтом.

Например:

Тутукъ сес — ***согласный***

Тиль сеси — язычный звук

Тиль огю сеси — переднеязычный звук

В словаре выделены следующие блоки:

блок I — Основные термины курса «Общее языкознание» (38 единиц). В эту группу могут быть отнесены термины — названия явлений и категорий, использующиеся при изучении курсов «Общее языкознание» и «Введение в языкознание»: *тиллер къорантасы* ‘языковые семьи’, *тиллернинъ морфологик таснифи* ‘морфологическая классификация языков’, *мукъаесели тильшынаслыкъ* ‘сравнительное языкознание’, *тиль бирлеми* ‘языковая единица’, *тиль ишарети* ‘языковой знак’ и пр.;

блок II — Фонетика и фонология (203 единицы): 1) фонетические термины *арт сыра сеси* ‘звук заднего ряда’, *сеснинъ акустик аляметлери* ‘акустические свойства звука’, *ургу* ‘ударение’, *ачыкъ эджа* ‘открытый слог’ и др.; 2) фонологические термины *фоногизациялашмакъ* ‘фонологизироваться’, *фонема / тиль сеси* ‘фонема’, *фонологик транскрипция* ‘фонологическая транскрипция’ и др. Эта разновидность лингвистических терминов представлена в исследуемой терминосистеме в малом количестве, что свидетельствует о неразработанности в крымскотатарском языкознании терминов данного раздела;

блок III — Графика (11 единиц): *ариф* ‘буква’, *басма ариф* ‘печатная буква’, *графема* ‘графема’ и пр.;

блок IV — Орфография (11 единиц): *имлянынъ принциплери* ‘принципы орфографии’, *имля къаиделери* ‘правила орфографии’ и др.;

блок V — Орфоэпия (5 единиц): *орфоэпия* ‘орфоэпия’, *орфоэпик норма* ‘орфоэпическая норма’, *орфоэпик лугъат* ‘орфоэпический словарь’, *орфоэпик къаиде* ‘орфоэпическое правило’;

блок VI — Лексикология, лексикография и фразеология (155 единиц): *кочьме мана* 'переносное значение', *себеппленген сёз* 'мотивированное слово', *умумий ад* 'гипероним', *манадашлыкъ сырасы* 'синонимический ряд', *лугъат* 'словарь', *имля лугъаты* 'орфографический словарь', *тургъун сёз бирикмеси* 'устойчивое словосочетание' и др.;

блок VII — Стилистика (9 единиц): *услуобиет* 'стилистика', *авам халкъ тили* 'просторечие', *басма услуоби* 'публицистический стиль', *ильмий услуп* 'научный стиль', *кери тертип* 'инверсия' и пр.;

блок VIII — Морфология (194 единицы): *сёз чешити* 'часть речи', *джыйма исим* 'собирательное существительное', *чыкъыш келиши* 'исходный падеж', *сыфатнынъ тенъештирюв дереджеси* 'сравнительная степень имени прилагательного', *ер зарфы* 'наречие места', *кечкен заман фиили* 'глагол прошедшего времени', *багълайыджы* 'союз' и пр.;

блок IX — Словообразование (55 единиц): *сёз япув ювасы* 'словообразовательное гнездо', *сёз япув зынджыры* 'словообразовательная цепь', *ярдымджы морфема* 'служебная морфема' и др.;

блок X — Синтаксис (162 единицы): *джумленинъ баш азасы* 'главный член предложения', *адлав джумлеси* 'назывное предложение', *багълайыджысыз тизме мураккеп джумле* 'бессоюзное сложносочиненное предложение', *кириш джумле* 'вводное предложение' и др.

В составе некоторых терминологических макроблоков могут быть выделены микрогруппы. Например, макроблок «Фонетика» можно разделить на следующие подгруппы:

1) «звуковой состав языка»: *сес* 'звук', *созукъ сес* 'гласный звук', *сагъыр сес* 'глухой звук', *сеснинъ артикуляцион аляметлери* 'артикуляционные свойства звука' и др.;

2) «фонетические единицы речи»: *сегментли бирлемлер* 'сегментные единицы', *интонация* 'интонация', *фонетик сёз* 'фонетическое слово' и др.;

3) «изменения звуков в потоке речи»: *уюшма* 'аккомодация', *нутукъ сеслерининъ позицион денъишмелери* 'позиционные изменения звуков речи', *авуштырма* 'метатеза' и пр.

Анализ количественного объёма выделенных терминологических блоков и полноты охвата терминами, представленными в этих группах, явлений и категорий какого-либо раздела языкознания показывает, что не все разделы языкознания «укомплектованы» терминами. Например, можно говорить о неразработанности терминов по разделам «Семасиология», «Семантика», «Фонология» и др.

3.4. Эпидигматические (деривационные) отношения в лингвистической терминологии крымскотатарского языка

Вопросам терминологического словообразования посвящено немало работ [Даниленко, 1973; Даниленко, 1977; Квитко, 1979; Куликова, Салмина, 2002]. Общим для многих учёных является признание того, что терминология не располагает особыми способами образования терминов, а использует те же средства, с помощью которых создаются общеупотребительные единицы. В то же время исследователи отмечают, что для терминологического словообразования характерны свойственные только ему черты [Даниленко, 1973, с. 76]. Например, В. П. Даниленко пишет, что «словообразующий акт создания терминов несколько сложнее аналогичного процесса для общеобиходного слова. Если для последнего достаточным можно считать использование одного из существующих способов словопроизводства, то для термина необходимо словесное раскрытие содержания терминологической номинации, т.е. дефиниция понятия» [Там же. С. 77]. Для терминологии важно, чтобы понятие одной терминологической категории выражалось при помощи словообразовательных средств, которые не используются для создания единиц, обозначающих понятия другой терминологической категории. Таким образом, каждая терминологическая категория должна иметь свои словообразовательные модели. Конечно, это идеальное условие не всегда в полной мере выполнимо, но стремление к нему существенно для системной организации терминологии [Бутрим, 1986, с. 25].

В. П. Даниленко полагает, что основные особенности терминологического словообразования заключаются в следующем:

1) термины возникают в ограниченной среде профессионалов и употребляются в строго терминологической функции только в специальной литературе и в профессиональном общении;

2) терминологическое словообразование — процесс сознательный, что делает его контролируемым и регулируемым;

3) акт терминологического словообразования зависит от «классификации понятий, в ряду которых будет находиться вновь образуемый термин» [Даниленко, 1973, с. 76—78].

Исследование особенностей терминологического словообразования способствует лингвистической нормализации терминосистемы, т.е. моделированию «языковой правильности образования и употребления терминов» [Кияк, 1989, с. 61].

Специфика терминологической номинации раскрывается при анализе различных способов образования новых терминов.

Способы терминообразования в крымскотатарском языке. Один из основных путей пополнения терминологической базы крымскотатарского языка — использование национального языка и его словообразовательных возможностей. Традиционно выделяют два способа терминообразования за счёт внутренних ресурсов языка: 1) лексико-семантическое терминообразование; 2) моделированное терминообразование (использование словообразовательных моделей языка).

Лексико-семантическое терминообразование. Под лексико-семантическим способом словообразования понимают образование новых слов в результате распада полисемии, приобретение лексической единицей других значений. По мнению Ф. А. Ганиева, этот путь является самым ёмким и экономичным, поскольку язык на базе существующих слов развивает свою лексическую систему, не прибегая к образованию новых слов и заимствованию из других языков [Ганиев, 2005, с. 7].

Одним из самых распространенных способов создания различных терминосистем является использование общеупотребительных слов в функции терминов. Когда новое явление обнаруживает нечто общее с тем, что известно из прежнего опыта,

выделение и закрепление этого общего осуществляется посредством национального языка. Новые понятия формируются на базе слов, имеющих в данном языке.

Семантический способ образования терминов является важным источником пополнения крымскотатарской лингвистической терминосистемы. Ряд лингвистических терминов образовался в нём в результате терминологизации общеупотребительных слов.

Рассмотрим несколько слов, используемых как в общеупотребительной лексике, так и в лингвистической терминологии крымскотатарского языка.

Слово *шахыс* в крымскотатарском литературном языке имеет значения: 1. Личность. 2. Лицо. В лингвистической терминологии крымскотатарского языка анализируемая лексема является наименованием понятия «грамматическая категория, обозначающая отношения предмета или действия к говорящему лицу».

Слово *сыфат* в общеупотребительной лексике имеет значения: 1. Облик. 2. Образ. 3. Свойство. В лингвистической науке используется как номинация части речи — имени прилагательного.

Слово *тырнакъ* в общеупотребительной лексике обозначает: 1. Ноготь. 2. Коготь. В терминологической лексике является наименованием знака препинания (кавычки).

Слово *хабер* в общеупотребительной лексике имеет следующие значения: 1. Весть. 2. Сообщение. В терминологии используется как наименование члена предложения — сказуемого.

Слово *ал* в общеупотребительной лексике имеет значения: 1. Положение. 2. Состояние, самочувствие. 3. Случай. В терминологии используется для обозначения второстепенного члена предложения — обстоятельства.

Слово *сес* в общеупотребительной лексике имеет значения: 1. Голос. 2. Звук. 3. Писк. В терминологии используется для обозначения элемента произносимой речи — звука речи.

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что термины, необходимые для выражения специальных лингвистических понятий, образуются путём сужения семантической структуры

какого-либо общеупотребительного слова. Межстилевая лексема, терминологизируясь, приобретает специальное значение и становится моносемичной (или стремится к моносемии) в пределах терминосистемы. В то же время общеупотребительная лексическая единица, получая специальное терминологическое значение, продолжает функционировать и в своём основном значении.

Моделированное терминообразование (использование словообразовательных моделей языка). Формирование новых терминов на базе определённых языковых традиций осуществляется не только путём семантической деривации. Ещё одним продуктивным способом пополнения терминологической лексики, основанным на конкретном языковом опыте, является создание терминов от имеющихся корневых морфем по словообразовательным моделям, типичным для крымскотатарского языка. По мнению исследователей, новый термин входит в употребление быстрее, если он создан по продуктивной метаязыковой модели и обозначает чёткое, определенное понятие [Куликова И. С., Салмина, 2002, с. 117]. Например, в крымскотатарском языке одним из продуктивных словообразовательных аффиксов является *-даш/-деш*. В последнее время посредством этого форманта образованы следующие слова: *сыныфдаш* ‘одноклассник’, *ватандаш* ‘соотечественник’, *замандаш* ‘современник’, *зенаатдаш* ‘коллега’ и пр. Созданные по данной модели лингвистические термины также активно употребляются в языкознании: *арифдеш* ‘омограф’, *шекильдеш* ‘омоформа’, *манадаш* ‘синоним’, *сесдеш* ‘омофон’ и др.

Собственно словообразовательные языковые средства активно используются и при **калькировании** — образовании нового словосочетания, слова или нового значения слова путем буквального перевода соответствующей иноязычной языковой единицы [Лингвистический энциклопедический словарь, 2002, с. 211]. Калькирование, по мнению учёных, является одним из наиболее сложных способов усвоения слов и словосочетаний из других языков и в то же время одним из путей обогащения и развития лексики [Меметов, 2000, с. 227]. Выде-

ляются семантические, словообразовательные и фразеологические кальки [Сейдаметова, 2007].

В крымскотатарском языке калькирование активно используется при создании терминов. Например, термины *негиз* 'основа', *тамыр* 'корень', *сайы* 'имя числительное', *такълит* 'калька' и пр. — семантические кальки; *бенъезиме* 'ассимиляция', *зайыфлашма* 'редукция', *текрарланма* 'редупликация', *исимлешюв* 'субстантивация', *кѳошулма* 'протеза', *модаллик* 'модальность', *предикативлик* 'предикативность', *чокъмана-лылыкъ* 'многозначность' и др. — словообразовательные кальки; *аналитик шекиль* 'аналитическая форма', *грамматик мана* 'грамматическое значение', *тургъун сѳз бирикмеси* 'устойчивое словосочетание', *мантыкъий ургъу* 'логическое ударение', *мулькиет категориясы* 'категория посесивности' и пр. — фразеологические кальки.

Явление калькирования по-разному трактуется учёными. Например, Ф. А. Ганиев не относит его к самостоятельному способу словообразования, обосновывая это тем, что заимствованное слово является внешней моделью, «внутренняя структура которого полностью подчиняется словообразовательным нормам заимствующего языка» [Ганиев, 2005, с. 27]. Мы придерживаемся точки зрения, рассматривающей калькирование как один из путей обогащения лексики, который активизирует основные способы образования слов в крымскотатарском языке. Рассмотрим некоторые из них.

Аффиксация. В современном крымскотатарском языке в образовании лингвистических терминов участвуют около десяти различных терминообразующих аффиксов, имеющих фономорфологические варианты. Они обладают различной степенью частотности. Среди них выделяются шесть формантов, которые представлены в различных моделях:

1) аффикс *-ыджы* / *-иджи* образует термины от производных и непроеизводных основ по модели г+а (*багълайыджы* 'союз' ← *багъ+ла+й* ← *багълай+ыджы*, *айырыджы* 'определение' ← *айыр+ыджы*, *тамамлайыджы* 'дополнение' ← *тамам+ла+й* ← *тамам+лай+ыджы*, *умумийлештириджы* (сѳз) 'обобщаю-

щее слово' ← *умум+ий+леш+тир* ← *умумий+леш+тир+иджи, патлайыджы* 'взрывной' ← *пат+ла+й+ыджы* и др.);

2) аффикс *-лыкъ* / *-лик* образует термины:

а) от производных основ по следующим моделям: с+а (*тильшынаслыкъ* 'языкознание' ← *тиль+шынас* ← *тиль+шынас+тыкъ* и пр.); п+а (*уйгъунлыкъ* 'ассимиляция' ← *уй+гъун* ← *уй+гъун+тыкъ*, *чокъ+мана+лы+тыкъ* 'многозначность' ← *чокъ+мана+лы* ← *чокъ+мана+лы+тыкъ*, *къаршы+мана+лы+тыкъ* 'антонимия' ← *къаршы+мана+лы* ← *къаршы+мана+лы+тыкъ*, *устюнлик* (*дереджеси*) 'превосходная (степень)' ← *уст+юн* ← *уст+юн+лик*, *бельгисизлик* (*дереджеси*) 'неопределенно-личный (залог)' ← *бельги+сиз* ← *бельги+сиз+лик* и пр.);

б) непроеизводных с точки зрения крымскотатарского языка основ по модели с+а (*дереджелик* 'частица' ← *дередже+лик*, *саиплик* (*келиши*) 'родительный падеж' ← *саип+лик* и пр.); п+а (*предикативлик* 'предикативность' ← *предикатив+лик*, *модаллик* 'модалность' ← *модал+лик* и др.).

3) аффикс *-даш* / *-деш* образует термины от корневых основ по модели с+а (*манадаш* 'синоним' ← *мана+даш*, *сесдеш* 'омофон' ← *сес+деш*, *шекильдеш* 'омоформа' ← *шекиль+деш*, *арифдеш* 'омограф' ← *ариф+деш*, *сойдаш* (*аза*) 'однородный (член)' ← *сой+даш* и пр.

4) аффикс *-лы* / *-ли* образует термины:

а) от непроеизводных основ по моделям: с+а (*дудакълы* 'губной' ← *дудакъ+лы*, *сегментли* 'сегментный' ← *сегмент+ли*, *девамлы* 'фрикативный' ← *девам+лы*); п+а (*табили* 'подчиненное' ← *таби+ли* и др.);

б) производных основ по моделям: с+а (*шувултылы* 'шумный' ← *шувул+ты* ← *шув+ул+ты+лы*, *къапантылы* 'смычный' ← *къап+ан+ты* ← *къап+ан+ты+лы*); к+а (*бирманалы* 'однозначное' ← *бир+мана* ← *бир+мана+лы*, *чокъманалы* 'многозначное' ← *чокъ+мана* ← *чокъ+мана+лы* и пр.).

5) аффикс *-ма* / *-ме* образует термины по моделям:

а) от непроеизводных основ по модели г+а (*къошма* (*сёз*) 'сложное (слово)' ← *къош+ма*, *ялма* (*исим*) 'производное (существительное)' ← *ял+ма* и др.);

б) от основ глаголов, оформленных залоговыми аффиксами (*авуштырма* 'метатеза' ← *авуш+тыр* ← *авуш+тыр+ма*, *бенъзешиме* 'ассимиляция' ← *бенъзе+ш* ← *бенъзе+ш+ме*, *ую+ш+ма* 'аккомодация', *алынма* (сёз) 'заимствованное (слово)' ← *ал+ын* ← *ал+ын+ма*, *айырылма* (ал) 'обособленное (обстоятельство)' ← *айыр+ыл* ← *айыр+ыл+ма*, *тенъештирме* (категория) '(категория) сравнения' ← *тенъ+еш+тир* ← *тенъ+еш+тир+ме* и др.).

б) аффикс *-ик* является частотным в лингвистической терминологии крымскотатарского языка и образует термины на основе интернационализмов. Например, *фонетик* 'фонетический' ← *фонет+ик*, *лексик* 'лексический' ← *лекс+ик*, *морфологик* 'морфологический' ← *морфолог+ик* и др. (об этом см. подробнее: разд. II., параграф 3.1.).

Словосложение. Способ образования слов путём словосложения в крымскотатарской лингвистической терминологии малопродуктивен и представлен в исследуемой терминосистеме единичными примерами. Композиты обычно состоят из корневых морфем, являющихся именами существительными (*сыфатфииль* 'причастие' ← *сыфат+фииль*, *алфииль* 'деепричастие' ← *ал+фииль* и др.).

Лексико-синтаксический способ. Под лексико-синтаксическим способом понимается образование терминов-словосочетаний различного типа. Они широко представлены в изучаемой лингвистической терминологии и различаются количеством входящих в их состав компонентов, а также их генетической принадлежностью. Термины-словосочетания являются устойчивыми сочетаниями и обладают специфическими терминологическими значениями (об этом см. подробнее: разд. III, параграф 3.2.).

Терминологические гнёзда в крымскотатарской лингвистической терминологии. Традиционно под словообразовательными гнёздами понимается «упорядоченная отношениями производности совокупность слов, характеризующихся общностью корня» [Тихонов, 2002, с. 114]. В работе используется понятие «терминологическое гнездо», которое означает организованную совокупность терминов, имеющую общую производя-

щую основу. При этом дериваты могут быть однословными и составными.

Термины в крымскотатарской лингвистической терминологии можно объединить в словообразовательные макро- и микрогнёзда. Построение терминологических гнезд, на наш взгляд, даст возможность упорядочить совокупности терминов, выявить их словообразовательный потенциал, сопоставить деривационные возможности. Для иллюстрации данного положения рассмотрим терминологическое гнездо с исходным словом *келиш* 'падеж':

Терминологическое гнездо с исходным словом *келиш* 'падеж'

Келиш 'падеж'

Келиш категориясы 'категория падежа'

Баш келиши 'именительный падеж'

Саиплик келиши 'родительный падеж'

Васталы саиплик келиши 'определённая форма родительного падежа'

Вастасыз саиплик келиши 'неопределённая форма родительного падежа'

Догърултув келиши 'дательный падеж'

Тюшюм келиши 'винительный падеж'

Васталы тюшюм келиши 'определённая форма винительного падежа'

Вастасыз тюшюм келиши 'неопределённая форма винительного падежа'

Ер келиши 'местный падеж'

Чыкъгыш келиши 'исходный падеж'

Къыя келиш 'косвенный падеж'

Келиш ялгъамасы 'падежный аффикс'

Келиш шекли 'падежная форма'

В структуре деривационного гнезда термина *келиш* 'падеж' на первой ступени словообразования выделяются 10 производных лексем, 7 из них являются видовыми по отношению к исходному термину. Вторая ступень включает две словообразовательные парадигмы, каждая из которых состоит из двух

терминологических единиц. Минимальные структурные компоненты этого гнезда представлены 15 словообразовательными парами, например, *келиш* 'падеж' — *ер келиши* 'местный падеж', *келиш* 'падеж' — *келиш ялгъамасы* 'падежный аффикс' и пр., более крупные — четырьмя словообразовательными цепями, каждая из которых состоит из трёх звеньев:

1) *келиш* 'падеж' — *саиплик келиши* 'родительный падеж' — *васталы саиплик келиши* 'определённая форма родительного падежа';

2) *келиш* 'падеж' — *саиплик келиши* 'родительный падеж' — *вастасыз саиплик келиши* 'неопределённая форма родительного падежа';

3) *келиш* 'падеж' — *тюшюм келиши* 'винительный падеж' — *васталы тюшюм келиши* 'определённая форма винительного падежа';

4) *келиш* 'падеж' — *тюшюм келиши* 'винительный падеж' — *вастасыз тюшюм келиши* 'неопределённая форма винительного падежа'.

Лексемы в анализируемом терминологическом гнезде связаны отношениями и производности, и семантически.

Деривационные макрогнёзда можно построить с исходными терминами *джумле* 'предложение', *ургъу* 'ударение', *исим* 'имя существительное', *фииль* 'глагол', *замир* 'местоимение' и др., которые прослеживаются в составленном нами словаре [Словарь крымскотатарских лингвистических терминов и метаязыковых единиц, 2008] Однако не все лингвистические термины крымскотатарского языка образуют разветвленные терминологические гнезда. Часть терминов объединяется в микрогнёзда, в которых кроме ключевого (исходного) слова, представлена одна производная лексема. Например, *меджаз* 'метафора' — *меджазий (мана)* 'метафорическое (значение)', *тамыр* 'корень' — *тамырдаш сёз* 'однокоренное слово', *сема* 'сема' — *устюн сема* 'архисема' и др.

Полученные данные позволяют говорить о том, что терминологические гнёзда представляют собой совокупности терминологических единиц, производных от исходной лексемы.

Производные термины являются в основном составными наименованиями, терминами-словосочетаниями.

Таким образом, для лингвистических терминов крымскотатарского языка характерны различные типы системных отношений. Исследование указанных связей, на наш взгляд, позволяет наиболее полно описать существенные признаки изучаемой терминосистемы.

Выводы по третьему разделу

Проведённый в третьем разделе анализ лингвистической терминологии крымскотатарского языка позволил установить ее системный статус. Выявлены и всесторонне охарактеризованы парадигматические системные отношения: синонимия, антонимия, гиперо-гипонимия, омонимия и полисемия. Исследованы генетические пласты, структурно-грамматические модели терминов, частеречные разряды, а также деривационные отношения, формирующие словообразовательные гнёзда.

Синонимия — довольно распространённое явление в крымскотатарской лингвистической терминологии. В большом количестве встречаются синонимы, связанные отношениями «исконное слово (словосочетание) / заимствованное посредством русского языка международное слово». Можно утверждать, что такой тип синонимов сформировался вследствие заимствования терминов из разных языков.

Антонимия лингвистических терминов представлена двумя типами: а) антонимы, связанные контрарными отношениями (термины, выражающие видовые понятия, между которыми есть средний, промежуточный член): *тиль огю сеси* 'переднеязычный звук' / *тиль арты сеси* 'заднеязычный звук' (средний член — *тиль орта сеси* 'среднеязычный звук'); б) антонимы, связанные комплементарными отношениями (видовые пары, дополняющие друг друга и являющиеся предельными по своему характеру): *фиильнинъ менфий шекли* 'отрицательная форма глагола' / *фиильнинъ мусбет шекли*. Комплементарные отношения превалируют над контрарными.

Родо-видовые связи широко представлены в фонетической, морфологической и синтаксической терминологии крымскотатарского языка. Они образуют многоступенчатую иерархическую систему отношений, элементы которой могут изменять терминологический статус (видовой термин может стать родовым по отношению к единицам низшей ступени и наоборот).

Для крымскотатарской лингвистической терминологии характерны различные типы семантических, понятийных отношений: целое — часть (компонент), дисциплина / метаязык, объект науки / дисциплины, аспект (языка) и др. Исследование указанных связей, на наш взгляд, даёт возможность наиболее полно описать существенные признаки единиц, изучаемой терминосистемы.

Явления омонимии и полисемии в лингвистической терминологии крымскотатарского языка представлены в ограниченном количестве, тем не менее, можно говорить, что существование указанных явлений актуализирует необходимость стабилизации и упорядочения данной системы терминов.

Анализ структурных особенностей и частеречного статуса лингвистических терминов крымскотатарского языка позволяет сделать вывод о том, что в лингвистической терминологии крымскотатарского языка можно выделить два основных типа терминологических единиц: термины-слова и термины-словосочетания.

Термины-словосочетания составляют большую часть крымскотатарской терминологии. Они различны по количеству компонентов, входящих в их состав, и их генетической принадлежности. Среди терминов-словосочетаний, включающих два компонента, выделяются два типа: 1) субстантивные термины-словосочетания, в которых зависимый компонент выражен либо прилагательным, либо причастием; 2) субстантивные термины-словосочетания, в которых зависимый компонент выражен именем существительным (т.е. изафетные словосочетания).

Ядро лингвистической терминологии крымскотатарского языка составляют имена существительные, прилагательные и отглагольные имена.

Анализ генетических признаков лингвистических терминов крымскотатарского языка подтверждает мнение исследователей о том, что терминология пополняет ресурсы из разных источников и с помощью разных языковых средств, что формирование каждой терминосистемы имеет, как правило, длительную историю.

Состав терминологической лексики крымскотатарского языка представляет собой сочетание исконно тюркских терминов и заимствованной лексики.

Основу крымскотатарской лингвистической терминосистемы составляют исконные наименования, которые являются как самостоятельными единицами, так и компонентами гибридных терминов-словосочетаний.

Заимствования из родственных и неродственных языков занимают значительное место в исследуемой терминосистеме. Среди заимствованной лексики особую роль играют термины арабско-персидского происхождения и заимствованные через русский язык международные термины латинского и греческого происхождения. Арабские и персидские заимствования относятся к числу наиболее ранних, часть из них прочно укоренилась в терминосистеме.

Основными способами образования языковедческих терминов в крымскотатарском языке являются аффиксация и лексико-синтаксический способ. Среди словообразовательных формантов наиболее продуктивными являются следующие: *-ыджы* / *-иджи*; *-лыкъ* / *-лик*; *-даш* / *-деш*; *-лы* / *-ли*; *-ма* / *-ме*; *-ик*.

Термины в крымскотатарской лингвистической терминологии можно объединить в терминологические гнёзда, которые представляют собой разнообразные по своей структуре совокупности. Производные термины являются в основном терминами-словосочетаниями. Терминологические единицы в гнёздах связаны отношениями производности и семантически.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе исследована лингвистическая терминология крымскотатарского языка в следующих направлениях: рассмотрены динамические процессы в крымскотатарской лингвистической терминологии, а также очерчен круг источников, которые могут быть полезны для изучения данной терминосистемы в диахроническом аспекте; описаны семантические, словообразовательные, структурно-грамматические особенности лингвистической терминосистемы крымскотатарского языка; осуществлена периодизация основных этапов развития терминосистемы, описаны экстралингвистические факторы формирования терминов в определённые периоды; выявлены и всесторонне охарактеризованы внутриуровневые и межуровневые парадигматические системные отношения: синонимии, антонимии, гиперо-гипонимии, омонимии и полисемии; генетические пласты; структурно-грамматические модели терминов; частеречные разряды, а также деривационные отношения, формирующие терминологические гнёзда.

Подводя итоги проведённого исследования, можно сделать следующие выводы:

Крымскотатарская лингвистическая терминология, как и терминосистемы других отраслей знания, прошла сложный путь развития, на который оказали влияние как объективные социально-политические, так и субъективные факторы (труды известных языковедов). Без осмысления этой динамики в свете современных представлений о терминотворчестве немыслима продуктивная работа по совершенствованию научной, в том числе лингвистической, терминологии крымскотатарского языка.

Основные периоды формирования лингвистической терминологии крымскотатарского языка коррелируют с развитием крымскотатарского общества и одновременно совпадают с этапами формирования лингвистической терминологии в других тюркских языках.

В развитии лингвистической терминологии крымскотатарского языка, на наш взгляд, можно выделить следующие пери-

оды: период газеты «Терджиман» и культурно-просветительской деятельности ее издателя и редактора И. Гаспринского (1883—1918 гг.); период реформирования крымскотатарского языка (20—40-е годы XX в.); период 60—80-х гг. XX в; период развития и совершенствования крымскотатарской лингвистической терминологии на современном этапе её развития.

Первый из указанных периодов можно назвать этапом стихийного развития терминологии, последующие — организационно-целенаправленного формирования, так как крымскотатарские учёные делали попытки обозначить теоретические и практические проблемы крымскотатарской научной терминологии и пути их решения на государственном уровне.

В учебниках, изданных до 20-х годов XX в., использовались заимствованные (арабско-персидские) термины, поскольку в этот период крымскотатарское языкознание развивалось в рамках арабской грамматической традиции. Однако уже в конце XIX в. составители арабографических грамматик крымскотатарского языка («Сарф-и тюркий», «Каваид-уль-лисан-и тюркий») делали попытки использовать в качестве терминов исконно тюркские слова.

Для 20—30-х годов XX в. характерны тенденции, направленные на пересмотр старой терминологии и замену её новообразованиями, сформированными на базе крымскотатарского языка (Ш. Бекторе, Б. Чобан-заде).

Для формирования крымскотатарской терминологии большое значение имели терминологические дискуссии 20—30 гг. XX столетия. Широкое обсуждение вопросов научной терминологии в этот период способствовало тому, что работа по созданию крымскотатарской научной, в том числе и лингвистической, терминологии обрела более систематический характер. Именно тогда было создано много учебников и учебных пособий на крымскотатарском языке и заложена основа современной лингвистической терминосистемы.

Важную роль в оптимизации крымскотатарской лингвистической терминосистемы сыграла научно-исследовательская деятельность таких крымскотатарских деятелей, как И. Гаспринский, Ш. Бекторе, Б. Чобан-заде, Э. А. Куртмоллаев,

А. Ислямов, У. Куркчи и др. Их научное наследие заслуживает самого тщательного изучения, так как даёт богатый материал для решения актуальных проблем крымскотатарской научной терминологии.

Современный период характеризуется активизацией деятельности крымскотатарских учёных-лингвистов по дальнейшему развитию и систематизации научной терминологии, что проявляется в расширении проблематики исследований, публикации словарей-справочников, монографий и учебных пособий для общеобразовательной и высшей школы.

Оптимизация лингвистической терминологии крымскотатарского языка сегодня должна осуществляться по следующим направлениям: 1) изучение истории становления лингвистической терминологии как системы; 2) практическая работа по созданию терминов, в том числе с учётом новых лингвистических парадигм, и их унификация; 3) популяризация терминологических решений в выпусках специализированных бюллетеней, посвящённых вопросам координации терминологической работы.

Сегодня можно говорить о системном статусе крымскотатарской лингвистической терминологии, потому что в ней отчётливо прослеживаются такие виды системных отношений, как парадигматические, эпидигматические (деривационные) и синтагматические.

Парадигматические отношения представлены синонимией, антонимией, омонимией, полисемией, гиперо-гипонимией, а также партитивными связями. В качестве парадигматической категории рассмотрены также терминологические блоки.

Основной причиной возникновения терминов-синонимов в терминологическом массиве крымскотатарского языка являются процессы заимствования. Встречаются преимущественно синонимы типа «исконное слово (словосочетание) / заимствованный посредством русского языка интернационализм», которые соотносятся друг с другом как дублиеты.

Антонимия лингвистических терминов представлена двумя типами: а) антонимы, связанные контрадными отношениями (термины, выражающие видовые понятия, между которыми

есть промежуточный член); б) антонимы, связанные комплементарными отношениями (видовые пары, дополняющие друг друга и являющиеся предельными по своему характеру). Комплементарные отношения превалируют над контрастными.

Внутрисистемная омонимия и полисемия в лингвистической терминологии крымскотатарского языка представлены в ограниченном количестве. Тем не менее, наличие данных отношений свидетельствует об актуальности стабилизации и упорядочения данной системы терминов.

В исследуемой терминосистеме широко распространены гиперо-гипонимические (родо-видовые) и партитивные (часть / целое, дисциплина / метаязык, объект науки / дисциплины) отношения.

В крымскотатарской лингвистической терминологии можно выделить терминологические блоки, представляющие собой совокупности терминов, относящиеся к определённым разделу науки о языке. Выделение таких блоков способствует систематизации терминологии.

К парадигматическим отношениям можно отнести также генетическую стратификацию терминов — исконно тюркские и заимствованные. Основу терминосистемы составляют исконные наименования, которые выступают и как самостоятельные термины, и как компоненты гибридных терминов-словосочетаний.

Заимствования из родственных и неродственных языков занимают значительное место в исследуемой терминосистеме. В ней выделяются: 1) термины, заимствованные из арабского и персидского языков; 2) заимствованные через посредство русского языка термины латинского и греческого происхождения; 3) заимствования из других тюркских языков.

Структурно-грамматическая типология терминов также может быть рассмотрена как системный феномен. Выделены термины-слова и термины-словосочетания. Последние превалируют в количественном отношении.

Эпидигматические отношения как частный вид ассоциативных отношений иллюстрируются в работе деривационными характеристиками лингвистических терминов.

Терминологические гнёзда формируются из однословных и сверхсловных терминов, связанных преимущественно гипе-ро-гипонимическими отношениями. В структуре терминологических гнёзд выделяются словообразовательные пары, а также более крупные единицы — словообразовательные цепи, большинство из которых включает два звена. Построение терминологических гнёзд дает возможность упорядочить совокупности терминов, выявить их деривационные возможности.

Таким образом, проведенный в данной работе анализ позволяет квалифицировать крымскотатарскую лингвистическую терминологию как сложившуюся терминосистему с разнообразными системными связями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Научная литература

Амансарыев, Б. Лексико-семантическая и словообразовательная характеристика лингвистической терминологии туркменского языка : автореф. дис. ... канд. филологических наук : 10.02.02 / Б. Амансарыев — Ашхабад, 1986. — 25 с.

Арбекова, Т. И. Лексикология английского языка (практический курс) / Т. И. Арбекова. — М. : Высш. шк., 1977. — 240 с.

Арнольд, И. В. Основы научных исследований в лингвистике: учебн. пособие / И. В. Арнольд. — М. : URSS, 2013. — 144 с.

Астемирова, Ф. Б. Роль русского языка в формировании кумыкской лингвистической терминологии / Ф. Б. Астемирова // Советская тюркология. — 1980. — № 3. — С. 25—31.

Ахманова, О. С. К вопросу об основных понятиях метаязыка лингвистики / О. С. Ахманова // ВЯ. — 1961. — № 5. — С. 115—121.

Ахманова, О. С. Терминология лингвистическая / О. С. Ахманова // Лингвистический энциклопедический словарь. — М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. — С. 509.

Ахманова, О. С. Предисловие / О. С. Ахманова // Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотипное. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — С. 3—19.

Ахметгалева, Я. С. Грамматика татарского языка Ибрагима Хальфина / Я. С. Ахметгалева // Советская тюркология. — 1979. — № 6. — С. 23—30.

Баскаков, Н. А. Современное состояние терминологии в языках народов СССР / Н. А. Баскаков // Вопросы терминологии. — М. : Академии Наук СССР, 1961. — С. 55—70.

Баскаков, Н. А. Введение в изучение тюркских языков / Н. А. Баскаков. — М. : Высш. шк., 1969. — 383 с.

Баскаков, А. Н. Современная турецкая юридическая терминология и ее лексикографическое оформление / А. Н. Баскаков // Тюркская лексикология и лексикография. — М. : Наука, 1971. — С. 236—243.

Баширова, И. Б. Хэзерге татар әдәби теле. Семасиология: татар лексикасында системалы бәйләнеш-мөнәсәбтләр / И. Б. Баширова. — Казан : ИЯЛИ АН РТ, 2006. — 192 с.

Белли тильшынас Усеин Куркчи // «Тасиль», 2002 — № 1. — С. 14—15.

Бердимуратов, Е. О терминологии каракалпакского языка // Тюркская лексикология и лексикография / Е. Бердимуратов. — М. : Наука, 1971. — С. 208—217.

Березин, Ф. М. История лингвистических учений / Ф. М. Березин. — М. : Высш. шк., 1975. — 304 с.

Березин, Ф. М. Общее языкознание. Учебн. пособие для студентов / Ф. М. Березин, Б. Н. Головин. — М. : Просвещение, 1979. — 416 с.

Бим, И. Л. Всегда ли инновации в области терминологии следствие развития научного знания? / И. Л. Бим // ИЯШ. — 2004. — № 3. — С. 30—33.

Бутрим, В. Е. Особенности семантики терминов категории свойств / В. Е. Бутрим // Современные проблемы русской терминологии. — М. : Наука, 1986. — С. 34—37.

Буянова, Л. Ю. Термин как единица логоса. Монография / Л. Ю. Буянова. — М. : ФЛИНТА: Наука, 2012. — 224 с.

Васильев, Л. М. Современная лингвистическая семантика / Л. М. Васильев. — М. : Наука, 1990. — 270 с.

Васильев, Л. М. Полисемия. Исследования по семантике / Л. М. Васильев // Межвузовский научный сборник. Вып. 1. — Уфа : Наука, 1975. — С. 3—10.

Васильева, Н. В. Терминология лингвистическая / Н. В. Васильева // Русский язык. Энциклопедия. Изд. 2-е, переработанное и дополненное / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. — М. : Большая Российская энциклопедия, 1997. — С. 560—562.

Васильева, О. В. Бахчисарайское собрание восточных рукописей / О. В. Васильева, В. В. Лебедев // Источники по истории отечественной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг: Сборник научных трудов / ГПБ. — Л. : — 1983. — С. 131—139.

Верещагин, Е. М. У истоков славянской философской терминологии: ментализация как приём терминотворчества / Е. М. Верещагин // ВЯ. — М. : Наука, 1982. — С. 105—114.

Вильчинский, С. С. Терминология и культура научной речи / С. С. Вильчинский // Язык и культура. Третья международная конференция. Доклады и тезисы докладов. — К. : б.изд., 1994. — С. 173—175.

Виноградов, В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове: учебн. пособие для вузов / В. В. Виноградов / Отв. ред. Г. А. Золотова. — 3-е изд., испр. — М. : Высш. шк., 1986. — 640 с.

Волкова, И. Н. Стандартизация научно-технической терминологии / И. Н. Волкова. — М. : Изд-во стандартов, 1984. — 200 с.

Волкова, И. Н. Моделирование определений в терминологических стандартах / И. Н. Волкова // Современные проблемы русской терминологии. — М. : Наука, 1986. — С. 140—162.

Гайдарки, Г. А. Становление гагаузской лингвистической терминологии Актуальные проблемы терминологии на тюркских языках СССР / Г. А. Гайдарки // Тюркология-88. Тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной тюркологической конференции. — Фрунзе : Илим, 1988. — С. 302—305.

Ганиев, Ф. А. Современный татарский язык: суффиксальное и фонетическое словообразование / Ф. А. Ганиев. — Казань : Изд-во «Дом печати», 2005. — 360 с.

Ганиева, Э. С. Усеин Куркчининъ лингвистик мирасы / Э. С. Ганиева, Н. С. Сейдаметова // Куркчи У. О. Къырымтатар тилинде русча къаршылыкълары иле грамматика терминлери лугъаты. — Симферополь : РИА «Аян», 2008. — С. 4—9.

Ганиева, Э. С. Алишер Навоининъ «Мухакамат ал-лугътайн» адлы эсеринде тильшынаслыкъкъа даир малюматлар / Э. С. Ганиева // Ыылдыз. — Симферополь, 2006. — № 5. — С. 141—147.

Ганиева, Э. С. Къырымтатар ильмий терминологиясынынъ инкишаф ёллары / Э. С. Ганиева // Научный бюллетень научно-исследовательского центра «Рукописная книга». — Симферополь, 2007. — № 13. — С. 45—48.

Ганкевич, В. На службе правде и просвещению / В. Ганкевич. — Симферополь : Доля, 2000. — 328 с.

Гасымов, М. Ш. Из истории образования и развития терминологии в Азербайджане / М. Ш. Гасымов // Тюркская лексикология и лексикография. — М. : Наука, 1971. — С. 194—208.

Гвишиани, Н. Б. Язык научного общения. Вопросы методологии — Н. Б. Гвишиани. — М. : Высш. шк., 1986. — 280 с.

Гвишиани, Н. Б. Метаязык / Н. Б. Гвишиани // Лингвистический энциклопедический словарь. — М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. — С. 297—298.

Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение. Учебное пособие / Е. И. Голованова. — М. : Флинта: Наука, 2011. — 224 с.

Головин, Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. — М. : Высш. шк., 1987. — 103.

Гореликова, С. Н. Природа термина и некоторые особенности термино-образования в английском языке / С. Н. Гореликова // Вестник ОГУ. — 2002. — № 6. — С. 129—136.

Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение. Учебное пособие / С. В. Гринев-Гриневиц. — М. : Академия, 2008. — 304 с.

Гринев, С. В. К истории отечественного терминоведения. // Научно-техническая информация. Сер 1. Организация и методика информационной работы / С. В. Гринев, В. М. Лейчик. — М. : 1999. — № 7. — С. 1—13.

Гусева, Е. И. О становлении полифункциональности слова в языке-реципиенте (к проблеме единства языка) / Е. И. Гусева // Восточнотатарский лингвистический сборник: Сборник научных трудов / Отв. ред. Е. С. Отин. — Вып. 10. — Донецк : ТОВ «Юго-Восток, Лтд», 2006. — С. 322—332.

Даниленко, В. П. О терминологическом словообразовании / В. П. Даниленко // ВЯ. — 1973. — № 4. — С. 76—85.

Даниленко, В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. — М. : Наука, 1977. — 243 с.

Даниленко, В. П. Актуальные направления лингвистического исследования русской терминологии / В. П. Даниленко. — М. : Наука, 1986. — С. 5—18.

Данилова, М. Г. Чувашская лингвистическая терминология. Опыт изучения национального и интернационального компонентов в терминологической системе : дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / М. Г. Данилова. — Чебоксары, 2004. — 262 с.

Дмитриев, Н. К. Грамматическая терминология в учебниках родного языка (татарских, башкирских и чувашских) / Н. К. Дмитриев. — М. : Академии педагогических наук РСФСР, 1955. — 131 с.

Дьяков, А. С. Основы термінотворення. Семантичні та соціолінгвістичні аспекти / А. С. Дьяков, Т. Р. Кияк, З. Б. Куделько. — К. : Видавничий дім «KM Academia», 2000. — 216 с.

Зайнуллина, Г. Д. Формирование и развитие башкирской лингвистической терминологии / Г. Д. Зайнуллина. — Уфа : Гилем, 2002. — 133 с.

Закиев, М. З. Итоги и перспективы сопоставительного изучения татарского языка / М. З. Закиев // Сборник научных трудов Казан. гос. ун-та под общей ред. А. А. Аминовой и Н. А. Андрановой. — Казань : Изд.-во Казан. гос. ун-та, 2003. — С. 71—76.

Зарбалиев, Х. М. Вопросы азербайджанской лингвистической терминологии / Х. М. Зарбалиев // Азербайджан терминологиясы проблемлери. Ельми-практик конгрессин материаллары. — Баку : В. И. Ленин адына АПИ-нин нешри. — 1988. — С. 35—36.

Зейналов, Ф. Р. О необходимости создания сравнительного словаря лингвистических терминов тюркских языков / Ф. Р. Зейналов // Советская тюркология. — 1973. — № 4. — С. 68—70.

Иванов, А. В. К определению онтологических признаков мета-языка лингвистики / А. В. Иванов // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4—6 октября 2004 г.). Труды и материалы / Под общей ред. К. Р. Галиуллина. — Казань : изд-во Казан. ун-та. — С. 292—293.

Иванова, Г. А. О некоторых причинах акцентологического варьирования терминов // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4—6 октября 2004 г.): Труды и материалы: / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2004. — С. 61—62.

Изидинова, С. Р. Фонетические и морфологические особенности крымскотатарского языка в ареальном освещении : автореф. дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.06 / С. Р. Изидинова. — М., 1982. — 23 с.

Исхакова, Х. Ф. Структуры терминологических систем. Тюркские языки / Х. Ф. Исхакова. — М. : Наука, 1987. — 128 с.

Кадыров, Т. Ш. О трех лингвистических терминах словаря «Хуласа-йе Аббаси» Мухаммада Хувайи / Т. Ш. Кадыров // Советская тюркология. — 1985. — № 1. — С. 71—74.

Казыро, Г. Н. К проблеме лингвистического термина (на материале лексикологической и семасиологической терминологии французского и немецкого языков) : автореф. дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Г. Н. Казыро. — М., 1980. — 28 с.

Канделаки, Т. Л. Значения терминов и системы значений научно-технических терминологий / Т. Л. Канделаки // Проблемы языка науки и техники. — М. : Наука, 1970. — С. 29—35.

Канделаки, Т. Л. Семантика и мотивированность терминов / Т. Л. Канделаки. — М. : Наука, 1977. — 167 с.

Канделаки, Т. Л. Опыт разработки принципов упорядочения терминологий // Современные проблемы русской терминологии / Т. Л. Канделаки. — М. : Наука, 1986. — С. 124—140.

Канцельсон, С. Д. Общее и типологическое языкознание / С. Д. Канцельсон. — Л. : Наука, 1986. — 230 с.

Караулов, Ю. Н. Терминология / Ю. Н. Караулов // БРЭ. — 2-е изд. — М., 1997. — С. 558—562.

Квитко, И. С. Термин в научном документе (Работа редактора над термином) : автореф. дис. ... кандидата филологических наук : 05.25.24 / И. С. Квитко. — М., 1979. — 20 с.

Керимов, И. А. Гаспринскийнинъ джанлы тарихи. 1883—1914 / И. А. Керимов. — Симферополь : Тарпан, 1999. — 408 с.

Керимов, И. А. Санкт — Петербург кутюпханесинде / И. А. Керимов // Полуостров. — 2006. — № 50. — 23 декабря.

Кияк, Т. Р. Мотивированность лексических единиц. Текст: количественные и качественные характеристики / Т. Р. Кияк. — Львов : Вища шк., 1988. — 163 с.

Кияк, Т. Р. Лингвистические аспекты терминоведения / Т. Р. Кияк. — К. : УМКВО, 1989. — 103 с.

Кияк, Т. Р. Проблема лінгвістичного упорядкування термінології // Українська термінологія и сучасність. Збірник наукових праць. Випуск VI / Т. Р. Кияк / Відп. ред. Л. О. Симоненко. — К. : КНЕУ, 2005. — С. 13—17.

Кияк, Т. Р. Запозичення та інтернаціоналізми у фахових мовах / Т. Р. Кияк // Вісн. Житомир. держ. ун-ту ім. І. Франка. — 2006. — № 27. — С. 32—34.

Климович, Л. На службе просвещения. О первой тюркоязычной газете «Терджиман» и ее издателе И. Гаспринском / Л. Климович // Исмаил бей Гаспринский (Гаспралы) / Сост. Ю. Кандымов и др. — Симферополь : Таврия, 1991. — 64 с.

Кодухов, В. И. Введение в языкознание / В. И. Кодухов. — М. : Просвещение, 1979. — 351 с.

Колесникова, И. Л. Английские и русские методические термины и проблемы создания терминологического справочника / И. Л. Колесникова, О. А. Долгина // ИЯШ. — 2001. — № 3. — С. 42—45.

Комарова, З. И. Терминологическая ситуация как социокультурный феномен / З. И. Комарова // Язык и культура. — К. : б. изд., 1986. — № 2. — С. 196—203.

Комарова, З. И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание / З. И. Комарова. — Свердловск : Изд-во Уральского ун-та, 1991. — 156 с.

Кононов, А. Н. В. В. Радлов и отечественная тюркология / А. Н. Кононов // Тюркологический сборник. — М. : Наука, 1972. — С. 7—15.

Кононов, А. Н. Тюркское языкознание в Академии наук / А. Н. Кононов // ВЯ. — 1974. — № 3. — С. 38—51.

Кочерган, М. П. Загальне мовознавство / М. П. Кочерган. — К. : Видавничий центр «Академія», 1999. — 289 с.

Кронгауз, М. А. Семантика. Учебник для студен. лингв. фак. высш. учеб. заведений / М. А. Кронгауз. — М. : Издательский центр «Академия», 2005. — 352 с.

Кубрякова, Е. С. Диахрония / Е. С. Кубрякова // Лингвистический энциклопедический словарь. — М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. — С. 136.

Кудрявцева, Л. А. Моделирование динамики словарного состава языка. Монография / Л. А. Кудрявцева — 2-е изд.; испр. — К. : ИПЦ «Киевский университет», 2004. — 208 с.

Кузнецова, Э. В. Лексикология русского языка / Э. В. Кузнецова. — М., 1989. — 216 с.

Куликова, И. С. Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-паралингвистический аспекты лингвистической терминологии) / И. С. Куликова, Д. В. Салмина — Санкт-Петербург : Сага, 2002. — 352 с.

Кунгуров, Р. Современное состояние и перспективы развития грамматической терминологии в тюркских языках. Актуальные проблемы терминологии на тюркских языках СССР / Р. Кунгуров // Тюркология-88. Тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной тюркологической конференции. — Фрунзе : Илим, 1988. — С. 310—312.

Курбанова, Л. К. Место терминологической лексики в лексической системе языка : автореф. дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Л. К. Курбанова. — Баку, 2005. — 25 с.

Куркчи, У. О. Фиқир инджилери / У. О. Куркчи — Ташкент : Гъафур Гъулям адына эдебият ве санат нешрияты, 1986. — 88 с.

Куркчи, У. О. Сёз бирикмелери / У. О. Куркчи // Йылдыз, 1987. — № 1. — С. 127—135.

Куркчи, У. О. Сёз бирикмелери / У. О. Куркчи // Йылдыз, 1987. — № 4. — С. 135—139.

Куркчи, У. О. Сёз бирикмелери / У. О. Куркчи // Йылдыз, 1988. — № 1. — С. 137—141.

Куркчи, У. О. Сёз бирикмелери / У. О. Куркчи // Йылдыз, 1989. — № 1. — С. 139—144.

Куркчи, У. О. Сёз бирикмелери / У. О. Куркчи // Ыылдыз, 1989. — № 2. — С. 139—144.

Кучкартаев, И. К. Проблема терминологической синонимии в тюркских языках. Область гуманитарных наук. Актуальные проблемы терминологии на тюркских языках СССР / И. К. Кучкартаев // Тюркология-88. Тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной тюркологической конференции. — Фрунзе : Илим, 1988. — С. 307—308.

Куцак, Г. Міжгалузева термінологічна омонімія / Г. Куцак // Українська термінологія: Збірник наукових праць / НАН України, Інститут української мови, Комітет наукової термінології; Ред. кол. : Л. О. Симоненко (відп. ред.) та ін. — К., 1998. — 264 с.

Лейчик, В. М. Терминология / В. М. Лейчик // Русский язык. Энциклопедия. Изд. 2-е, переработанное и дополненное / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. — М. : Большая Российская энциклопедия, 1997. — С. 558—560.

Лейчик, В. М. Термины-фразеологизмы в ряду номинативных словосочетаний терминологического характера / В. М. Лейчик // Научно-техническая информация. Сер 2. Информационные процессы и системы. М. : 2002. — № 12. — С. 33—37.

Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. — М. : Либроком, 2009. — 256 с.

Лемов, А. В. Система, структура и функционирование научного термина / А. В. Лемов. — Саранск : Изд-во Мордовского университета, 2000. — 192 с.

Лотте, Д. С. Краткие формы научно-технических терминов / Д. С. Лотте. — М. : Наука, 1971. — 82 с.

Мазинов, А. С. Греческие и итальянские заимствования в крымскотатарском языке : дис. ... канд. филологических наук : 10.02.13 / А. С. Мазинов. — Киев, 2004. — 221 с.

Малицька, В. Основні типи мотивації термінів інформаційно-комп'ютерних технологій китайської мови / В Малицька// Ученые записки ТНУ им В. И. Вернадского. Т. 18 (57). — Симферополь: RICON, 2005. — № 3. — С. 125—128.

Материалы I Всесоюзного тюркологического съезда. — Баку : 1926. — 431 с.

Махиева, Л. Х. Формирование и развитие лингвистической терминологии карачаево-балкарского языка : дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.02 — Языки народов Российской Федерации (тюркские языки) / Л. Х. Махиева. — Нальчик, 2003. — 166 с.

Медвідь, О. В. Українська граматична терміносистема (історія та сучасний стан): автореферат дис. ... кандидата філологічних наук: 10.02.01 / О. В. Медвідь. — Харков, Нац. ун-т ім. В. Н. Казіна, 2001. — 17 с.

Медвідь, О. В. До вивчення української морфологічної термінології / О. В. Медвідь // Проблеми української термінології. Вісник Державного університету «Львівська політехніка». — № 336. — 1998. — С. 72—74.

Мельников, Г. П. Основы терминоведения / Г. П. Мельников. — М. : Изд-во ун-та дружбы народов, 1991. — 116 с.

Меметов, А. М. Арабские заимствования в современном крымскотатарском языке / А. М. Меметов // Советская тюркология. — 1985. — № 5. — С. 9—21.

Меметов, А. М. Лексикология крымскотатарского языка: учебн. пособие / А. М. Меметов. — Симферополь : Крымучпедгиз, 2000. — 288 с.

Меметов, А. М. Крымтатарская терминология / А. М. Меметов, К. Мусаев // Крымтатарский язык. — Симферополь : Крымучпедгиз, 2003. — С. 22—29.

Микитюк, О. До проблеми розвитку української термінологіки / О. Микитюк // Вісник Національного ун-ту «Львівська політехніка». Проблеми української термінології. — 2002. — № 453. — С. 24—29.

Минавичев, В. С. Фонетическая терминология в трудах И. А. Бодуэна де Куртенэ / В. С. Минавичев // Лингвистическая терминология и прикладная топонимика. М. : Наука, 1964. — С. 7—27.

Мифтахова, И. Г. Формирование лингвистической терминологии в татарском языкознании (по татарским грамматикам XIX — начала XX вв.) / И. Г. Мифтахова // Языковая семантика и образ мира. — Казань : Изд-во КГУ, 1997. — С. 54—56.

Молдажаров, Ж. М. Становление и развитие казахской лингвистической терминологии : автореф. дис. ... кандидата филологических наук : 10.665 / Ж. М. Молдажаров. — Алма-Ата, 1972. — 27 с.

Муравицкая, М. П. Некоторые вопросы полисемии: Материалы для спецкурсов и спецсеминаров по лексикологии / М. П. Муравицкая. — Киев : Изд-во Киевского университета, 1964. — 32 с.

Мусаев, К. М. Лексикология тюркских языков / К. М. Мусаев. — М. : Наука, 1984. — 328 с.

Мусаев, К. М. Актуальные проблемы терминологии на тюркских языках СССР / К. М. Мусаев // Тюркология-88. Тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной тюркологической конференции. — Фрунзе: Илим, 1988. — С. 15—17.

Навои, А. Суждение о двух языках. Пер. А. Мелеховой. Сочинение в десяти томах. Т. 10. / А. Навои. — Ташкент : Фан, 1970. — С. 107—139.

Насилов, Д. М. Лингвистические взгляды Алишера Навои / Д. М. Насилов // История лингвистических учений. Средний восток. — Л. : Наука, 1981. — 298 с.

Некоторые теоретические вопросы терминологии / Регушевский Е. С., Масликова О. С., Шаталина Е. Ф., Шубина Т. В. // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. — Т. 15 (154). — Симферополь : ТНУ им. В. И. Вернадского, 2002. — С. 205—206.

Никитина, С. Е. Семантический анализ языка науки. На материале лингвистики / С. Е. Никитина / Отв. ред. Н. А. Слюсарева. Изд. 2-е, испр. и доп. — М. : Книжный дом «Либроком», 2010. — 146 с.

Опейда, Й. О. Про синонімію в хімічній термінології / Й. О. Опейда // Донецький вісник Наукового Товариства імені Шевченка. — Донецьк : Український культурологічний центр, 2001. — С. 89—93.

Орузбаева, Б. О. Современная киргизская терминология / Б. О. Орузбаева // Советская тюркология. — 1972. — № 4. — С. 72—77.

Петров, Н. П. К истории становления чувашской терминологии (1917—1929 гг.) / Н. П. Петров // Учёные записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР. — 1970. — Вып. 49. — С. 28—46.

Петров, В. В. Семантика научных терминов / В. В. Петров. — Новосибирск : Наука, 1982. — 130 с.

Підвойний, В. М. Джерела термінологічної думки та етапи розвитку концепцій творення термінологічних систем у турецькому мовознавстві / В. М. Підвойний // Вісник Київського національного університету ім. Тараса Шевченка. — 2000 — Вип. 4. — С. 40—45.

Підвойний, В. М. Лінгвістична термінологія турецької мови : автореф. дис. ... кандидата філологічних наук : 10.02.13 / В. М. Підвойний. — К., 2001. — 16 с.

Попова, Л. В. Описательное терминоведение: проблемы, задачи, методы, достижения (на материале авторских терминосистем функциональной грамматики) / Л. В. Попова // Вестник Омского юридического института. — Омск : Омский юридический институт, 2004. — № 2 (02). — С. 110—116.

Попова, Л. В. Лингвистический термин: проблема качества (Опыт составления Комплексного словаря терминов функциональной грамматики) — 2-е изд., стереотип / Л. В. Попова. — М. : ФЛИНТА, 2011. — 198 с.

Рахимова, Р. К. Татар теле терминологиясенен формалашуында тарихи факторларнын роле / Р. К. Рахимова // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды международной конференции. — Казань, 1992. — С. 211—214.

Реформатский, А. А. Что такое термин и терминология? / А. А. Реформатский // Вопросы терминологии: Материалы Всесоюзного терминологического совещания. — М. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 46—54.

Реформатский, А. А. Мысли о терминологии / А. А. Реформатский // Современные проблемы русской терминологии. — М. : Наука, 1986. — С. 163—198.

Реформатский, А. А. Введение в языковедение: Учебник для вузов / под ред. В. А. Виноградова. — 5-е изд., испр. — М. : Аспект Пресс, 1998. — 536 с.

Рехманов, Ч. Е. Азербайджан дилинде риязи дилчилик терминлери / Ч. Е. Рехманов // Азербайджан терминологиясы проблемлери. Елми-практик конفرансын материаллары. — Баку, 1988. — С. 32—34.

Ребрушкіна, И. А. Ориентирующие свойства терминов: на материале русской лингвистической терминологии : дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 — Русский язык / И. А. Ребрушкіна. — Саранск, 2005. — 147 с.

Рустемов, О. Д. Внешняя и внутренняя лингвистика крымскотатарского языка (Терминология правовой сферы) / О. Д. Рустемов. — Киев : Общество «Знание» Украины, 2001. — 40 с.

Рустемов, О. Д. Юридическая терминология крымскотатарского языка: генезис, эволюция, перспективы / О. Д. Рустемов. — Симферополь : КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2014. — 200 с.

Сейдаметова, Н. С. Къырымтатар тили лексикасыны калька ялув усулынен инкишафы / Н. С. Сейдаметова // Научный бюллетень. — 2007. — № 13. — С. 49—52.

Слесарева, И. П. Проблемы описания и преподавания русской лексики / И. П. Слесарева. — М : Русский язык, 1990. — 176 с.

Сложеникина, Ю. В. О соотношении понятий «значение» и «смысл»: к проблеме терминологической вариантности / Ю. В. Сложеникина // Вестник СамГУ, 2006. — № 1 (41). — С. 123–133.

Степанов, Ю. С. Основы общего языкознания. Изд. 4 / Ю. С. Степанов. — М. : URSS. — 2016. — 272 с.

Ступин, В. А. Инфосоциолингвистика: методология, методика и техника исследования динамики терминологических процессов и предметных областей / В. А. Ступин. — СПб. : С-П. гос. ун-т экономики и финансов, 2000. — 185 с.

Суперанская, А. В. Общая терминология: Вопросы теории А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева / М. : ЛИБРОКОМ, 2012. — 248 с.

Тезисы, доклады и принятые резолюции II Всекрымской научно-орфографической конференции. — Симферополь : Крымгосиздат, 1929. — 56 с.

Тенишев, Э. Р. К изучению тюркских языков Крыма / Э. Р. Тенишев // Известия Российской АН. Серия литературы и языка. — Т. 54. — № 1. — 1995. — С. 41 — 48.

Тихонов, А. Н. Современный русский язык. (Морфемика. Словообразование. Морфология) / А. Н. Тихонов. — М. : «Цитадель-трейд», 2002. — 464 с.

Тищенко, К. Метатеория мовознавства / К. Тищенко. — Киев : Основи, 2000. — 350 с.

Указатель рукописных и старопечатных книг, переданных в 1976 г. из Бахчисарайского историко-археологического музея в Государственную Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина / Составление, вступительная статья, комментарии Н. Р. Абдульваана. — Симферополь : Доля, 2007. — 160 с.

Українська термінологія і сучасність: Зб. наук. пр. Вип. VI / Відп. ред. Л. О. Симоненко — К. : КНЕУ, 2005 — 374 с.

Урсу, Д. П. Бекир Чобан-заде. Жизнь. Судьба. Эпоха / Д. П. Урсу. — Симферополь : Крымское учебно-педагогическое издательство, 2004. — 276 с.

Усеинов, С. М. Изучайте крымскотатарский язык. Часть I / С. М. Усеинов, В. А. Миреев. — Симферополь : Таврия, 1991. — 96 с.

Филин, Ф. П. Термин. Многозначность / Ф. П. Филин // БСЭ. — М., 1979. — С. 216–349.

Филюшина, В. Н. К истории формирования туркменской лингвистической терминологии : автореф. дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.02 / В. Н. Филюшина. — Ашхабад, 1975. — 22 с.

Халидов, Б. З. Учебник арабского языка / Б. З. Халидов. — Ташкент : Укътувчи, 1981. — 656 с.

Чайковская, А. И. Об арабоязычных грамматиках старотюркского языка / А. И. Чайковская // Советская тюркология. — 1975. — № 6. — С. 77–84.

Чернов, М. Ф. К вопросу о семантической классификации составных терминов чувашского языка / М. Ф. Чернов // Известия НАНИ ЧР. — 1996. — № 2. — С. 116–125.

Чобан-заде, Б. Тюрк-татар лисаниятына медхал / Б. Чобан-заде. — Баку : Азернешр, 1924. — 241 с. (араб. граф.)

Чобан-заде, Б. Къырымтатар ильмий сарфы / Б. Чобан-заде. — Акъмесджит : Къырымдевнешир, 1925. — 188 с. (араб. граф.)

Чобан-заде, Б. Тюрк грамери / Б. Чобан-заде — Баку : Азернешр, 1929. — 202 с. (лат. граф.)

Чобан-заде, Б. Къырымтатар ильмий сарфы / Б. Чобан-заде / Составители А. М. Эмирова, Н. С. Сейтягъев, под общей ред. А. М. Эмировой. — Симферополь : Доля, 2003. — 240 с.

Шайкевич, А. Я. Тезаурус / А. Я. Шайкевич // Лингвистический энциклопедический словарь. — М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. — С. 506–507.

Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка. URSS / Н. М. Шанский. — 2017. — 310 с.

Шаталіна, О. Ф. Термінологія давньоукраїнської мови 18 століття // Учёные записки ТНУ им В. И. Вернадского. Т. 18 (57) / О. Ф. Шаталіна. — Симферополь : RICON, 2005. — № 3. — С. 5–7.

Шелов, С. Д. Родовидовые определения и родовидовая иерархия терминологических понятий / С. Д. Шелов // ВЯ. — Москва : Наука, 1996. — № 6. — С. 72–83.

Шелов, С. Д. Построение терминологической базы знаний и анализ понятийной структуры терминологии / С. Д. Шелов // Научно-техническая информация. Сер. 2. — М. : 1998. — № 5. — С. 1–10.

Шелов, С. Д. К лингвистической типологии терминологических определений / С. Д. Шелов // Научно-техническая информация. Сер. 2. — М. : 2000. — № 2. — С. 1–9.

Шелов, С. Д. Терминоведение: семь вопросов и семь ответов по семантике термина / С. Д. Шелов // Научно-техническая информация. Сер. 2. — Москва, 2001. — № 2. — С. 1–12.

Щербань, Н. С. Общеязыковое и нормативное в сфере терминологии / Н. С. Щербань // *Язык и культура. Третья международная конференция. Доклады и тезисы докладов.* — К. : б. изд., 1994. — С. 170—171.

Шмелева, О. Ю. Терминологические процессы в диахронии и синхронии (на материале английского языка) / О. Ю. Шмелева. — СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2010. — 120 с.

Эмирова, А. М. Языковая ситуация в Крыму и насущные проблемы возрождения крымскотатарского языка / А. М. Эмирова // *Культура народов Причерноморья.* — Симферополь, 1997 — № 1 — С. 83—86.

Эмирова, А. М. Актуальные проблемы крымскотатарской филологии / А. М. Эмирова // *Східний світ.* — 2002. — № 1 — С. 75—79.

Эмирова, А. М. Лингвистическая концепция Бекира Чобанзаде // Чобанзаде Б. Къырымтатар ильмий сарфы / Составители: А. М. Эмирова, Н. С. Сейтягъев, под общей ред. А. М. Эмировой. — Симферополь : Доля, 2003. — 240 с.

Эмирова, А. М. Крымскотатарская лексикография: современное состояние и перспективы развития / А. М. Эмирова // *Культура народов Причерноморья.* — Симферополь, 2006. — № 3. — С. 293—296.

Эмирова, А. М. Русский дискурс в речевой деятельности крымских татар / А. М. Эмирова // *Культура народов Причерноморья.* — Симферополь, 2003. — № 37. — С. 132—135.

Qırım tatar edebiy tili Butün Qırım III ilmiy konferentsiyasının qararları. — Simferopol : Qırım ASSR Devlet neşriyatı, 1935. — 74 s.

Ferdinand de Saussure. Kurs jezykoznastwa ogolnego. — Warrszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 2002. — 280 p.

Gürsoy-Naskalı Emine. Türk Dünyası Gramer Terimleri Kılavuzu. — Ankara, 1997. — 190 s.

Hock Hans Henrich. Language history, language change and language relationship: an introduction to historical and comparative linguistics. — Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 1996. — 602 p.

Hulûsi Kilici. Ebûl-Bekâ el-Kefevi // *İslâm Ansiklopedisi.* — Cilt 10. İst., 1994. — 560 s.

Kenan Acar. Kırımlı Dilci Bekir Sitki Cobanzade. — Ankara, 2001. — 558 s.

Sema Barutçu Özönder F. Ali Şir Nevai. Muhakemetül-lugateyn. — Ankara : Irmak matbaacılık, 1996. — 244 s.

Источники фактического материала

Абдулькадир, М. Каваид-и лисан-и тюркий / М. Абдулькадир. — Бахчисарай, 1914. — 69 с.

Акъомллаев, Э. Кърымтатар тилининъ амелияты. Синтаксис / Э. Акъомллаев. — Ташкент : Укъитувчи, 1989. — 160 с.

Алиева, Л. А. Къырымтатар тилини огретюв усулшынаслыгъы / Л. А. Алиева. — Симферополь : Къырымдевокъувпеднешир, 1998. — 128 с.

Асанов, Ш. А. Очерк крымскотатарской фонетики, морфологии и орфографии / Ш. А. Асанов, А. Н. Гаркавец, С. М. Усеинов // Крымскотатарско-русский словарь. — Киев : Радянська школа, 1988. — С. 167—232.

Бекторе, Ш. Татарджа сарф, нахв / Ш. Бекторе — Тотайкой : Татар окъув ишлери, ильмий хейети тарафындан тасдыкъ булды, 1923. — 110 с.

Берберова, Р. А. Къырымтатар тили 10—11 сыныфлар ичюн / Р. А. Берберова. — Симферополь : СОНАТ, 2002. — 207 с.

Берберова, Р. А. Къырымтатар тили. 9 сыныф ичюн / Р. А. Берберова, Г. Ш. Чанталова. — Симферополь : СОНАТ, 2003. — 111 с.

Борковский, В. И. Тиль ве тиль бильгиси терминлери лугъаты / В. И. Борковский, А. Ислямов. — Симферополь : Крымгосиздат, 1941. — 58 с.

Гаркавец, А. Н. Ана тили: къырымтатар тилини факультатив огренген 7-нджи сыныф талебелери ичюн сынама дерслик / А. Н. Гаркавец. — К. : Радянська школа, 1988. — 168 с.

Гаркавец, А. Н. Ана тили: 8-инджи сыныф талебелери ичюн сынама дерслик / А. Н. Гаркавец. — К. : Радянська школа, 1989. — 192 с.

Гаспринский, И. Ходжа-и субъян / И. Гаспринский. — Багъчасарай : «Терджиман» басмаханеси, 1910. — 16 с.

Гаспринский И. Ходжа-и субъян: 3-нджи джуж. 2-нджи дефа басылды / И. Гаспринский. — Багъчачарай : «Терджиман» басмаханеси, 1910. — 62 с.

Джаманакълы, К. Эдебият ве грамматикадан иш китабы / К. Джаманакълы, У. Куркчи. — Симферополь : Кърым девлет нешрияты, 1932. — 254 с. (лат. граф.)

Ислямов, А. Грамматика. Ч. 2. Синтаксис. Учебник для 6—7 классов средней школы / А. Ислямов. — Симферополь : Къырым АССР Девлет нешрияты, 1937. — 99 с. (лат. граф.)

Ислямов, А. Грамматика: 2-нджи кысым. Синтаксис: там олмагъан орта мектеплернинъ 6—7 сыныфлары ичюн дерслик. — 2-нджи бас. / А. Ислямов. — Симферополь : Кырым АССР Девлет нешрияты, 1938. — 114 с.

Ислямов, А. Татар тилининъ грамматикасы: 2-нджи кысым. Синтаксис: там олмагъан орта мектеплернинъ 6—7 сыныфлары ичюн дерслик / А. Ислямов. — Симферополь : Кырым АССР Девлет нешрияты, 1940. — 120 с.

Куркчи, У. О. Кырымтатар тилинде русча къаршылыкълары иле грамматика терминлери / Куркчи У. О. / Сектор рукописных и архивных материалов РКБ им. И. Гаспринского. Ф. 1, оп. 1, ед. хран. 30(А), 33 л.

Куркчи, У. Татар тили грамматикасынынъ эсаслары / У. Куркчи. — Симферополь, 1934. — 22 с.

Куркчи, У. О. Башлангыч мектеплер ичюн татар тили дерслиги. Грамматика ве имля / У. О. Куркчи, Э. А. Куртмоллаев. — Симферополь : Кырым АССР девлет нешрияты, 1936. — 111 с.

Куркчи, У. О. Кырымтатар тили имлясына даир теклифлер / У. О. Куркчи // «Ленин байрагъы», 1988. — № 96.

Куркчи, У. О. Кырымтатар тили имлясына даир теклифлер / У. О. Куркчи // «Ленин байрагъы», 1988. — № 137.

Куркчи, У. О. Кырымтатар тили имлясына даир теклифлер / У. О. Куркчи // «Ленин байрагъы», 1988. — № 152.

Куркчи, У. О. Кырымтатар тилинде русча къаршылыкълары иле грамматика терминлери лугъаты / У. О. Куркчи. — Симферополь : РИА «Аян», 2008. — 64 с.

Куртмоллаев, Э. С. Башлангыч мектеп ичюн татар тили дерслиги: грамматика ве орфография: 1-нджи кысым / Э. С. Куртмоллаев, Э. Дерменджи. — Симферополь : Кырым АССР Девлет нешрияты, 1938. — 65 с.

Куртмоллаев, Э. С. Татар тили дерслиги. Грамматика ве орфография. Башлангыч мектеплернинъ 3-джи ве 4-нджи сыныфлары ичюн. 2-джи кысым / Э. С. Куртмоллаев. — Симферополь : Кырым АССР Девлет нешрияты, 1938. — 136 с.

Куртмоллаев, Э. С. Татар тили дерслиги. Грамматика ве орфография. Башлангыч мектеплернинъ 4-нджи сыныфлары ичюн / Э. С. Куртмоллаев. — Симферополь : Кырым АССР Девлет нешрияты, 1940. — 115 с.

Куртмоллаев, Э. С. Татар тилининъ грамматикасы. I кысым. Фонетика ве морфология / Э. С. Куртмоллаев. — Симферополь : Къырым АССР Девлет нешрияты, 1940. — 212 с.

Меметов, А. М. Татар тили грамматикасынынъ практикумы / А. М. Меметов. — Ташкент : Укытувчи, 1984. — 152 с.

Меметов, А. М. Къырымтатар тили / А. М. Меметов. — Симферополь : Къырымдевокъувпеднешир, 1997. — 176 с.

Меметов, А. М. Лексикология крымскотатарского языка. Учебн. пособие / А. М. Меметов. — Симферополь : Крымучпедгиз, 2000. — 288 с.

Меметов, А. М. Къырымтатар тили: 5-инджи сыныф ичюн дерслик / А. М. Меметов, Л. А. Алиева, И. А. Меметов. — Симферополь : Къырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 2001. — 208 с.

Меметов, А. М. Къырымтатар тили: 6-нджи сыныф ичюн дерслик / А. М. Меметов, Л. А. Алиева, И. А. Меметов. — Симферополь : Къырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 2001. — 168 с.

Меметов, А. М. Къырымтатар тили (8 сыныф) / А. М. Меметов, Э. Акъмоллаев, Л. А. Алиева. — Симферополь : Къырымдевокъувпеднешир, 2003. — 136 с.

Меметов, А. М. Къырымтатар тили. 10—11-инджи сыныфлар ичюн дерслик / А. М. Меметов. — Симферополь : Къырымдевокъувпеднешир, 2004. — 216 с.

Меметов, А. М. Земаневий къырымтатар тили / А. М. Меметов. — Симферополь : Къырымдевокъувпеднешир, 2006. — 320 с.

Меметов, А. М. Къырымтатар тили / А. М. Меметов, Л. А. Алиева, Э. С. Акмаллаев. — Симферополь : Къырымдевокъувпеднешир, 2007. — 128 с.

Меметова, Э. Ш. Къырымтатар тилининъ услюбиети / Э. Ш. Меметова. — Симферополь : Къырымдевокъувпеднешир, 2001. — 144 с.

Муждабаев, М. М. Ана тили (IV сыныф ичюн дерслик) / М. М. Муждабаев, Ю. Болат. — Ташкент : Укытувчи, 1969. — 192 с.

Муждабаев, М. М. Ана тили: IV сыныф ичюн дерслик. — 2-нджи басылышы / М. М. Муждабаев, Ю. Болат. — Ташкент : Укытувчи, 1974. — 198 с.

Одабаш, А. Тюрк-татар тили: 1-нджи басамакъ мектеплернинъ 4-нджи ве 5-нджи сыныфлары ичюн окъув китабы / А. Одабаш, У. Аджы-Асан. — Акъмесджит : 1-ая Гостинография, 1923. — 98 с.

Одабаш, А., Кая И. С. Руководство для обучения крымскотатарскому языку / А. Одабаш, И. С. Кая. — Симферополь : Крымиздат, 1924. — 108 с.

Сарф-и тюркий. — Бахчисарай : Изд-во типо-литогр. газ. «Терджиман». — 1907. — 26 с.

Умаров, М. У. Ана тили (III сыныф кырымтатар балалары ичюн) / М. У. Умаров, Ю. Болат. — Ташкент : Укытувчи, 1968. — 182 с.

Умеров, М. У., Болат Ю. Ана тили: 3-юнджи сыныф ичюн дерслик. — Симферополь : Кырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 1993. — 130 с.

Усеинов, К. А. Кырымтатар тили. Фонетика. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Учебник для студентов высших учебных заведений / К. А. Усеинов, Э. С. Ганиева, Н. С. Сейдаметова. — Симферополь : КРП «Видавництво «Кримнавчпеддержвидав», 2011. — 204 с.

Эмирова, А. М. Кырымтатар тили тильшынаслыкъ терминлерининъ лугъаты / А. М. Эмирова, Э. С. Ганиева, Н. С. Сейдаметова. — Симферополь : КРП «Видавництво «Кримнавчпеддержвидав», 2008. — 88 с.

Лексикографические источники

Крымскотатарско-русский словарь / Сост. Ш. А. Асанов, А. Н. Гаркавец, С. М. Усеинов. — К. : Радянська школа, 1988. — 238 с.

Крымскотатарско-русский словарь / Сост. С. М. Усеинов. — Тернополь : СМНВП «Диалог», 1994. — 400 с.

Кырымтатар тили усулшынаслыгъы истилаларынынъ изаат лугъаты / Сост. Л. А. Алиева. — Симферополь : Кырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 1999. — 48 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М. : Советская энциклопедия, 2002. — 707 с.

Русско-крымскотатарский терминологический словарь : Литература, медицина, язык / Сост. Усеинов С. М. — Симферополь : Редотдел Крымского комитета по печати, 1992. — 52 с.

Русско-крымскотатарский медицинский словарь / Сост. М. О. Люманов. — Симферополь : Кырым девлетокъув-педагогика нешрияты, 2006. — 520 с.

Русско-крымскотатарский военный словарь / Сост. М. О. Люманов — Симферополь : КъДжИ «Къырымдевокъувпеднешир» неширияты, 2008. — 320 с.

Русско-татарский толковый словарь лингвистических терминов / под ред. Ф. И. Тагировой и Ф. Ф. Гаффаровой. — Казань : ИЯЛИ, 2016. — 248 с.

Словарь лингвистических терминов / Сост. О. С. Ахманова. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 576 с.

Словарь русской ономастической терминологии / Сост. Н. В. Подольская. — М. : Наука, 1978. — 198 с.

Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителей. — 2-е изд., испр. и доп. / Сост. Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. — М. : Просвещение, 1976. — 544 с.

Словарь крымскотатарских лингвистических терминов и метаязыковых единиц / Сост. Э. С. Ганиева. — Симферополь : Крым-учпедгиз, 2008. — 84 с.

Татарча-русча тел белеме терминнары сузлеге / Сост. Ф. С. Сафиуллина. — Казан : Хатер, 1998. — 127 с.

Татар теленец аңлатмалы сузлеге / Гл. ред. : Ф. Э. Ганиев. — Казан : Матбугат йорты, 2005. — 848 с.

Турецько-український словник лінгвістичні термінології / Сост. В. М. Підвойний. — К. : Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2000. — 51 с.

Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. : Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. — М. : Сов. Энциклопедия, 1983. — 840 с.

Словарь-справочник лингвистических терминов по курсу «Введение в языкознание» / А. М. Эмирова. — Симферополь : Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 1995. — 96 с.

Интернет адреса

Атанасова И. О характеристике термина [Электронный ресурс] / И. Атанасова. — Режим доступа: <http://www.Russian.Slavica.org/article1190>.

Ахунов А. Хади Макъсуди — журналист и педагог [Электронный ресурс] / А. Ахунов // Татарстан. — 2003. — № 8. — Режим доступа: http://www.Tatar_magazin.Ru/index

Сафиуллина Р. Р. Арабская лингвистическая традиция и ее отражение в истории татарского языкознания [Электронный

ресурс] / Р. Р. Сафиуллина // Культурные традиции в Евразии. Из серии Восток-запад: Диалог культур. Вып. 4. — Казань : Фэн, 2003. — Режим доступа: <http://www.tataroved.ru>

Сложеникина Ю. В. О соотношении понятий “значение” и “смысл”: к проблеме терминологической вариантности [Электронный ресурс] / Ю. В. Сложеникина. — Режим доступа: <http://www.ssu.samara.ru/vestnik/gum/2006>.

Гиркова А. Омонимия в терминологии бизнеса // Сборник научных докладов грантового семинара [Электронный ресурс] / А. Гиркова. — Режим доступа: <http://www.pulib.sk/elpub/FF/Guzi1/index.htm>

Научное издание

Ганиева Эмине Сулеймановна

**КРЫМСКОТАТАРСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
ТЕРМИНОЛОГИЯ:
ДИАХРОНИЯ И СИНХРОНИЯ**

Монография

Компьютерная вёрстка Э. Р. Аджалимова

Подписано в печать 13.10.2017 г. Формат 60х84^{1/16}.
Гарнитура «Century Schoolbook». Усл. печ. л. 10,0. Учет.-изд. л. 9,75.
Объём 10,75 печ. л. Тираж 300 экз. Заказ № 17/09.

Отпечатано в типографии «ИП Подгорнов А.В.»
295023, Республика Крым, ул. Ген. Родионова, 17, кв. 23
Свидетельство о государственной регистрации
№ 314910234515600, от 13.12.2014 г.